ЗАПИСКИ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА,

въ Россіи цензурою непропущенныя.

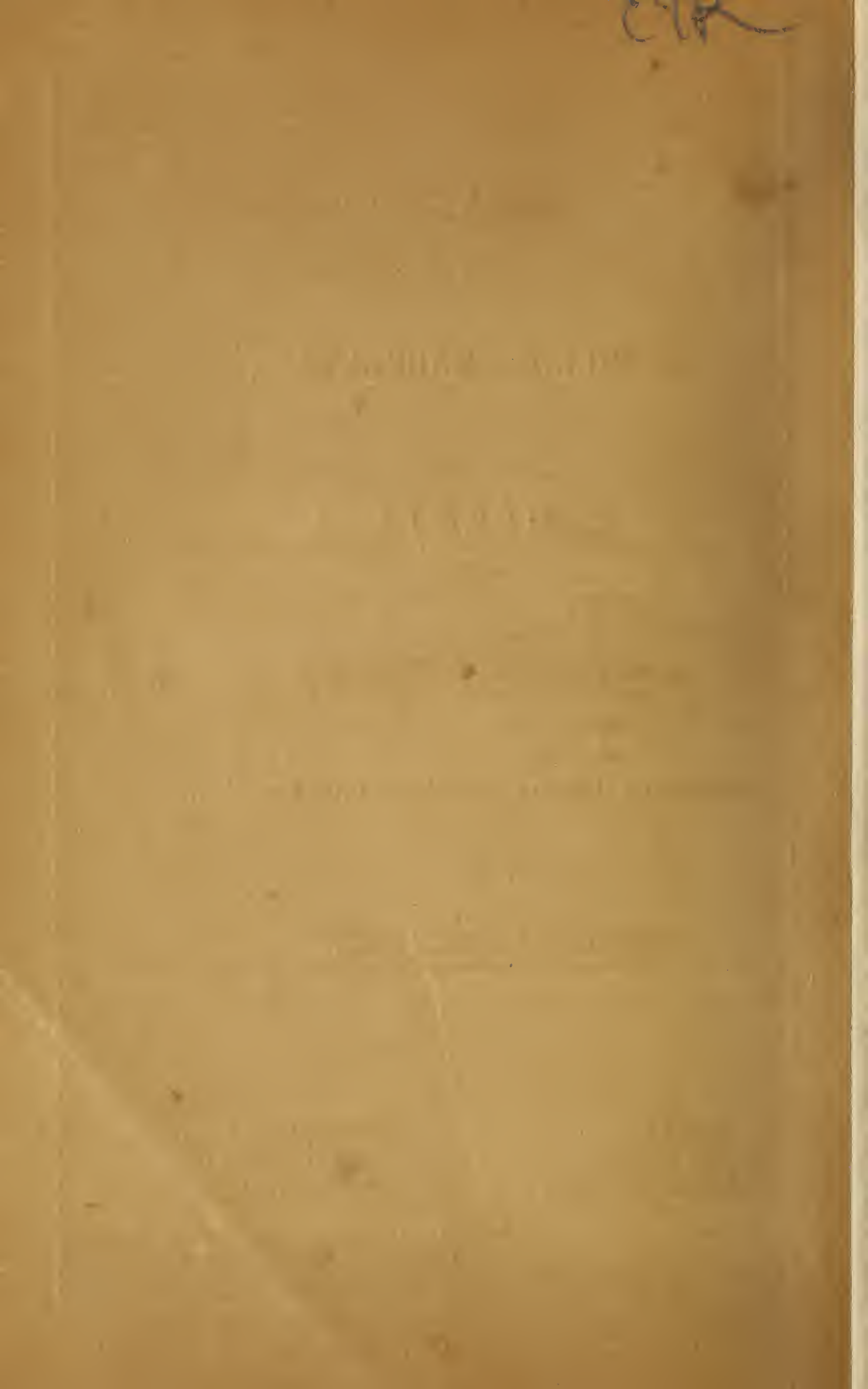
Mémoires inédits de Denis Davydow.

Prix: 6 shillings, ou 2 thalers prussiens.

LONDRES,
S. TCHORZEWSKI,
1, Macclesfield-Street, Soho.

BRUXELLES,
S. GERSTMANN,
34, rue Neuve.

1863.

ЗАПИСКИ

ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА

ДАВЫДОВА,

въ Россіи цензурою непропущенныя.

Mémoires inédits de Denis Davydow.

Prix: 6 shillings, ou 2 thalers prussiens.

LONDRES,
S. TCHORZEWSKI,
1, Macclesfield-Street, Soho.

BRUXELLES,
S. GERSTMANN,
34, rue Neuve.

1863.

Печатано
въ типографіи кн. Петра Долгорукова.
Printed and published
by prince Peter Dolgoroukow,
14, Panton-Street, Haymarket, London.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ 1860 году, старшій сынъ Дениса Васильевича Давыдова, Василій Денисовичъ, напечаталъ, въ Москвѣ, прекрасное изданіе сочиненій своего знаменитаго и почтеннаго отца. Но въ это изданіе не могла войти значительная часть записокъ Дениса Васильевича, цензурою непропущенная, и которая доставлена была ко мнѣ сыномъ одного изъ друзей Дениса Васильевича, съ приглашеніемъ напечатать. Исполняю это съ величайшимъ удовольствіемъ.

Считаю долгомъ увѣдомить С. П. Б. правительство, что никто изъ дѣтей и родственниковъ Дениса Васильевича непринималъ ни малѣйшаго участія въ доставленіи мнѣ рукописи.

Записки эти раздѣляются на четыре главы:

Глава первая. Воспоминанія о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ.

Глава вторая. Анекдоты о разныхъ лицахъ, преимущественно объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ (которому Д. В. Давыдовъ былъ двоюроднымъ братомъ и искреннимъ другомъ).

Глава третія. О польскихъ событіяхъ 1830 года.

Глава четвертая. Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Брюссель, январь 1863.

Князь Петръ Долгоруковъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ЦЕСАРЕВИЧѢ КОНСТАНТИНѢ ПАВЛОВИЧѢ.

Въ памяти всѣхъ не можетъ не быть запечатлѣннымъ образъ цесаревича Константина Павловича; одаренный замѣчательною физическою силою, будучи средняго роста, довольно строенъ, нѣсколько сутуловатъ, онъ имѣлъ физіогномію поражавшую всѣхъ своею оригинальностью и отсутствіемъ пріятнаго выраженія. Пусть всякій представитъ себѣ лицо съ носомъ весьма малымъ и вздернутымъ къ верху, у котораго густая растительность лишь въ двухъ точкахъ надъ глазами замѣняла брови; носъ ниже переносицы былъ украшенъ нѣсколькими свѣтлыми волосиками, кои, едва замѣтные при спокойномъ состояніи его духа, приподнимались вмѣстѣ съ бровями въ минуты гнѣва. Неглупый отъ природы, нелишенный доброты, въ особенности относительно близкихъ къ себѣ, онъ остался до конца дней своихъ полнымъ невѣжею. Нелюбя опасностей по причинѣ явнаго недостатка въ мужествѣ, будучи одаренъ душею мѣлкою, неспособною ощущать высокихъ порывовъ, цесаревичъ, въ коемъ не рѣдко проявлялось разстройство разсудка, имѣлъ много сходственнаго съ отцемъ своимъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что умственное поврежденіе императора Павла, которому нельзя было отказать въ замѣчательныхъ способностяхъ и рыцарскомъ благородствѣ, было послѣдствіемъ тѣхъ ужасныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекла его молодость и полнаго недостатка въ воспитаніи, а у цесаревича, коего образованіемъ также весьма мало занимались, оно по видимому было наслѣдственнымъ. Цесаревичъ говорилъ однажды нѣкоторымъ изъ

ближайшихъ къ себѣ особъ: „не смѣя обвинять отца моего, я не „могу однако несказать, что императрица Екатерина, обративъ „все свое вниманіе на брата моего Александра, вовсе не занималась „мною въ дѣтствѣ:“ Будучи предоставленъ самому себѣ, вовсе нелюбя, подобно и младшимъ братьямъ своимъ, умственныхъ занятій, онъ не былъ окруженъ съ самаго дѣтства своего наставниками, отъ которыхъ императоръ Александръ заимствовалъ тѣ возвышенные взгляды на вещи, тотъ просвѣщенный умъ, ту очаровательную обходительность въ обращеніи, которыя не могли не произвести обаятельнаго дѣйствія на самаго Наполеона. Конечно, блестящій ученикъ Лагарпа, коего подозрительный и завистливый характеръ не мало всѣмъ извѣстенъ, не былъ лишенъ недостатковъ; вполнѣ женственное кокетство этаго Агамемнона новѣйшихъ временъ было очень замѣчательнымъ. — Я полагаю, что это было главною причиною того, почему онъ съ такою скромностью не разъ отказывался отъ подносимой ему Георгіевской ленты, которой черныя и желтыя полосы не могли идти къ блондину, какимъ былъ императоръ Александръ. Но эту слабость, столь несвойственную и непростительную мужчинѣ, онъ вполнѣ искупалъ тонкимъ, просвѣщеннымъ умомъ, мужествомъ, хладнокровіемъ и очаровательнымъ обращеніемъ. Но великій князь Константинъ Павловичъ рѣзко отличался во всѣхъ отношеніяхъ отъ своего брата; тоже отсутствіе образованія было замѣтно и въ младшихъ его братьяхъ, коихъ воспитаніемъ занималась императрица Марія Θеодоровна. — Столь высокая обязанность далеко превосходила силы этой добродѣтельнѣйшей царицы, не обнаруживавшей никогда большаго ума и не мало любившей придворный этикетъ. Она однажды сказала князю И. И. Багратіону, назначаемому въ началѣ царствованія императора Александра лѣтнимъ комендантомъ Павловска: „Любезный „князь, прикажите производить смѣну карауловъ безъ музыки, а „то дѣти, услышавъ барабанъ или рожекъ, бросаютъ свои занятія „и бѣгутъ къ окну; послѣ того они въ теченіи всего дня нехотятъ „ни чѣмъ другимъ заняться.“ Вступивъ на дѣйствительную службу, цесаревичъ, бывшій неумолимо взыскательнымъ начальникомъ относительно своихъ подчиненныхъ, дозволялъ себѣ нерѣдко, въ порывѣ своего звѣрства, бить юнкеровъ, кои не обнаруживали быстрыхъ успѣховъ въ знаніи службы. Участвовавъ въ италіанской войнѣ, онъ имѣлъ при себѣ, въ качествѣ наставника и руководителя, безстрашнаго и благороднаго генерала Дерфельдена, высоко уважаемаго самимъ Суворовымъ. Будучи однажды не

довольнымъ распоряженіемъ цесаревича, Суворовъ отдалъ въ своихъ замѣткахъ слѣдующее: „зелено, молодо, и не въ свое дѣло прошу не вмѣшиваться;“ встрѣчаясь съ нимъ, Суворовъ говаривалъ ему обыкновенно: „кланяюсь сыну великаго моего государя:“ Въ теченіи этой войны цесаревичь, оцѣнивъ блестящія достоинства князя Багратіона, не переставалъ питать къ нему чувство самой искренней пріязни. Завѣдуя въ началѣ царствованія императора Александра Днѣстровскою инспекціею, онъ квартировалъ въ Дубно, куда еще съѣзжались со всѣхъ сторонъ на время контрактовъ множество помѣщиковъ и торговцевъ; онъ здѣсь сблизился съ генераломъ Бауеромъ, высылавшимъ цѣлые эскадроны гусаръ для конвоированія контрабандистовъ, удѣлявшихъ ему за то значительную долю изъ своихъ барышей. Предаваясь пьянству съ Бауеромъ и Пассекомъ (отравившимъ себя послѣ событія 14 декабря 1825 года), цесаревичь нерѣдко позволялъ себѣ съ ними весьма неприличныя выходки. Такъ на примѣръ, они, будучи одѣты въ мундирахъ, катались по городу безъ нижняго платья. Но за то на службѣ, во время похода или дороги, цесаревичь, недозволявшій себѣ ради удобства ни малѣйшаго отступленія отъ формы, былъ по истинѣ мученикомъ безумно-понимаемаго имъ долга. Хотя онъ никогда не обнаруживалъ отваги на полѣ брани, но на военномъ совѣтѣ, въ 1812 году, въ Смоленскѣ, онъ предложилъ наступательное противъ непріятеля движеніе. Въ послѣдствіи Барклай, недовольный тѣмъ, что окружающіе цесаревича дозволяли себѣ публично порицать его дѣйствія и стѣсняясь присутствіемъ его въ арміи, рѣшился выслать его подъ благовиднымъ предлогомъ въ Петербургъ; ему было поручено лично передать государю письмо важнаго содержанія. Онъ былъ заблаговременно извѣщенъ объ этомъ намѣреніи главнокомандующаго, начальникомъ штаба Ермоловымъ и правителемъ канцеляріи Барклая, Закревскимъ. По установленіи русскаго владычества въ Варшавѣ, цесаревичь, сначала довольно-милостивый къ полякамъ, далъ вскорѣ полную волю своему дикому, необузданному нраву. Посѣщая полки во время ученьевъ, онъ нерѣдко, въ припадкахъ бѣшенаго гнѣва, врѣзываясь въ самые ряды войскъ, осыпалъ всѣхъ самыми неприличными бранными словами. Онъ говаривалъ начальникамъ, при всѣхъ: „Vous n'êtes „que des cochons et des misérables, c'est une vraie calamité que de „vous avoir sous mon commandement: *я вамъ задамъ конституцію.*“ Вообще хотя въ эпоху правленія Польшею цесаревича, заботли-

востью нашего правительства благосостояніе этой страны было увеличено, но это было вполнѣ тяжкое для поляковъ время. Никакія заслуги, никакія добродѣтели не спасали тѣхъ, кои имѣли несчастіе заслужить неблаговоленіе цесаревича, дѣйствовавшаго лишь по своему капризному произволу. Хотя онъ долгое время видѣлъ лишь зрѣлище любви и подобострастія къ себѣ въ полякахъ, но сердца ихъ не могли быть преисполнены большою къ нему нѣжностью. Отсутствіе личнаго права, несправедливыя дѣйствія цесаревича и безумное злоупотребленіе силы не могли не возбудить всеобщаго негодованія. Къ довершенію всего, онъ, въ припадкахъ ярости, часто лично наказывалъ тѣхъ, кои возбуждали его подозрѣніе. Этотъ порядокъ вещей не могъ долго продолжаться; мы видѣли, что ничтожное покушеніе нѣсколькихъ подпрапорщиковъ послужило сигналомъ къ явному противъ насъ возстанію. Но цесаревичъ, столь дерзкій во фронтѣ, былъ у себя во дворцѣ отмѣнно-вѣжливъ относительно всѣхъ. Во время обѣдовъ во дворцѣ на одномъ концѣ стола сидѣлъ обыкновенно самъ цесаревичъ, а на противоположномъ-Курута, около котораго тѣснились всѣ любившіе выпить хорошаго вина, въ коемъ ощущался недостатокъ на половинѣ его высочества, довольствовавшагося въ послѣднее время одною рюмкою посредственнаго вина. Цесаревичъ, воспитанный лишь для парадовъ и разводовъ, чувствовалъ себя весьма неловкимъ среди дамской компаніи. Однажды онъ, полагая необходимымъ поддерживать разговоръ, разсказалъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ домовъ Варшавы о непріятностяхъ, возникшихъ между нимъ и его женою. Я никогда не пользовался особымъ благоволеніемъ царственныхъ особъ, коимъ мой образъ мыслей, хотя и монархическій, не совсѣмъ нравился, а потому я убѣдился по опыту, что между ними и частными людьми близкихъ отношеній существовать неможетъ и недолжно; мудрость частнаго человѣка, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на служебной лѣствицѣ, должна заключаться въ томъ, чтобы постоянно держать себя въ почтительномъ отъ нихъ отдаленіи, имѣя у себя всегда готовый имъ отвѣтъ. Хотя цесаревичъ не могъ имѣть дѣтей по причинѣ физическихъ недостатковъ, но госпожа Фридрихсъ, мужъ которой возвысился изъ фельдъегерей до званія городничаго, сперва въ Луцкѣ, а потомъ въ Дубно, будтобы родила отъ него сына, названнаго Павломъ Константиновичемъ Александровымъ. Хотя е. и. в. лучше чѣмъ кто либо могъ знать, что это былъ не его сынъ, и даже не сынъ Г-жи Фридрихсъ, надѣявшейся

этимъ средствомъ привязать къ себѣ навсегда великаго князя, но онъ очень полюбилъ этаго мальчика; состоявшій при немъ медикъ, будучи облагодѣтельствованъ его высочествомъ, и терзаемый угрызеніемъ совѣсти, почелъ нужнымъ открыть истину цесаревичу, успокоившему его объявленіемъ, что онъ уже объ этомъ обстоятельствѣ давно зналъ. Надобно отдать справедливость, что Г-жа Фридрихсъ, не показываясь нигдѣ съ великимъ княземъ, вела себя весьма скромно; во время расположенія гвардіи въ окрестностяхъ Вильны предъ самою отечественною войною, она появлялась на празднествахъ въ сопровожденіи какого либо угодливаго штабъ-офицера. Однажды, послѣ отъѣзда государя и императрицы Маріи Федоровны, говорившихъ безъ сомнѣнія цесаревичу о возможности для него вступить на престолъ, онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ окружающихъ: „я эту шапку и самъ надѣть съумѣю.“ Возвращаясь въ 1815 году, изъ Вѣны въ Варшаву, цесаревичь, проѣзжая чрезъ Краковъ, поспѣшилъ навѣстить больнаго Ермолова, который сказалъ ему: „Вы, в. и. в., спѣшите въ свое вице-королевство,“ на что цесаревичь отвѣчалъ: „ты все шутишь, а я нахожу, что было бы „гораздо полезнѣе учредить въ Польшѣ русскихъ губернаторовъ „и исправниковъ.“ Цесаревичь, никогда не любившій Барклая говаривалъ о немъ въ этомъ же году: „зачѣмъ у него такой „большой штабъ? Онъ вѣроятно хочетъ подражать Потемкину, „но этотъ лишь по волѣ императрицы окружалъ себя во время „войны съ турками большою свитою, затѣмъ, чтобы при заклю„ченіи мира она не уступала свитѣ турецкаго паши; впрочемъ у „насъ есть свой фельдмаршалъ въ Краковѣ.“ (Онъ разумѣлъ Ермолова).

Около 1820 года цесаревичь познакомился со вдовою Грудзинскою, имѣвшею трехъ дочерей. Необыкновенная красота и превосходное воспитаніе трехъ сестеръ, которыя были этимъ обязаны одной англичанкѣ, избранной покойнымъ ихъ отцемъ, не могли не привлечь вниманія цесаревича; онъ былъ, можно сказать, обвороженъ одною изъ нихъ. Вдова Грудзинская, замѣчательная по своимъ ограниченнымъ способностямъ, вступила во вторый бракъ съ гофмаршаломъ Броницомъ, человѣкомъ весьма веселаго свойства и отличнымъ собутыльникомъ, у котораго во время семилѣтняго странствованія по чужимъ краямъ было конфисковано и продано самымъ беззаконнымъ образомъ его имѣніе. Этихъ трехъ дѣвицъ ожидали различныя судьбы:

на одной изъ нихъ женился Гутаковскій, котораго императоръ Александръ назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ; на другой-одаренной замѣчательнымъ умомъ. — женился полковникъ Хлаповскій, весьма способный отъ природы человѣкъ, бывшій нѣкогда флигель-адъютантомъ (officier d'ordonnance) Наполеона; вынужденный цесаревичемъ оставить русскую службу, онъ проживалъ обыкновенно въ Позпани. На третьей, получившей титулъ княгини Ловичъ, женился самъ цесаревичъ, утратившій чрезъ это право на всероссійскій престолъ.

Прибывъ въ 1826 году въ Москву для присутствованія во время обряда коронованія императора Николая, цесаревичъ былъ встрѣченъ симъ послѣднимъ на дворцовой лѣстницѣ; государь, ставъ на колѣни предъ братомъ, обнялъ его колѣни; это вынудило цесаревича сдѣлать тоже самое. Такимъ образомъ свидѣлись оба царственные брата предъ коронованіемъ, по совершеніи котораго цесаревичъ, выходя изъ собора, сказалъ Ѳ. П. Опочинину: „теперь я отпѣтъ“. Цесаревичъ, которому публика и народъ оказывали лучшій пріемъ чѣмъ государю, постоянно уѣзжалъ съ баловъ и театровъ нѣсколько ранѣе своего брата.

Въ послѣднее время состарѣвшійся цесаревичъ крайне опустился: онъ, который прежде не выходилъ изъ мундира, просиживалъ по цѣлымъ часамъ въ халатѣ и туфляхъ; страдая ногами, онъ даже съ трудомъ садился на лошадь. Не являясь по цѣлымъ недѣлямъ на разводы, онъ однажды сказалъ: „если „поляки плюнутъ мнѣ въ глаза, я лишь имъ дозволю обтереть „себя“. Любя поляковъ по своему, онъ, какъ единогласно всѣ утверждаютъ, восхищаясь во время войны дѣйствіями ихъ противъ насъ, не разъ восклицалъ:“ каковы мои! молодцами дерутся“. Онъ думалъ послѣ окончанія войны просить себѣ мѣста военнаго губернатора въ Твери, въ память довольно-продолжительнаго пребыванія великой княгини Екатерины Павловны въ этомъ городѣ. Во время войны цесаревичъ, котораго Хлаповскій, сдѣлавшійся партизаномъ, называлъ въ своихъ письмахъ cher beau-frère, и угрожалъ захватить въ плѣнъ, находился при нашей арміи. Опасаясь плѣна, онъ выслалъ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его особъ въ Слонимъ и самъ въ сопровожденіи большаго конвоя отправился въ Витебскъ, гдѣ и умеръ отъ холеры. Вскорѣ послѣ него скончалась въ Царскомъ Селѣ княгиня Ловичъ, вслѣдствіе полнаго разложенія внутренностей.

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстра-

шныхъ героевъ, въ чемъ я не одинъ разъ имѣлъ случай лично убѣдиться, страстно любилъ, подобно братьямъ своимъ, военную службу; но для лицъ, неодаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носковъ, равненія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коими щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служатъ для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Потому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военнаго устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приноситъ этимъ личностямъ значительныя, беззаконныя, матеріальныя выгоды, которыя правительство по видимому поощряетъ. Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великій князь Михаилъ Павловичъ нещадятъ ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военнаго искуства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ и выдѣлыванія темповъ, наша армія безспорно превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, въ слѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эти бездарные невѣжды, истые-любители изящной ремешковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на Марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строеваго образованія солдатъ, я никогда недозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этаго однако не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго ум-

ственнаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности-это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самимъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонятъ отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продлится на долго, лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай Боже убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ конечно, по своимъ послѣдствіямъ, татарскому игу! — Мнѣ, уже состарѣвшемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ недопускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ.

Начальникомъ главнаго штаба и гофмейстеромъ двора цесаревича, находился графъ Дмитрій Дмитріевичь Курута. Этотъ хитрый, но неспособный грекъ пользовался большимъ довѣріемъ великаго князя, и снискалъ признательность многихъ поляковъ, кои могли весьма легко содѣлаться жертвами бѣшенаго и своенравнаго цесаревича. Въ минуты безумнаго гнѣва, когда онъ, съ пѣною у рта, приказывалъ строго наказать виновнаго, имѣвшаго несчастіе возбудить эту бурю какимъ нибудь ничтожнымъ отступленіемъ отъ установленныхъ формъ, Курута успокоивалъ цесаревича словами: „цейцасъ будетъ изполнено.“ Давъ время успокоиться его высочеству, Курута успѣвалъ большею частью убѣдить его смягчить свои приговоры. Хотя эти дѣйствія Куруты заслуживали величайшихъ похвалъ, но неспособность его и другія свойства не могли внушать къ нему большаго уваженія. Хотя и носились слухи, что Курута, любившій жить от-

крыто и весело, не отказывался отъ приношеній городскихъ жителей, но онъ не оставилъ однако послѣ себя большаго состоянія. Я слыхалъ отъ многихъ, что навѣщавшіе его каждый вечеръ, полковые командиры, проигрывали ему суммы значительныя, кои онъ издерживалъ на угощеніе своихъ посѣтителей. Не взирая на благоволеніе цесаревича, Курутѣ нерѣдко приходилось выслушивать строгія и оскорбительныя замѣчанія его высочества. Братъ мой Евдокимъ, увидѣвъ однажды, что разъяренный цесаревичь говорилъ что — то Курутѣ съ особеннымъ жаромъ на греческомъ языкѣ, освѣдомился у него о значеніи одного изъ сказанныхъ ему словъ. Курута отвѣчалъ ему весьма хладнокровно: „c'est du j . . . f . . ., mon cher, mais dans la meilleure acception du mot“ (т. е, нѣчто въ родѣ еб. . . м . . ., но только въ лучшемъ значеніи слова).

Услыхавъ однажды о томъ, что Курута получилъ въ одно время знаки бѣлаго и краснаго орловъ, я невольно воскликнулъ: „на эту ст...ву слетаются всѣ хищныя птицы.“ Завѣдуя въ послѣдствіи войсками, входившими въ составъ резервной арміи графа Толстаго, Курута имѣлъ дѣло съ поляками близъ Вильны на Понарской горѣ: оно безъ сомнѣнія не кончилось — бы въ нашу пользу, если бы Куруту не выручилъ генералъ Сакенъ (Дмитрій Ерофѣевичь.)

Хотя цесаревичь, бывшій яростнымъ врагомъ либерализма, не терпѣлъ ни малѣйшаго возраженія или противорѣчія со стороны своихъ подчиненныхъ, онъ однако простиралъ до того свое благоволеніе къ А. П. Ермолову, которому онъ оказывалъ покровительство съ самой войны 1805 года, что нерѣдко терпѣливо выслушивалъ рѣзкія замѣчанія этаго генерала. Цесаревичь, любившій Ермолова, отзывался о немъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ермоловъ въ битвѣ дерется какъ левъ, а чуть сабля въ „ножны, никто отъ него неузнаетъ, что онъ участвовалъ въ „бою. Онъ очень уменъ, всегда веселъ, очень остеръ и весьма „часто до дерзости.“ Письма свои къ Ермолову Е. В. начиналъ слѣдующимъ образомъ: „любезнѣйшій, почтеннѣйшій, храбрѣйшій другъ и товарищъ.“ Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ еще въ 1818 году, находится слѣдующее мѣсто: „вы, вспоминая древнія римскія времена, теперь проконсуломъ въ Грузіи, а я префектомъ или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы или „лучше сказать въ срединѣ оной.“ Въ другомъ письмѣ того же года

цесаревичъ, иногда называвшій Ермолова Патеромъ Груберомъ[1], пишетъ ему между прочимъ: „я всегда былъ и буду одинаковъ „съ моею къ вамъ искренностью, и отъ того между нами та ра„зница, что я всегда къ вамъ былъ какъ въ душѣ, такъ и на „языкѣ, а вы — любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и това„рищъ, иногда съ обманцомъ бывали.“

Ермоловъ имѣлъ не разъ съ цесаревичемъ весьма сильныя столкновенія, которыя для другаго могли бы повлечь за собою очень непріятныя послѣдствія. Однажды передъ самою отечественною войною Е. И. В., оставшись недовольнымъ фронтовымъ образованіемъ баталіона гвардейскаго морскаго экипажа, коимъ командовалъ капитанъ-командоръ Карцовъ, выѣхавшій на смотръ на лошади, убранной лентами и бубенчиками, велѣлъ написать на его имя весьма строгій выговоръ: этотъ приказъ, написанный дежурнымъ штабъ-офицеромъ Кривцовымъ, былъ въ присутствіи Е. И. В. предварительно прочтенъ всѣмъ частнымъ начальникамъ; когда Кривцовъ готовился уже выйдти изъ комнаты для отданія приказа въ печать, Ермоловъ, командовавшій въ то время гвардейскою пѣхотною дивизіею, въ составъ которой входилъ и гвардейскій морскій экипажъ, сказалъ ему: „приказъ хорошъ, „но онъ не долженъ быть извѣстенъ за порогомъ квартиры его „высочества.“ Такимъ образомъ этотъ приказъ, заключавшій въ себѣ выраженія оскорбительныя для храбрыхъ моряковъ, и бывшій вполнѣ несвоевременнымъ, ибо въ это время полчища Наполеона готовились уже переступить Нѣманъ, не былъ никогда обнародованъ. Весьма замѣчательно что это не возбудило гнѣва цесаревича, и не вызвало ни малѣйшаго съ его стороны замѣчанія.

Получивъ въ томъ же году извѣстіе объ отдѣленіи корпуса графа Витгенштейна, Ермоловъ въ разговорѣ своемъ съ цесаревичемъ, назвалъ это *придворнымъ маневромъ*. „Помилуй, братецъ, сказалъ цесаревичъ, это тебѣ такъ кажется, а сестра Екатерина Павловна не знаетъ гдѣ родить.“ На это Ермоловъ отвѣчалъ: „возможно ли, что бы Наполеонъ, идя на Москву, по„слалъ корпусъ на Петербургъ, d'autant plus qu'il peut être tourné „et culbuté dans la Baltique.“ Онъ бился объ закладъ, что непрі-

[1]) Груберъ былъ генералъ ордена іезуитовъ, жилъ въ Петербургѣ въ царствованіе императора Павла, и нѣкоторое время пользовался его отмѣнною благосклонностію.

ятель не пройдетъ чрезъ Псковскіе лѣса и болота, за 30 червонцевъ, которые были ему выданы Курутою.

Однажды въ 1815 году, великая княгиня Екатерина Павловна просила цесаревича представить ей Ермолова. Увидавъ его, она сказала ему: „я желала весьма съ вами познакомиться: я „слышала, что графъ Витгенштейнъ и другіе преслѣдуютъ васъ „и успѣли даже очернить васъ въ глазахъ государя: „Ермоловъ отвѣчалъ ей: „Эти господа несправедливо обвиняютъ меня лишь „за тѣмъ, чтобы оправдать свои неудачи: они подражаютъ На„полеону, который свое пораженіе подъ Лейпцигомъ приписы„ваетъ лишь полковнику, слишкомъ рано взорвавшему мостъ! „чтоже касается до неблаговоленія государя, я, будучи награж„денъ наравнѣ съ лицами, къ коимъ его величество наиболѣе „милостивъ, не имѣю повода замѣчать этаго.“ Цесаревичъ сказалъ ей: „ты, матушка, слывешь у насъ въ семьѣ вострухою, „непускайся съ нимъ слишкомъ далеко, потому что онъ тебя „двадцать разъ продастъ и выкупитъ.“ Ермоловъ сказалъ великой княгинѣ: „я почитаю себя весьма несчастливымъ тѣмъ, что „небудучи извѣстенъ В. В., я представленъ вамъ въ столь небла„гопріятномъ свѣтѣ его высочествомъ, который безспорно пер„вый іезуитъ.“ Цесаревичъ, разсердившись, гнѣвно спросилъ: „а почему?“ Въ отвѣтъ на это Ермоловъ указалъ ему на вензель государя, украшавшій генералъ-адъютанскіе эполеты, лишь за два дня передъ тѣмъ пожалованные цесаревичу. Великая княгиня расхохоталась.

Однажды, въ 1814 году, былъ назначенъ во Франкфуртѣ парадъ, на который опоздалъ прибыть съ полкомъ мужественный флигель-адъютантъ Удомъ, командовавшій л. гвардіи литовскимъ полкомъ. — Хотя этотъ полкъ явился на смотръ за долго до прибытія государя, но разгнѣванный цесаревичъ повторилъ два раза Ермолову приказаніе арестовать сего штабъ-офицера: такъ какъ оно было ему объявлено передъ фронтомъ, то Ермоловъ былъ вынужденъ лишь безмолвно опустить свою саблю. Когда, по окончаніи смотра, Е. И. В. еще разъ подтвердилъ это приказаніе, Ермоловъ смѣло возразилъ ему: „виноватъ во всемъ я, а „не Удомъ, а потому я къ саблѣ его присоединю и свою; снявъ „съ себя однажды эту саблю, я конечно ее въ другой разъ не „надѣну.“ Это обезоружило цесаревича, который ограничился легкимъ выговоромъ Удому.

Въ 1815 году Ермоловъ, находясь близъ государя и це-

саревича на смотру англійскихъ войскъ, съ коими Веллингтонъ повторялъ маневръ, употребленный имъ въ сраженіи при Витторіи, обратилъ вниманіе государя и великаго князя на одного англійскаго офицера, одѣтаго и марширововавшаго съ крайнею небрежностью. На отвѣтъ государя: „что съ нимъ дѣлать? вѣдь „онъ лордъ.“ Ермоловъ отвѣчалъ: „почему же мы не лорды?“

Въ 1821 году Ермоловъ, будучи вызванъ изъ Грузіи въ Лайбахъ для начальствованія надъ союзною арміею въ Италіи, былъ встрѣченъ въ Варшавѣ съ большою торжественностью; цесаревичь, приготовивъ ему квартиру и караулъ со знаменемъ, приказалъ всѣмъ своимъ министрамъ представиться ему; Ермоловъ, не принявшій этихъ почестей, остановился въ гостинницѣ. Избѣгая оффиціальныхъ встрѣчъ съ польскими министрами, онъ выѣхалъ изъ гостинницы весьма рано утромъ. Многіе генералы и полковые командиры, къ коимъ цесаревичь не благоволилъ, зная милостивое расположеніе Е. И. В. къ Ермолову, просили его похвалить во время смотра завѣдываемыя ими части. Въ самомъ дѣлѣ похвалы Ермолова этимъ частямъ войскъ не остались безъ послѣдствій; по окончаніи смотра Е. И. В. объявилъ имъ свою признательность. Цесаревичь, имѣя въ виду, чтобы во время парадовъ всѣ почести были-бы отдаваемы Ермолову, а не ему, постепенно осаживалъ свою лошадь: это вынуждало Ермолова дѣлать тоже самое, но такъ какъ великій князь не переставалъ осаживать своей лошади, то Ермоловъ въ присутствіи многихъ генераловъ сказалъ ему: „Вы меня, В. И. В., заставите „явно ослушаться Васъ,“ послѣ сего цесаревичь занялъ свое мѣсто. Хотя Е. И. В. писалъ Государю, что онъ въ предстоящей войнѣ весьма-бы радъ служить подъ начальствомъ Ермолова, но онъ былъ весьма недоволенъ дѣйствіями сего генерала во время пребыванія его въ Варшавѣ. Онъ въ присутствіи многихъ лицъ, сказалъ ему: „государь желаетъ слить Польшу съ „Россіей, но вы, пользуясь огромною репутаціею въ арміи, выка„зываете явное пренебреженіе къ полякамъ; вы даже не хотѣли „принимать явившихся къ вамъ польскихъ министровъ.“ Ермоловъ возразилъ ему на это: „меня въ грубомъ обращеніи отно„сительно подчиненныхъ, а тѣмъ менѣе поляковъ, никто не мо„жетъ упрекнуть; подобными качествами можетъ лишь щеголять „молодый и заносчивый корнетъ уланскаго полка вашего им„ператорскаго высочества!“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АНЕКДОТЫ

о разныхъ лицахъ, преимущественно объ

Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ.

— Въ царствованіе сумасшедшей памяти императора Павла, командиръ однаго изъ артиллерійскихъ полковъ, генералъ-маіоръ Каннабихъ, читалъ лекціи тактики во дворцѣ; значительнѣйшія лица въ государствѣ и въ томъ числѣ фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ, желая угодить государю, являлись слушать эти лекціи. Чтобы вѣрнѣе изобразить нелѣпость читателя и читаемаго, я здѣсь приведу нѣсколько словъ изъ нихъ, при чемъ неправильныя ударенія и произношенія я буду изображать соотвѣтствующими имъ буквами: „Э, когда командуютъ: „*по взводно направо,* офицеръ говоритъ коротко *во;* э, когда ко-„мандуютъ: *по взводно на лѣво,* то просто *на лѣво.* Офицеръ, „который тутъ стоялъ, такъ эспонтонъ держалъ и такъ мар-„шировалъ; и только всего, и больше ничего," и. т. д. Этотъ безсмысленный генералъ подписывалъ слѣдующимъ образомъ билеты увольняемыхъ въ отпускъ рядовыхъ: „всемилостивѣйшаго „государя моего генералъ-маіоръ, Св. Анны 1 степени и Аннен-„ской шпаги, табакерки съ вензеловымъ изображеніемъ его ве-„личества, брилліантами украшенной и тысячи душъ кавалеръ."

— Въ царствованіе этаго государя комендантомъ шлюссельбургской крѣпости, куда ссылались важнѣйшіе государственные преступники былъ почтенный, добрый и примѣрно благородный генералъ Аникѣевъ. Этотъ комендантъ, съ трудомъ выучившійся подписывать свою фамилію, ободрялъ заключенныхъ, въ судьбѣ которыхъ онъ принималъ истинно-отеческое участіе. Однажды присланъ былъ къ нему французъ, котораго надлежало

предварительно высѣчь кнутомъ, а потомъ заключить въ крѣпость. Почтенный Аникѣевъ, приказавъ всѣмъ выдти изъ комнаты, кромѣ француза, сказалъ ему: „пока я буду ударять кну-„томъ объ полъ, а ты кричи какъ можно жалостливѣе.“ По приведеніи въ исполненіе этой процедуры, Аникѣевъ призвалъ подчиненныхъ, до коихъ доходили крики француза, и сказалъ имъ: „преступникъ уже наказанъ, отведите его куда слѣдуетъ.“

— Павелъ, узнавъ однажды что Дехтеревъ (въ послѣдствіи командиръ С.-Петербургскаго драгунскаго полка) намѣревается бѣжать за границу, потребовалъ его къ себѣ. На грозный вопросъ государя: „справедливъ ли этотъ слухъ?“ смѣлый и умный Дехтеревъ отвѣчалъ: „правда, государь, но къ несчастію „кредиторы меня не пускаютъ.“ Этотъ отвѣтъ такъ понравился государю, что онъ велѣлъ выдать ему значительную сумму денегъ и купить дорожную коляску.

— Однажды государь, выходя изъ своего кабинета, и увидавъ свое семейство, съ которымъ находился почтенный и доблестный Ѳедоръ Петровичь Уваровъ, сказалъ имъ, указывая на свою палку, называемую берлинкой: „этой берлинкѣ хочется по „чьимъ-то спинамъ прогуляться.“ Всѣ присутствующіе были непріятно поражены этими словами, но государь, подозвавъ къ себѣ Уварова, передалъ весьма хладнокровно какое — то приказаніе.

— Императоръ Павелъ оставшись недовольнымъ великимъ Суворовымъ, отставилъ его отъ службы; приказъ о томъ былъ доставленъ великому полководцу близъ Кобрина. Приказавъ всѣмъ войскамъ собраться въ полной парадной формѣ, онъ самъ предсталъ предъ ними во всѣхъ своихъ орденахъ. Объявивъ имъ волю государя, онъ сталъ снимать съ себя всѣ знаки отличій, при чемъ говорилъ: „этотъ орденъ дали вы мнѣ, ребята, „за такое — то сраженіе, этотъ за то,“ и т. д. Снятые ордена были положены имъ на барабанъ. Войска, растроганныя до слезъ, воскликнули: „не можемъ мы жить безъ тебя, батюшка Александръ Васильевичь, веди насъ въ Питеръ.“ Обратившись къ присланному съ высочайшимъ повелѣніемъ генералу (по мнѣнію нѣкоторыхъ то былъ Линденеръ) Суворовъ сказалъ: „доло-„жите государю о томъ, что̀ я могу сдѣлать съ войсками.“ Когда же онъ снялъ съ себя фельдмаршальскій мундиръ и шпагу и замѣнилъ его кафтаномъ на мѣху, то раздались раздирающіе вопли солдатъ. Одинъ изъ приближенныхъ, подойдя къ нему,

сказалъ ему что — то на ухо; Суворовъ, сотворивъ крестное знаменіе рукою, сказалъ: „что ты говоришь, какъ можно проливать кровь родную.“ Оставивъ армію, онъ прибылъ въ село Кончанское Новгородской губерніи, гдѣ и поселился. Чрезъ нѣсколько времени Павелъ, въ слѣдствіе просьбы римскаго императора, писалъ Суворову замѣчательное письмо, въ коемъ онъ просилъ его принять начальство надъ австрійскими войсками. Получивъ письмо, Суворовъ отвѣчалъ: „оно не ко мнѣ, потому „что адресовано на имя фельдмаршала, который не долженъ „никогда покидать своей арміи,“ и отправился въ окрестные монастыри, гдѣ говѣлъ. Павелъ приказалъ между тѣмъ приготовить ему Шепелевскій дворецъ; видя, что Суворовъ медлитъ пріѣздомъ, онъ отправилъ къ нему племянника его генерала князя Андрея Ивановича Горчакова съ просьбой не откладывать болѣе прибытія своего въ столицу. На всѣхъ станціяхъ ожидали Суворова офицеры, коимъ было приказано привѣтствовать фельдмаршала отъ имени государя и освѣдомиться о его здоровьѣ. Государь лично осмотрѣлъ отведенный для Суворова дворецъ, откуда были вынесены часы и зеркала; тюфяки были замѣнены свѣжимъ сѣномъ и соломою. Суворовъ, не любившій пышныхъ пріемовъ, прибылъ въ простой тележкѣ къ заставѣ, гдѣ и росписался; ожидавшій его здѣсь генералъ-адъютантъ не успѣлъ его привѣтствовать. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Суворовъ видѣлся ночью съ государемъ и бесѣдовалъ съ нимъ довольно долго. На слѣдующій день, когда всѣ стали готовиться къ разводу, государь спросилъ кн. Горчакова: „а гдѣ дядюшка остановился? „попросите его къ разводу.“ Кн. Горчаковъ отыскалъ его съ трудомъ на Шестилавочной у какого-то кума, на антресоляхъ; когда онъ передалъ ему приглашеніе государя, Суворовъ отвѣчалъ: „ты ничего не понимаешь: въ чемъ же я поѣду?“ Когда Горчаковъ объявилъ ему, что за нимъ будетъ прислана придворная карета, упрямый старикъ возразилъ: „поѣзжай къ государю и доложи ему, что я не знаю въ чемъ мнѣ ѣхать.“ Когда доведено было о томъ до свѣдѣнія Павла, онъ воскликнулъ: „онъ правъ, этотъ дуракъ („указывая на Обольянинова) мнѣ не напомнилъ о томъ; приказать тотчасъ написать сенату указъ о томъ, что отставленный „отъ службы фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій паки „принимается въ службу со всѣми его прерогативами.“ Получивъ указъ, Суворовъ прибылъ во дворецъ, гдѣ упавъ къ ногамъ Павла, закричалъ: „ахъ, какъ здѣсь скользко.“ Государь,

объявившій Суворову, что ему надлежало выбрать въ свой штабъ людей, знакомыхъ съ иностранными языками, пожелалъ видѣть ихъ; Суворовъ, принявшій за правило противорѣчить во всемъ государю, представилъ ему тотчасъ коменданта своей главной квартиры Ставракова (человѣка весьма ограниченнаго и занимавшаго туже должность въ 1812 году), который на вопросъ государя, на какихъ языкахъ онъ говоритъ, отвѣчалъ: *„на великороссійскомъ и на малороссійскомъ.“* Когда Павелъ, обратясь къ Суворову, сказалъ: „вы бы этаго дурака замѣнили другимъ.“ онъ отвѣчалъ: „о помилуй Богъ! это у меня первый человѣкъ!“ — Въ послѣдствіи были присланы отъ короля сардинскаго знаки св. Маврикія и Лазаря для раздачи отличившимся, и низшую степень этого ордена камердинеру его Прошкѣ за сбереженіе здоровья фельдмаршала. Раздавъ ихъ лицамъ, не выказавшимъ особаго мужества и усердія, Суворовъ спросилъ Ставракова, что говорятъ въ арміи? На отвѣтъ Ставракова, что присланные ордена были имъ розданы плохимъ офицерамъ, Суворовъ сказалъ: „вѣдь и орденъ-то плохъ.“ Такимъ же образомъ поступилъ онъ въ отношеніи къ ордену Маріи-Терезіи.

— Въ день отъѣзда Суворова изъ Петербурга въ армію, поданы были ему великолѣпная карета и рядъ экипажей для его свиты, состоявшей, по волѣ государя, изъ камергеровъ и разныхъ придворныхъ чиновниковъ. Перепрыгнувъ три раза чрезъ открытыя дверцы кареты, Суворовъ сѣлъ въ фельдъегерскую тележку и прибылъ весьма скоро въ Вѣну, гдѣ его неожиданный и быстрый пріѣздъ не мало всѣхъ изумилъ. Сидя въ каретѣ съ австрійскимъ генераломъ Кацомъ, Суворовъ на всѣ его разсказы о предстоящихъ дѣйствіяхъ, зажмуривъ глаза повторялъ: „*штыки, штыки.*“ Когда Кацъ объявилъ ему, что къ концу года союзникамъ надлежитъ находиться въ такомъ то пунктѣ, Суворовъ рѣзко отвѣчалъ: „кампанія начнется на „томъ пунктѣ, гдѣ по мнѣнію вашему союзники должны находиться къ концу года, а окончится гдѣ Богъ велитъ.“

Къ умирающему Суворову присланъ былъ оберъ-шталмейстеръ графъ Иванъ Павловичь Кутайсовъ съ требованіемъ отчета въ его дѣйствіяхъ; онъ отвѣчалъ ему: „я готовлюсь отдать отчетъ „Богу, а о государѣ я теперь и думать не хочу.“ Гробъ сего великаго человѣка, впавшаго въ немилость, сопровождали лишь три баталіона; государь, не желая чтобы военные отдали послѣд-

ній долгъ усопшему герою, назначилъ во время его похоронъ разводъ.

Хотя Суворовъ находился весьма часто въ явной враждѣ съ Потемкинымъ, но онъ отдавалъ ему полную справедливость, говоря: „ему бы повелѣвать, а намъ бы только „исполнять его приказанія.“ Проѣзжая въ тележкѣ чрезъ Херсонь, онъ всегда останавливался у собора, поклониться праху сего знаменитаго мужа. Павелъ приказалъ разрушить всѣ зданія, мало-мальски напоминавшія Потемкина, коего прахъ велѣно было вынести изъ церкви, гдѣ онъ покоился, и перенести на общее кладбище. Хотя смотритель, коему было приказано привести это приказаніе въ исполненіе, былъ нѣмецъ отъ рожденія, но этотъ высокій человѣкъ, имя котораго я къ сожалѣнію не упомню, не рѣшился этаго сдѣлать; онъ оставилъ славный прахъ на мѣстѣ, заложивъ лишь склепъ камнями.

— Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ; переписка его со многими лицами можетъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для историка. Получивъ однажды письмо Павла, который приказывалъ ему объявить великихъ князей Николая и Михаила Павловичей незаконно-рожденными, онъ между прочимъ писалъ ему: „Вы властны „приказать, но я обязанъ Вамъ сказать, что если это будетъ „приведено въ исполненіе, въ Россіи не достанетъ грязи, чтобы „скрыть подъ нею краспоту щекъ Вашихъ.“ Государь приписалъ на этомъ письмѣ:

„Vous êtes terrible, mais pas moins très juste,“

Эти любопытныя письма были поднесены Николаю Павловичу, чрезъ графа Бенкендорфа, безтолковымъ и ничтожнымъ сыномъ графа Ѳедора Васильевича, графомъ Андреемъ.

— Павелъ сказалъ однажды графу Ростопчину: „такъ какъ „наступаютъ праздники, надобно раздать награды; начнемъ съ „андреевскаго ордена; кому слѣдуетъ его пожаловать?“ Графъ обратилъ вниманіе Павла на графа Андрея Кирилловича Разумовскаго, посла нашего въ Вѣнѣ. Государь, съ первою супругою коего великою княгинею Наталіею Алексѣевною Разумовскій былъ въ связи, изобразивъ рога на головѣ, воскликнулъ: „развѣ ты „не знаешь?“ Ростопчинъ сдѣлалъ тотъ же самый знакъ рукою и сказалъ: „потому-то въ особенности и нужно, чтобы объ этомъ не говорили!“

— Во время умерщвленія Павла, князь Владиміръ Михай-

ловичъ Яшвиль, человѣкъ весьма благородный, и Татариновъ, задушили его, для чего шарфъ былъ съ себя снятъ и поданъ Яковомъ Өедоровичемъ Скарятинымъ. Бенигсенъ, боявшійся чтобы Павелъ не убѣдилъ своихъ убійцъ, ударилъ его въ голову, сказавъ: „nous nous sommes trop avancés pour pouvoir reculer; „quand on veut faire une omelette, il faut commencer par casser les „oeufs.“

— Графъ Николай Александровичъ Зубовъ изрубилъ саблею высокаго драбанта, стоявшаго у двери; камердинеръ Павла былъ раненъ саблею въ щеку; онъ поступилъ въ послѣдствіи къ цесаревичу. Фоку, придворному чиновнику, коего братъ служилъ въ артиллеріи, проѣзжавшему въ это время мимо дворца, кучеръ сказалъ: „ну! баринъ, тамъ ужасная идетъ завируха.“ За два дня до того, вся молодежь говорила о томъ во всѣхъ гостинницахъ. Марію Өедоровну, порывавшуюся играть роль Екатерины II, осадили. Подробности были мнѣ сообщены братомъ Александромъ Михайловичемъ Каховскимъ, которому въ свою очередь разсказывали ихъ сами Беннигсенъ и Фокъ.

— По возвращеніи своемъ изъ Персидскаго похода, въ 1797 году, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ служилъ въ четвертомъ артиллерійскомъ полку, коимъ командовалъ горькій пьяница Ивановъ, предмѣстникъ князя Циціанова (брата знаменитаго правителя Грузіи). Этотъ Ивановъ, во время производимыхъ имъ ученьевъ, имѣлъ обыкновеніе ставить позади себя деньщика, снабженнаго флягою съ водкой; по командѣ Иванова: *зелена*, ему подавалась фляга, которую онъ быстро осушивалъ. Онъ послѣ того обращался къ своимъ подчиненнымъ съ слѣдующей командой: „*физики, дѣлать все по старому, а новое-вздоръ.*“ Разсердившись однажды на жителей города Пинска, гдѣ было нанесено оскорбленіе подчиненнымъ ему артиллерійстамъ, Ивановъ приказалъ бомбардировать городъ изъ 24-хъ орудій, но благодаря расторопности офицера Жеребцова снаряды были поспѣшно отвязаны и городъ ничего не потерпѣлъ. Пьяный Ивановъ, не замѣтившій этаго обстоятельства, приказалъ по истеченіи нѣкотораго времени прекратить пальбу; вступивъ торжественно въ городъ и увидавъ въ окнѣ одного дома полицмейстера Лаудона, онъ велѣлъ его выбросить изъ окна.

— Будучи произведенъ по возвращеніи изъ похода въ Пер-

сію въ подполковники, молодой Ермоловъ [1]), командовавшій артиллерійскою ротою, проживалъ въ Несвижѣ; онъ квартировалъ вмѣстѣ съ доблестнымъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, братомъ его умнымъ княземъ Борисомъ и двоюроднымъ ихъ братомъ княземъ Егоромъ Алексѣевичемъ. Ермоловъ былъ порученъ еще въ войну 1794 года командиру Низовскаго полка полковнику Pороку, который въ свою очередь передалъ его капитану тогоже полка Пышницкому (въ послѣдствіи начальнику дивизіи); онъ подружился здѣсь съ подпоручикомъ Низовскаго полка княземъ Любецкимъ, извѣстнымъ по своимъ высокимъ способностямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ [2]).

— Александръ Михайловичь Каховскій, единоутробный братъ А. П. Ермолова [3]), столь замѣчательный по своему необыкновенному уму и свѣдѣніямъ, проживалъ спокойно въ своей деревнѣ Смолевичи, находившейся въ 40 верстахъ отъ Смоленска, гдѣ былъ губернаторомъ Тредьяковскій, сынъ извѣстнаго піиты, автора Телемахиды. Богатая библіотека Каховскаго, его физическій кабинетъ; наконецъ празднества даваемыя имъ, привлекали много посѣтителей въ Смолевичи, куда молодой Ермоловъ прислалъ шесть маленькихъ орудій, взятыхъ имъ въ Прагѣ послѣ штурма этаго предмѣстія и небольшое количество пороха, коимъ воспользовался хозяинъ для дѣланія фейерверковъ. Независимое положеніе Каховскаго, любовь и уваженіе коими онъ вездѣ пользовался, возбудили противъ него, противъ его родныхъ и знакомыхъ недостойнаго Тредьяковскаго, заключившаго братскій союзъ съ презрѣннымъ Линденеромъ, любимцемъ императора Павла. Каховскій и всѣ его ближайшіе знакомые были схвачены и посажены въ различныя крѣпости подъ тѣмъ предлогомъ, что будто-бы они умышляли противъ правительства; село Смолевичи съ библіотекою и физическимъ кабинетомъ было

---

[1]) Свѣдѣнія о заточеніи Ермолова и Платова я почерпнулъ изъ разсказовъ А. П. Ермолова, графа Платова и Казадаева, дополненныхъ нѣкоторыми костромскими старожилами.

[2]) Князь Ксаверій Францовичь Любецкій былъ министромъ финансовъ въ Царствѣ Польскомъ съ 1815 по 1830 годъ; нынѣ членъ русскаго государственнаго совѣта. *Примѣчаніе Д. В. Давыдова.* Князь Любецкій скончался въ 1846 году. *Прим. издателя.*

[3]) Мать Ермолова Марія Денисовна, рожденная Давыдова, была въ первомъ бракѣ за Каховскимъ. Марія Денисовна была родною теткою Дениса Васильевича *Прим. издателя.*

продано съ публичнаго торга, при чемъ каждый томъ сочиненія и каждый инструментъ были проданы порознь; Линденеръ удержалъ у себя изъ вырученной суммы 20000 рублей, а Тредьяковскій 15000 рублей. Село Смолевичи досталось Реаду [1]). Во время отступленія нашихъ войскъ отъ западной границы въ первую половину отечественной войны, Ермоловъ, проходившій со штабомъ первой арміи черезъ Смолевичи, нашелъ здѣсь много книгъ съ гербомъ Каховскихъ. Между тѣмъ гроза, разразившаяся надъ Каховскимъ, не осталась безъ послѣдствій и для Ермолова, котораго было приказано арестовать. Отданный подъ наблюденіе поручика Ограновича, онъ былъ запертъ въ своей квартирѣ, при чемъ всѣ окна, обращенныя на улицу, были на глухо забиты и къ дверямъ былъ приставленъ караулъ; одно лишь окно, къ сторонѣ двора, осталось отворенным. Вскорѣ послѣдовало приказаніе о томъ, чтобы отвезти Ермолова на судъ къ Линденеру, проживавшему въ Калугѣ; не взирая на жестокіе морозы, Ермоловъ былъ посаженъ съ Ограновичемъ въ повозку, на облучкѣ которой сидѣло двое солдатъ съ обнаженными саблями, и отправленъ чрезъ Смоленскъ въ Калугу. Остановившись для отдыха въ Смоленскѣ, Ермоловъ былъ предупрежденъ губернскимъ почтмейстеромъ, давнимъ пріятелемъ его семейства, о презрѣнныхъ свойствахъ Линденера, не любившаго щадить кого-бы то ни было. Между тѣмъ прислано было изъ С. Петербурга высочайшее повелѣніе о прощеніи подсудимыхъ, вина которыхъ была даже въ Петербургѣ найдена ничтожною. Пріѣздъ Ермолова въ Калугу, гдѣ онъ остановился у дома Линденера, возбудилъ всеобщее любопытство. Линденеръ, будучи въ то время нездоровъ, приказалъ привести къ себѣ въ спальню Ермолова, которому было здѣсь объявлено высочайшее прощеніе. Линденеръ почелъ однако нужнымъ сдѣлать строгій выговоръ Ермолову, котораго вся вина заключалась лишь въ близкомъ родствѣ и дружбѣ съ Каховскимъ; замѣтивъ удивленіе на лицѣ Ермолова, Линденеръ присовокупилъ: „хотя видно, что „ты многаго не знаешь, но совѣтую тебѣ отслужить предъ отъ„ѣздомъ молебенъ о здравіи благодѣтеля твоего-нашего слав„наго государя.“ Принявъ во вниманіе совѣты многихъ, утверждавшихъ, что если имъ не будетъ отслуженъ молебенъ, то онъ вновь неминуемо подвергнется новымъ преслѣдованіямъ, Ермо-

[1]) Отцу убитаго въ 1855 году генералъ-адъютанта. *Прим. изд.*

ловъ, исполнивъ противъ воли приказаніе Линденера, отправился съ Ограновичемъ въ обратный путь. Между тѣмъ коварный Линденеръ, донося государю о приведеніи въ исполнененіе его воли, изъявлялъ однако сожалѣніе, что его величество помиловалъ *шайку разбойниковъ*, заслуживающихъ лишь строжайшаго наказанія. Ермоловъ, возвратившись къ своей ротѣ, оставался спокойнымъ въ теченіи пятнадцати дней, но прибывшему послѣ того фельдъегерю было приказано доставить его въ С. Петербургъ со всѣми его бумагами; такъ какъ опасались бѣгства обвиненнаго, то фельдъегерю было приказано оказывать ему дорогою всевозможное вниманіе. Прибывъ въ Царское Село, Ермоловъ и его спутникъ спокойно обѣдали и оставались здѣсь до наступленія темноты; введенный въ заблужденіе ласковымъ обращеніемъ фельдъегеря, Ермоловъ полагалъ что государь имѣлъ намѣреніе дать ему новое назначеніе, но когда ему было объявлено, что они прибудутъ въ С. Петербургъ лишь ночью, дабы не быть никѣмъ узнаннымъ, онъ убѣдился въ томъ, что его здѣсь ожидало. Остановившись сперва у квартиры генералъ-прокурора Лопухина на Гагаринской пристани, они были пересланы въ домъ занимаемый тайною канцеляріею — находившійся на англійской набережной. Въ слѣдствіе приказанія старшаго чиновника этой канцеляріи, Ермолова повезли на время въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ заперли въ казематъ, находящійся подъ водою въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Комната, въ которой онъ былъ заключенъ подъ именемъ преступника No. 9, имѣла 6 шаговъ въ поперечникѣ и печку, издававшую сильный смрадъ во время топки; комната эта освѣщалась однимъ сальнымъ огаркомъ, котораго трескъ, въ слѣдствіе большой сырости, громко раздавался, и стѣны ея отъ дѣйствія сильныхъ морозовъ были покрыты плѣсенью. Наблюденіе за заключенными было поручено Сенатскаго полка штабсъ-капитану Иглину и двумъ часовымъ, неотлучно находившимся въ комнатѣ. Весьма часто, когда Ермоловъ обращался съ какимъ-либо вопросомъ къ одному изъ нихъ, наиболѣе добродушному, онъ получалъ въ отвѣтъ: „не извольте разговаривать; намъ это строго запрещено; „не равно это услышитъ мой товарищъ, который тотчасъ все „передаетъ начальству.“ Послѣ трехъ-недѣльнаго заключенія онъ былъ повезенъ, въ 7 часовъ утра, къ Лопухину, у котораго онъ засталъ нѣсколько лицъ въ анненскихъ лентахъ. Лопухинъ, строго приказавъ ему ничего не таить во время допроса, ве-

лѣлъ провести его въ свою канцелярію; пройдя черезъ рядъ темныхъ комнатъ, онъ вступилъ въ ярко освѣщенный кабинетъ, гдѣ нашелъ чиновника Макарова, нѣкогда коротко знакомаго съ отцемъ его, и встрѣчѣ съ коимъ въ этомъ мѣстѣ не мало удивился. По совѣту Макарова, Ермоловъ написалъ на имя государя письмо, которое, будучи сообща исправлено, было имъ переписано начисто. Хотя оно было нѣсколько разъ прочитано и по возможности исправлено, но отъ вниманія сочинителя и читателей ускользнуло одно выраженіе, которое, возбудивъ гнѣвъ Павла, имѣло для Ермолова самыя плачевныя послѣдстьія. Въ началѣ письма находилось слѣдующее: „чѣмъ могъ я заслужить „гнѣвъ моего государя?“ Прочитавъ письмо, государь приказалъ вновь заключить Ермолова въ Алексѣевскій равелинъ, гдѣ онъ уже оставался около трехъ мѣсяцевъ. По прошествіи этаго времени Ермолову было приказано одѣться потеплѣе и готовиться къ дальней дорогѣ; ему были возвращены: отобранное платье, бѣлье, тщательно вымытое и принадлежавшіе ему 180 рублей. Въ подорожной курьера не было обозначено мѣста ссылки, но сказано было лишь: „съ будущимъ.“ На всѣ вопросы Ермолова, курьеръ, который былъ родомъ турокъ, долго хранилъ упорное молчаніе; онъ былъ окрещенъ и благодѣтельствованъ дядею отца Ермолова. Узнавъ о томъ, что онъ ѣдетъ съ родственникомъ своего благодѣтеля, курьеръ, сдѣлавшись весьма ласковымъ съ нимъ, увѣдомилъ его, что ему было приказано передать его костромскому губернатору, почтенному и доброму Николаю Ивановичу Кочетову, для дальнѣйшей отсылки въ лѣса Макарьева на Унжѣ. Будучи доставленъ къ губернатору, Ермоловъ узналъ въ сынѣ его бывшаго сотоварища своего по московскому университетскому пансіону; по просьбѣ своего сына благородный Кочетовъ представилъ въ Петербургъ, что въ видахъ лучшаго наблюденія за присланнымъ государственнымъ преступникомъ, онъ предпочелъ оставить его въ Костромѣ. Это распоряженіе костромскаго губернатора относительно Ермолова было одобрено въ С. Петербургѣ. Здѣсь Алексѣй Петровичъ встрѣтился и долго жилъ съ знаменитымъ въ послѣдствіи Матвѣемъ Ивановичемъ Платовымъ, имѣвшимъ уже восемь человѣкъ дѣтей. Платовъ, уже украшенный знаками св. Анны 1 степени, Владимира 2 степени, св. Георгія 3 класса, былъ сосланъ по слѣдующей причинѣ: государь, прогнѣвавшись однажды на генералъ-маіоровъ: Трегубова, князя Алексѣя Ивановича Горча-

кова и Платова, приказалъ посадить ихъ на главную дворцовую гауптвахту, гдѣ они оставались въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Платовъ видѣлъ во время своего ареста слѣдующій сонъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе: „закинувъ будто бы не-„водъ въ Неву, онъ вытащилъ тяжелый грузъ; осмотрѣвъ его, „онъ нашелъ свою саблю, которая отъ дѣйствія сырости покры-„лась большою ржавчиною.“ Вскорѣ послѣ того пришелъ къ нему генералъ-адъютантъ Ратьковъ (этотъ самый Ратьковъ, будучи бѣднымъ штабъ-офицеромъ, прибылъ въ Петербургъ, гдѣ узналъ случайно одинъ изъ первыхъ о кончинѣ императрицы; тотчасъ поскакалъ съ извѣстіемъ о томъ въ Гатчину, но встрѣтивъ уже па половинѣ дороги императора Павла, поспѣшилъ поздравить его съ восшествіемъ на престолъ. Анненская лента, званіе генералъ-адъютанта и 1000 душъ крестьянъ были наградами его усердія) Ратьковъ принесъ, по высочайшему повелѣнію, Платову, его саблю, которую Платовъ вынулъ изъ ноженъ, обтеръ объ мундиръ свой и воскликнулъ; „она еще незаржавѣла, „теперь она меня оправдаетъ.“... Ратьковъ, видя въ этомъ намѣреніе бунтовать казаковъ противъ правительства, воспользовался первымъ встрѣтившимся случаемъ чтобы донести о томъ государю, который приказалъ сослать Платова въ Кострому. Между тѣмъ Платовъ, выхлопотавшій себѣ отпускъ, отправился чрезъ Москву на Донъ, но посланный по высочайшему повелѣнію курьеръ, нагнавъ его за Москвой, повезъ въ Кострому. Однажды Платовъ, гуляя вмѣстѣ съ Ермоловымъ въ этомъ городѣ, предложилъ ему, послѣ освобожденія своего, жениться на одной изъ своихъ дочерей; онъ въ случаѣ согласія обѣщалъ назначить его командиромъ атаманскаго полка. Платовъ, изумлявшій всѣхъ своими практическими свѣдѣніями въ астрономіи, указывая Ермолову на различныя звѣзды небосклона, говорилъ: „вотъ эта звѣзда находится надъ поворотомъ Волги къ Югу; „эта-надъ Кавказомъ, куда бы мы съ тобой бѣжали, еслибы у ме-„ня не было столько дѣтей; вотъ эта надъ мѣстомъ, откуда я „еще мальчишкою гонялъ свиней на ярмарку.“ Ермоловъ, воспользовавшись своимъ заточеніемъ, пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ военныхъ и историческихъ наукахъ; онъ также выучился весьма основательно латинскому языку у соборнаго протоіерея и ключаря Егора Арсеньевича Груздева, котораго будилъ ежедневно рано словами: „пора, батюшка, вставать: Титъ-Ливій насъ „давно уже ждетъ.“ Вскорѣ Платовъ былъ прощенъ и вызванъ

въ Петербургъ. Такъ какъ онъ былъ доставленъ въ Петербургъ весьма поздно вечеромъ, то его по приказанію Лопухина свезли на ночь въ крѣпость, гдѣ онъ былъ посаженъ рядомъ съ врагомъ своимъ графомъ Денисовымъ. Такъ какъ государь долженъ былъ принимать его на другой день, то онъ, за неимѣніемъ собственнаго мундира, надѣлъ мундиръ Денисова, съ котораго спороли двѣ звѣзды. Государь былъ весьма милостивъ къ Платову, получившему приказаніе слѣдовать чрезъ Оренбургъ въ Индію.

— Между тѣмъ правитель дѣлъ инспектора артиллеріи, маіоръ Казадаевъ, женатый на дочери генерала Рѣзваго, любя Ермолова, совѣтовалъ ему написать жалобное письмо къ свояку своему, графу Ивану Павловичу Кутайсову (женатому на другой дочери Рѣзваго) который ручался въ томъ, что выхлопочетъ ему полное прощеніе и возвращеніе всего потеряннаго. При этомъ случаѣ упрямство, коимъ всегда отличался Ермоловъ, обнаружилось въ полномъ блескѣ. — Хотя онъ благодарилъ Казадаева за его дружеское участіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказался писать къ графу Кутайсову. Такимъ образомъ онъ отказался отъ царскаго прощенія, которое по ходатайству графа Кутайсова не замедлило бы послѣдовать и тѣмъ обрекалъ себя на заточеніе, которое могло быть весьма продолжительнымъ.

— Въ это время проживалъ въ Костромѣ монахъ Авель, который былъ одаренъ способностію вѣрно предсказывать будущее; находясь однажды за столомъ у губернатора, Авель предсказалъ день и часъ кончины императрицы Екатерины съ необычайною вѣрностію. Простившись съ жителями Костромы, онъ объявилъ имъ о намѣреніи своемъ поговорить съ государемъ; онъ былъ, по приказанію Павла, посаженъ въ крѣпость, но вскорѣ выпущенъ. Возвратившись въ Кострому, онъ предсказалъ день и часъ кончины Павла. Добросовѣстный и благородный исправникъ подполковникъ Устинъ Семеновичъ Ярлыковъ, бывшій адъютантомъ у генерала Воина Васильевича Нащокина, поспѣшилъ извѣстить о томъ Ермолова. Все предсказанное Авелемъ буквально сбылось. Авель находился въ Москвѣ во время восшествія на престолъ Николая; онъ тогда сказалъ о немъ: „змѣй проживетъ тридцать лѣтъ.“

— По вступленіи на престолъ императора Александра, формуляръ Ермолова, который былъ вовсе исключенъ изъ службы, былъ найденъ съ большимъ трудомъ въ главной канцеляріи артиллеріи и фортификаціи. Графъ Аракчѣевъ пользовался вся-

кимъ случаемъ, чтобы выказать свое къ нему неблаговоленіе; имѣя въ виду продержать его по возможности долѣе въ подполковничьемъ чинѣ, графъ Аракчѣевъ переводилъ въ полевую артиллерію ему на голову, либо отставныхъ, либо престарѣлыхъ и неспособныхъ подполковниковъ. Однажды конная рота Ермолова, сдѣлавъ переходъ въ 28 верстъ по весьма грязной дорогѣ, прибыла въ Вильну, гдѣ въ то время находился графъ Аракчѣевъ. Не давъ времени людямъ и лошадямъ обчиститься и отдохнуть, онъ сдѣлалъ смотръ ротѣ Ермолова, которая быстро вскакала на находящуюся вблизи высоту. Аракчѣевъ, осмотрѣвъ конную выправку солдатъ, замѣтилъ безпорядокъ въ расположеніи орудій. На вопросъ его: „такъ ли поставлены орудія на „случай наступленія непріятеля?“ Ермоловъ отвѣчалъ: „я имѣлъ „лишь въ виду доказать вашему сіятельству, какъ выдержаны „лошади мои, которыя крайне утомлены.“ — „Хорошо, отвѣчалъ „графъ, — содержаніе лошадей въ артиллеріи весьма важно.“ Это вызвало слѣдующій рѣзкій отвѣтъ Ермолова въ присутствіи многихъ зрителей: „жаль, ваше сіятельство, что въ артиллеріи „репутація офицеровъ зависитъ отъ скотовъ.“ Эти слова заставили взбѣшеннаго Аракчѣева поспѣшно возвратиться въ городъ. Это сообщено мнѣ генераломъ Бухмейеромъ.

— Во время отступленія первой арміи къ Смоленску, Ермоловъ, увидя что многіе отставшіе солдаты дозволяли себѣ грабить встрѣчаемыя ими на пути церкви, требовалъ примѣрнаго наказанія виновныхъ. Въ слѣдствіе отданнаго Барклаемъ приказанія, главнѣйшіе преступники были повѣшены. Такъ какъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе 22-го іюля, то цесаревичь, не разъ упрекавшій за это Ермолова, говорилъ: „я никогда не прощу вамъ, что у васъ въ арміи, въ день имянинъ „моей матушки, было повѣшено пятнадцать человѣкъ. —“ Это мнѣ сообщено Ермоловымъ и Курутою.

— Отправляя князя Волконскаго въ армію, Государь сказалъ ему: „узнай, отчего при сдачѣ Москвы не было сдѣлано ни од„ного выстрѣла; спроси у Ермолова, онъ долженъ все знать.“ Ермоловъ, избѣгая встрѣчи съ княземъ Волконскимъ, уѣхалъ на время изъ штаба. —

Однажды Платовъ сказалъ, въ 1812 году, Ермолову, называвшему Вольцогена wohl-gezogen: „пришли ты мнѣ этого сквер„наго нѣмца-педанта; я берусь отправить его въ авангардную „цѣпь, откуда онъ конечно не вернется живымъ.“ —

— Послѣ сраженія при Бріеннѣ, государь, проѣзжая сквозь ряды войскъ, отдававшихъ ему честь, сказалъ Ермолову слѣдующія, замѣчательныя слова: „въ Россіи всѣ почитаютъ меня весьма ограниченнымъ и неспособнымъ человѣкомъ; теперь они „узнаютъ, что у меня въ головѣ есть что-нибудь.“ Когда его величество повторилъ это же самое въ Парижѣ, Ермоловъ возразилъ ему: „подобныя слова рѣдки въ устахъ частныхъ людей; „но онѣ несравненно рѣже встрѣчаются у государей. Онѣ „тѣмъ болѣе удивительны, что въ настоящую великую эпоху „слава вашего величества не уступаетъ славѣ величайшихъ „монарховъ въ исторіи.“

Въ Парижѣ Ермоловъ увидалъ въ числѣ представлявшихся нашему государю генерала Лекурба, человѣка исполинскаго роста, одѣтаго въ мундиръ временъ республики. Онъ разговорился съ нимъ о знаменитой кампаніи его въ Граубинденѣ. Лекурбъ сказалъ ему громко, указывая на французскихъ маршаловъ, тутъ находившихся: „je ne voudrais pas de ces pleutres-là pour „des chefs de demi-brigades.“

Въ 1815 году Ермоловъ, возвращавшійся изъ Парижа, остановился въ Ерфуртѣ: онъ обласкалъ хозяина дома, гдѣ ему отведена была квартира. Хозяинъ, будучи тѣмъ тронутъ, далъ ему письмо къ главѣ иллюминатовъ Вейсгаупту, проживавшему въ Готѣ. Пользуясь репутаціей весьма либеральнаго человѣка, Ермоловъ, не желая дать многочисленнымъ врагамъ своимъ новаго оружія, не поѣхалъ въ Готу; посланный имъ туда генералъ Писаревъ былъ обласканъ Вейсгауптомъ, который не сказалъ ему однако ничего особеннаго.

Однажды въ 1815 году, государь, оставшись недовольнымъ Ермоловымъ, за то что онъ не прибылъ къ обѣденному столу его величества по причинѣ большаго количества бумагъ, — оказывалъ ему въ продолженіи нѣсколькихъ дней холодность; генералъ-адъютантъ баронъ Ѳедоръ Карловичъ Корфъ говорилъ по этому случаю: „Хотя государь теперь недоволенъ Ермоловымъ, „но онъ ему скоро проститъ; быть ему нашимъ фельдмаршаломъ и пить намъ отъ него горькую чашу.“

— Первыя неудовольствія между Ермоловымъ и Паскевичемъ начались въ этомъ же 1815 году; Ермоловъ, находя дивизію Рота лучше обученною, чѣмъ дивизія Паскевича, призвалъ первую въ Парижъ для содержанія карауловъ, присоединивъ къ ней прусскій полкъ изъ дивизіи Паскевича; такъ какъ онъ са-

мого Паскевича не вызвалъ, то это глубоко оскорбило сего послѣдняго.

Аракчѣевъ сказалъ однажды Ермолову: „много ляжетъ на меня незаслуженныхъ проклятій.“

Ермоловъ, произведенный въ генералы отъ инфантеріи въ 1818 году чрезъ десять лѣтъ послѣ производства своего въ генералъ-маіоры, не принадлежалъ однако никогда къ числу особенныхъ фаворитовъ государя. Графъ Аракчѣевъ, въ поздравительномъ письмѣ своемъ отъ 2 августа 1818 года по этому случаю, писалъ ему между прочимъ: „когда вы будете произведены въ фельдмаршалы, не откажитесь принять меня въ начальники главнаго штаба вашего.“

— Ермоловъ сказалъ однажды государю: „мои поселенія на „Кавказѣ гораздо лучше вашихъ; мои необходимы для края, гдѣ „по причинѣ недостатка въ женщинахъ развелось въ большихъ „размѣрахъ мужеложство. Моимъ придется разводить виноградъ „и сарачинское пшено, а на долю вашихъ — придется разве„деніе клюквы.“ По мѣрѣ приближенія къ Кавказу этихъ ротъ, ихъ оставляли въ теченіи года на кавказской линіи, гдѣ онѣ пріучались постепенно къ жаркому климату, и заработывали себѣ деньги.

— Графъ Аракчѣевъ и князь Волконскій, видя, что расположеніе государя къ Ермолову возрастаетъ со дня на день, воспользовались отъѣздомъ его въ орловскую губернію, чтобы убѣдить его величество, что Ермоловъ желаетъ получить назначеніе на Кавказъ. Ермоловъ, вызванный фельдъегеремъ въ Петербургъ, узналъ о своемъ назначеніи; государь, объявивъ ему лично объ этомъ, сказалъ ему: „я никакъ не думалъ, чтобы тебѣ „такое назначеніе могло быть пріятно, но я долженъ былъ по„вѣрить свидѣтельству графа Алексѣя Андреевича и князя Вол„конскаго. Я не назначилъ ни начальника штаба, ни оберъ-квар„тирмейстера, потому что ты вѣроятно возмешь съ собой Вель„яминова и Иванова.“ Дѣйствительно оба эти генерала, изъ которыхъ вторый погибъ преждевременно жертвою ипохондріи, были утверждены въ этихъ должностяхъ.

Ермоловъ, опоздавъ однажды къ обѣденному столу на Каменномъ Островѣ, вопреки приглашенія высланнаго придворнаго чиновника, возвратился домой. Государь, увидавъ его вскорѣ послѣ того, сказалъ ему: „мы сѣли ранѣе за столъ, по слу„чаю отъѣзда матушки, но я велѣлъ тебя непремѣнно звать.“

Ермоловъ отвѣчалъ на это: „я не люблю употреблять во зло „чье-бы то ни было вниманіе, и безпокоить кого-бы то ни „было; такъ какъ я знаю, что вы не дозволили бы себѣ не „встать изъ за стола *для того, чтобы меня встрѣтить, я рѣшил- „ся уѣхать.*“ Государь отвѣчалъ: „я сдѣлалъ бы тоже самое.“

Ермоловъ, страдая рожею на ногѣ въ 1821 году, просилъ однажды государя назначить адъютанта своего, молодаго и неимовѣрно-щедро одареннаго природою графа Самойлова флигель-адъютантомъ; онъ просилъ Е. В. сдѣлать это въ память службы Потемкина и отца его. Тогда государь отвѣчалъ: „ты знаешь, „что мнѣ никто не даетъ адъютантовъ, а я самъ ихъ выбираю, „но я сдѣлаю это не для дѣда, не для отца, а для тебя.“

— На Терекской линіи, недалеко отъ Ставрополя, находилась шотландская колонія анабаптистовъ-сепаратистовъ, которая значительно разбогатѣла продажею овощей. Ермоловъ, не желая терпѣть здѣсь присутствія этихъ безнравственныхъ людей, изгналъ ихъ и поселилъ вблизи Волжскій казачій полкъ. Ермоловъ не раздѣлялъ мнѣнія графа Тормасова, нѣкогда просившаго въ видахъ распространенія просвѣщенія, пригласить въ Грузію католическихъ миссіонеровъ. Прибывшему сюда члену базельскаго евангелическаго общества, Зарамбѣ, Ермоловъ сказалъ: „вмѣсто „того, чтобы насаждать слово Божіе, займитесь лучше насажде- „ніемъ табака.“ Основатель лондонскаго библейскаго общества Пинкертонъ, обласканный нашимъ министромъ духовныхъ дѣлъ, прибылъ въ Грузію, но Ермоловъ поспѣшилъ его выслать. Съ 1745 года существовала миссія, имѣвшая цѣлію обращать въ христіанскую вѣру Осетинъ, коихъ привлекали къ тому различными подарками. Эта миссія, которую Ермоловъ называлъ *конной миссіей*, сопровождаемая 50 казаками, ежегодно стоила казнѣ 50,000 рублей. Главою миссіи былъ архіепископъ Досифей изъ фамиліи Пуркеладзе (принадлежавшій нѣкогда князю Эристову); этотъ архіерей, будучи архимандритомъ, предводительствовалъ разбойниками и былъ раненъ. По просьбѣ Ермолова миссія была вызвана, а Досифей высланъ. Въ 1820 году вспыхнуло въ Имеретіи возмущеніе въ слѣдствіе противозаконныхъ требованій нашего духовенства; митрополитъ Ѳеофилактъ [1]), человѣкъ от-

---

[1]) Такъ какъ митрополитъ Ѳеофилактъ былъ характера крутаго и ума замѣчательнаго, то при отправленіи его въ Грузію, коею управлялъ въ то время Ермоловъ, всѣ говорили: „два медвѣдя въ одной берлогѣ неуживутся.“ Не

лично умный и способный, по приказанію князя Голицына [2]) сталъ требовать у жителей возвращенія земель, за 50 лѣтъ передъ тѣмъ розданныхъ имъ въ аренду духовенствомъ. Ермоловъ громко порицалъ это, говоря: „я слышу руку вора, рас„поряжающагося въ моемъ карманѣ но схвативъ ее, я увидѣлъ, „что она творитъ крестное знаменіе и вынужденъ ее цѣловать.“ Въ отсуствіе Ермолова, губернаторъ Тифлиса Романъ Ивановичъ Ховенъ допустилъ духовенство обратиться къ жителямъ съ этимъ требованіемъ. Вспыхнулъ мятежъ, митрополитъ бѣжалъ, будучи охраняемъ двумя ротами; прочее духовенство заперлось въ соборѣ, изъ котораго вышелъ епископъ Софроній (изъ фамиліи князей Цулукидзе) въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, и съ трудомъ усмирилъ мятежъ. Хотя епископъ Софроній, напуганный возмутителями, и подписалъ одобреніе ихъ воззванія, но за мужество, выказанное имъ, въ послѣдствіи онъ былъ награжденъ анненскою лентою по ходатайству Ермолова, который приказалъ вывезти съ фельдъегеремъ двухъ митрополитовъ *Геннателя* и *Кукателя*.

— При предмѣстникѣ Ермолова, начальникъ кавказской линіи Дельпоццо поселилъ близъ Назрана и рѣки Сунжи воинственный и враждебный Чеченцамъ народъ Ингушей, исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру. Находясь по торговымъ дѣламъ въ Тифлисѣ, нѣкоторые изъ ихъ старшинъ приняли христіанскую вѣру. Возвратясь къ себѣ, они увидѣли себя поставленными въ непріятное положеніе; прочіе единоплеменные имъ Ингуши стали ихъ чуждаться. Вновь обращенные выѣхали на линію и стали просить Ермолова дозволить имъ вновь обратиться въ магометанство, на что онъ отвѣчалъ имъ: „ступайте къ священни„камъ и поговорите съ ними.“ Они вскорѣ вновь сдѣлались могмаетанами.

— Ермоловъ просилъ выслать въ Грузію 33 семейства нѣмецкихъ колонистовъ, хорошо изучившихъ земледѣліе; но вмѣ-

---

взирая на это предсказаніе, Ермоловъ и Өеофилактъ находились въ весьма пріятельскихъ отношеніяхъ; это однако не мѣшало имъ писать другъ другу весьма рѣзкія бумаги. Өеофилактъ, знавшій что Ермоловъ называлъ плохихъ генераловъ епископами, спросилъ однажды у Алексѣя Петровича объ одномъ изъ нихъ: *„вѣдь это, кажется, епископъ?“*

[2]) Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, отъявленный врагъ Ермолова, отличался и подлостію, и придворнымъ интриганствомъ, и порочными вкусами, на востокѣ столь распространенными.

сто этаго числа, ему прислали 500; одинъ переѣздъ ихъ до Тифлиса стоилъ казнѣ около милліона рублей. Ермоловъ же приготовилъ на Іорѣ близь Мухровани лишь 33 дома; прибывшіе нѣмцы были анабаптисты, незнакомые съ земледѣліемъ, которые мѣнялись между собою женами; 200 изъ нихъ входили нѣкогда въ составъ германскаго контингента Наполеона. Они, не желая подчиняться мѣстнымъ властямъ, хотѣли быть подъ покровительствомъ императрицы Маріи Θеодоровны; Ермоловъ потребовалъ ихъ къ себѣ, и объявилъ, что если они не дозволятъ себя наказывать за совершаемыя ими преступленія, то онъ немилосердно станетъ предавать суду виновныхъ. Они, посовѣтовавшись съ своими старшинами, дозволили наказывать тѣхъ изъ нихъ, которыхъ вины будутъ обнаружены. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ писалъ государю: „Прибывшіе нѣмцы неспособны къ „земледѣлію; переѣздъ ихъ въ Грузію стоитъ весьма дорого, но „пусть убытокъ падетъ на казну за неосмотрительный вызовъ иностранцевъ. Я это знаю отъ Ермолова, Марченки и нѣкоторыхъ приближенныхъ государя.

— Большая часть нашихъ писателей, не смотря на извѣстное къ Ермолову неблаговоленіе Николая Павловича, восхваляли Ермолова въ прозѣ и въ стихахъ. Незабвенный нашъ А. С. Пушкинъ посѣщалъ его нѣсколько разъ въ Орлѣ; Ермоловъ сказалъ ему однажды: „Хотя Карамзинъ есть историкъ дилеттантъ, „но нельзя неудивляться тому терпѣнію, съ какимъ онъ собиралъ всѣ факты и создалъ изъ нихъ разсказъ, полный жизни.“ Въ отвѣтъ на это Пушкинъ сказалъ ему: „читая его трудъ, я „былъ пораженъ тѣмъ дѣтскимъ, невиннымъ удивленіемъ, съ какимъ онъ описываетъ казни, совершенныя Іоанномъ Грознымъ, „какъ будто для государей это не есть дѣло весьма обыкновенное.“

— Хотя Ермоловъ не былъ никогда облеченъ властью главнокомандующаго, но онъ присвоилъ себѣ права, превышавшія власть этихъ уполномоченныхъ лицъ; онъ, напримѣръ, самъ назначалъ начальниковъ на кавказскую линію, въ Абхазіи и въ Дагестанѣ. Оставшись вполнѣ довольнымъ образомъ дѣйствій Шамхала Тарковскаго, онъ, священнымъ именемъ государя наградилъ его семью тысячами подданныхъ; такимъ же образомъ онъ наградилъ Асланъ-Хана Кюринскаго-ханствомъ Казикумыхскимъ, заключавшимъ въ себѣ не менѣе 15,000 жителей, а Бековича и Татаръ-

Хана наградилъ обширными землями въ Кабардѣ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣлъ для казны почти милліонъ десятинъ земли.

— Находясь въ 1821 году въ Петербургѣ, Ермоловъ прибылъ 30-го августа во дворецъ для принесенія поздравленій государю въ день его тезоименитства. Государь, сказавшій ему по этому случаю: „ты во все царствованіе мое въ первый разъ на моихъ имянинахъ,“ хотѣлъ возвести его и Раевскаго въ графское достоинство; Ермоловъ, не желавшій того, громко говорилъ что оно ни къ кому такъ мало не пристало, какъ къ нему и что онъ въ этомъ не нуждается. Въ слѣдствіе этого, указа о томъ и не послѣдовало. Извѣстный статсъ-секретарь при Потемкинѣ, Василій Степановичъ Поповъ упрекалъ его за то, что онъ отказался отъ пожалованной аренды въ сорокъ тысячъ рублей на 12 лѣтъ. [1]) Ермоловъ не желалъ принять отъ Попова 100 десятинъ земли въ Крыму, которыя этотъ послѣдній предлагалъ ему; Поповъ приказалъ даже выстроить домъ для Ермолова, согласившагося принять лишь пять десятинъ земли. Графъ Воронцовъ, находясь съ нимъ также въ короткихъ отношеніяхъ, и зная благоволеніе императора Александра къ Ермолову, предлагалъ также выстроить ему домъ на своей землѣ; но со вступленіемъ на престолъ Николая, Воронцовъ вдругъ прервалъ всѣ свои съ нимъ дружескія сношенія и не упоминалъ болѣе о своемъ прежнемъ предложеніи. Воронцовъ желалъ овладѣть пограничнымъ ему клокомъ земли, принадлежащимъ сыну В. С. Попова, гдѣ протекалъ ручей воды, въ которой ощущается вообще большой недостатокъ въ Крыму. Не успѣвъ склонить Попова (сына статсъ-секретаря и бывшаго адъютанта Ермолова) къ уступкѣ этаго участка, Воронцовъ написалъ его величеству доносъ, въ коемъ онъ называлъ Попова крайне либеральнымъ человѣкомъ. Поповъ былъ сосланъ въ Вятку, гдѣ и оставался въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ слѣдствіе просьбъ Ермолова и другихъ лицъ, графъ Бенкендорфъ, воспользовавшись отъѣздомъ Воронцова за границу, и убѣдившись чрезъ жандармскаго офицера въ несправедливости обвиненій, исходатайствовалъ прощеніе Попову, который вскорѣ послѣ умеръ.

— Императоръ Александръ, приказавшій посылать Ермолову всю нашу дипломатическую переписку съ прочими дворами,

---

[1]) Я это знаю отъ статсъ-секретарей: Василія Романовича Марченки и Петра Андреевича Кикина, и отъ графа Закревскаго.

писалъ ему однажды между прочимъ: „quant à vos principes si larges.“

Въ бытность Ермолова въ Султаніи, старшая жена Шаха передала ему письмо къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ коемъ находилось слѣдующее: „ты вмѣщала въ себѣ коробку, гдѣ „находились первыя перла твоей имперіи;“ — Письмо ея къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ заключало въ себѣ: „пусть зе„фиръ дружбы моей навѣваетъ подъ широкія полы твоего пыш„наго платья.“

— Ермоловъ, самовольно отправившій Муравьева въ Хиву, требовалъ отъ Хана чтобы онъ ему писалъ какъ старшему, прикладывалъ свою печать сверху. Ермоловъ разсказывалъ государю, что Ханъ Хивинскій въ бумагахъ своихъ къ нему, величалъ его слѣдующимъ образомъ: „великодушному и великому повели„телю странъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями.“

Графъ Сергій Кузмичь Вязмитиновъ былъ человѣкъ не глупый, но вялый и нерасторопный; Ермоловъ называлъ всегда Вязмитинова, не бывшаго никогда военнымъ человѣкомъ, *тетушкой Кузминишной.*

Василій Степановичь Поповъ и Дмитрій Прокофьевичь Трощинскій были люди замѣчательныхъ способностей и обширнаго ума; по мнѣнію ихъ надлежало учредить департаменты сената не въ столицѣ, но въ различныхъ городахъ, чрезъ что значительно бы ускорилось теченіе дѣлъ.

— Графъ Илларіонъ Васильевичь Васильчиковъ человѣкъ вполнѣ благородный, благонамѣренный, мужественный, но не отличающійся, къ сожалѣнію, ни большимъ умомъ, ни свѣдѣніями; Ермоловъ, отдававшій всегда полную справедливость замѣчательнымъ доблестямъ Васильчикова, называлъ всегда этого генерала, въ эпоху его могущества, *матушкой—мямлей.* Во время войны 1812 года близь Вильны, Ермоловъ помирилъ Васильчикова съ пылкимъ, но благороднымъ Сеславинымъ, который, не желая сносить начальническихъ выходокъ Васильчикова, наговорилъ ему много непріятностей. Командуя въ послѣдствіи гвардіей, Васильчиковъ не умѣлъ предупредить исторіи семеновскаго полка, которая имѣла для многихъ столь плачевныя послѣдствія; извѣщенный въ 1822 году библіотекаремъ гвардейскаго штаба Грибомъ, прозвавшимся Грибовскимъ, человѣкомъ весьма умнымъ, коварнымъ и алчнымъ, о существованіи заговора, онъ пренебрегъ въ началѣ этимъ извѣстіемъ. Узнавъ о томъ въ послѣдствіи обстоятельнѣе

отъ брата своего, безстрашнаго Дмитрія Васильчикова, Илларіонъ Васильевичь просилъ зятя своего, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, извѣстить его тотчасъ: находятся ли подозрѣваемыя лица въ Москвѣ? По полученіи удовлетворительнаго отвѣта, Васильчиковъ, приказавъ Грибовскому изложить все имъ разсказанное на бумагѣ, отправилъ все къ государю, который находился въ это время на конгресѣ въ Веронѣ. Послѣ кончины его величества этотъ списокъ найденъ въ шкатулкѣ государя, который сдѣлалъ на немъ свои замѣчанія карандашемъ. — Нынѣшній государь, вопреки представленіямъ Васильчикова, назначилъ Грибовскаго губернаторомъ; но будучи обвиненъ въ страшныхъ злоупотребленіяхъ, онъ вскорѣ былъ удаленъ со срамомъ.

— Графъ Аракчѣевъ находился съ 1808 года въ весьма хорошихъ сношеніяхъ съ Ермоловымъ; оставшись недоволенъ отзывомъ Ермолова о военныхъ поселеніяхъ, впервые устроенныхъ близъ Могилева, онъ немного охладѣлъ къ нему.

Незаконный сынъ Аракчѣева, Шумскій, одаренный необыкновенными способностями, былъ къ сожалѣнію горькимъ пьяницею; эта болѣзнь развилась въ немъ, по показанію медиковъ, въ слѣдствіе болѣзни солитера. Императоръ Николай, разжаловавъ его изъ флигель-адъютантовъ, прислалъ въ Грузію, гдѣ Ермоловъ имѣлъ о немъ большое попеченіе. Графъ Аракчѣевъ, называемый Закревскимъ „змѣей, что на Литейной живетъ,“ прислалъ послѣдній поклонъ Ермолову чрезъ губернатора Тюфяева. Онъ велѣлъ ему передать: „весьма желалъ бы съ вами видѣться, но „въ обстоятельствахъ, въ коихъ мы съ вами находимся, это не„возможно.“ — Этотъ отлично-умный, хотя грубый и кровожадный солдатъ, нерѣдко пугалъ военныя поселенія именемъ достойнаго своего адъютанта Клейнмихеля. Найдя послѣ смерти своей любовницы Настасьи много писемъ съ подарками, онъ собралъ ихъ въ одну комнату; пригласивъ къ себѣ всѣхъ просителей, имена которыхъ находились въ концѣ писемъ, онъ сказалъ имъ: „это ваши вещи, пусть каждый возметъ свое.“

— Министръ финансовъ графъ Канкринъ говорилъ Николаю Павловичу: „хотя Ермоловъ никогда не воображалъ быть „администраторомъ, но онъ вникъ въ нужды края и многое имъ „сдѣланное на Кавказѣ, очень хорошо; не надобно было разру„шать того, что было имъ сдѣлано, а лишь дополнить.“ Ермоловъ предложилъ въ государственномъ совѣтѣ уничтожить въ сенатскихъ департаментахъ званіе первоприсутствующихъ, кои по его

мнѣнію могли имѣть въ виду лишь одно — угождать министру юстиціи. — Онъ находился вполнѣ въ отличныхъ сношеніяхъ съ нашимъ знаменитымъ адмираломъ графомъ Мордвиновымъ, у котораго графъ А. И. Чернышевъ, столь способный на всякій благородный подвигъ, именемъ разсудительнаго Николая, похитилъ въ его присутствіи всѣ бумаги; Ермоловъ защищалъ въ совѣтѣ дѣло его о байдарской долинѣ (купленной имъ у Высоцкаго, которому она досталась въ наслѣдство послѣ князя Потемкина) и которую самымъ незаконнымъ образомъ оспаривалъ Воронцовъ именемъ татаръ крымскихъ. Престарѣлый адмиралъ, рѣдко являвшійся въ совѣтъ, лишь тогда подписывалъ приносимыя ему на домъ дѣла, когда встрѣчалъ подпись Ермолова.

Ермоловъ былъ всегда въ отличныхъ сношеніяхъ съ адмираломъ Шишковымъ; когда онъ ослѣпъ и оставилъ министерство, то жена его, родомъ полька, говаривала: „одинъ Ермоловъ остал-„ся намъ вѣрнымъ.

— Ермоловъ, выѣхавшій съ Кавказа въ 1821 году, узнавъ въ землѣ Донскихъ Казаковъ что генералъ А. И. Чернышевъ, извѣстный по своему примѣрному хвастовству и презрѣннымъ душевнымъ свойствамъ, отдалъ подъ судъ генерала А. К. Денисова, рѣшился спасти его. Чернышевъ, о которомъ Александръ Львовичь Нарышкинъ сказалъ государю, вскорѣ послѣ возвращенія его съ Дона: „si le général n'a pas le don de la parole, il a au moins la parole du Don,“ нашелся вынужденнымъ, въ слѣдствіе разговора своего съ Ермоловымъ, освободить Денисова отъ суда. Хотя Денисовъ, увидавъ послѣ того Ермолова, благодарилъ за его ходатайство, но онъ при этомъ сказалъ слѣдующее: „я „благодарю Васъ за себя, но не за казаковъ, потому что еслибъ „судъ состоялся, я не преминулъ бы выставить всѣ глупости „и злоупотребленія Чернышева, о коихъ я теперь вынужденъ „молчать.“ Генералу Чернышеву удалось совершить замѣчательные подвиги въ 1812 и 1813 годахъ, слишкомъ преувеличенные и превознесенные его презрѣннымъ холопомъ Михайловскимъ — Данилевскимъ; Чернышевъ омрачилъ къ сожалѣнію всѣ свои подвиги непомѣрнымъ хвастовствомъ и полнымъ отсутствіемъ скромности.

— Ермоловъ прибылъ въ 1821 году въ Петербургъ, куда ожидали государя изъ Германіи; въ это время возвратился изъ Сибири знаменитый Мих. Мих. Сперанскій. Такъ какъ большинство придворныхъ было враждебно расположено къ Сперанскому,

то Ермоловъ при посредничествѣ отлично-способнаго чиновника своего Рыхлевскаго (назначеннаго государемъ, вскорѣ послѣ того, Олонецкимъ губернаторомъ) сошелся съ нимъ. Вскорѣ пришло извѣстіе о новомъ конгрессѣ и о томъ, что государь вернется лишь чрезъ восемь мѣсяцевъ. Ермоловъ, желая видѣть государя, писалъ князю Волконскому письмо, въ которомъ онъ между прочимъ говорилъ, что непринятіе его государемъ будетъ почтено въ Грузіи знакомъ неблаговоленія къ нему, а потому курсъ его въ этой странѣ значительно упадетъ. Онъ былъ вскорѣ послѣ того вызванъ и назначенъ главнокомандующимъ союзною арміею въ Италіи. Когда онъ представлялся государю, его величество спросилъ его: „ты вѣрно зналъ о своемъ назначеніи; я знаю „это изъ письма твоего къ кн. Волконскому.“ На это Ермоловъ отвѣчалъ: „я имѣлъ нужду видѣть ваше величество, но „нисколько не ожидалъ получить это назначеніе, тѣмъ болѣе „что у васъ есть много генераловъ, несравненно болѣе меня „достойныхъ и знаменитыхъ.“ На вопросъ его величества: „знаешъ ли ты Сперанскаго?“ онъ отвѣчалъ: „я былъ слишкомъ „ничтоженъ, чтобы обратить на себя вниманіе столь значитель-„наго лица, но узнавъ его теперь короче, я имѣлъ случай оцѣ-„нить его достоинства.“ Государь сказалъ на это: „онъ дѣйстви-„тельно усердный, способный и полезный человѣкъ; еслибъ „война не началась такъ внезапно, многаго бы не случилось. „Хотя я во многомъ передъ нимъ виноватъ, но я не пропускалъ „ни одного случая, чтобы не посылать ему поклоновъ въ ссылку.“ Когда Ермоловъ передалъ въ послѣдствіи эти слова Сперанскому, тотъ отвѣчалъ ему: „государь никогда не почиталъ себя „виновнымъ относительно меня, а я получалъ его поклоны лишь „весьма рѣдко; если бы я уступилъ и поддался внушеніямъ нѣ-„которыхъ лицъ (которыхъ онъ не хотѣлъ назвать) многое „бы измѣнилось.“

— Почтенный Ѳедоръ Петровичь Уваровъ совѣтовалъ Ермолову представить государю необходимость уменьшенія состава нашей арміи, требующей огромныхъ издержекъ. Государь, любившій употреблять слова: prépondérance politique, прогналъ отъ себя графа Петра Александровича Толстаго, который рѣшился ему о томъ говорить. Въ слѣдствіе настоятельныхъ совѣтовъ Уварова, говорившаго ему: „Хотя государь выгналъ отъ себя „графа Толстаго, но онъ тебя выслушаетъ,“ Ермоловъ навелъ незамѣтно разговоръ на этотъ предметъ, но государь возразилъ

на это: „Я съ тобой вполнѣ согласенъ, что надлежитъ умень-„шить число войскъ, но ты вѣроятно не посовѣтуешь мнѣ „сдѣлать это теперь, когда умы еще не совсѣмъ успокоились и „армія намъ нужна pour notre prépondérance politique.“ Ермоловъ предложилъ государю, въ Лайбахѣ, допустить гласность въ военныхъ судахъ, на что его величество отвѣчалъ: „надо объ этомъ „подумать; надо бы допустить гласность и въ гражданскихъ су-„дахъ, гдѣ она можетъ быть еще полезнѣе.“

— Князь Любецкій, оканчивавшій въ 1821 году, въ Вѣнѣ, счеты между Россіей и Австріей, сказалъ Ермолову: „ты думаешь, „что ты прибылъ сюда лишь для содѣйствія австрійцамъ: ни-„сколько; твой пріѣздъ для меня необходимъ и крайне выгоденъ. „Мы остаемся должны Австріи за прошлыя кампаніи, но съ „твоимъ пріѣздомъ я поверну дѣла въ нашу пользу.“ И точно дѣла были поведены Любецкимъ такимъ образомъ, что императоръ Францъ нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ великодушію нашего государя.

— Во все время царствованія императора Александра, Ермоловъ, никогда не просившій его о себѣ, любилъ ходатайствовать о другихъ; онъ излагалъ подобнаго рода просьбы въ письмахъ своихъ къ князю Волконскому, Кикину и Меллеръ-Закомельскому. Зная, какъ много пострадало во время вторженія французовъ отъ заразительныхъ болѣзней имѣніе А. М. Каховскаго, и такъ какъ на основаніи существующихъ правилъ надлежало ему заплатить кварту или четвертую часть доходовъ, равно какъ и недоимки за нѣсколько лѣтъ, Ермоловъ просилъ графа Гурьева объ уничтоженіи всего долга. Въ слѣдствіе отказа графа Гурьева. отвѣчавшаго, что онъ не смѣетъ утруждать о томъ его величества, Ермоловъ написалъ одному изъ своихъ пріятелей письмо, которое было прочитано государемъ. Это письмо оканчивалось словами: „графъ Гурьевъ почелъ нужнымъ поручиться въ томъ, „что его величество недоступенъ чувству великодушія и спра-„ведливости, и просилъ меня потому не входить впредь съ по-„добными просьбами.“ Государь, много смѣявшійся во время чтенія письма, повелѣлъ сложить съ Каховскаго всѣ недоимки и уничтожить всѣ кварты.

— Генералъ Пестель, не взирая на неудачу свою подъ Багилами, въ 1819 году, донесъ въ Тифлисъ, что онъ одержалъ побѣду надъ горцами; такъ какъ онъ давно не получалъ наградъ, Ермоловъ ходатайствовалъ о награжденіи его знаками Св. Анны I

степени. Когда истина обнаружилась и надлежало выслать Муравьева, который поправилъ дѣла, Ермоловъ совѣтовалъ Пестелю отбыть въ Россію. Въ письмѣ своемъ къ государю Ермоловъ, прося извиненія въ томъ, что онъ ввелъ его въ заблужденіе, присовокупилъ: „Пестель скоро будетъ имѣть счастіе „лично представить вашему величеству свою неспособность.“ Оставивъ недостроенную крѣпость Грозную, Ермоловъ двинулся къ Карабудахкенту, близъ котораго находились огромныя массы непріятелей; благодаря внезанной ночной атакѣ, непріятель, занимавшій сильную позицію, былъ обращенъ въ бѣгство. Высланные изъ Акушинскаго селенія *Меге* 5 представителей, увидавъ малочисленность русскаго отряда, надѣлали дерзостей Шамхалу, угощавшему ихъ обѣдомъ. Ермоловъ, совѣтывавшій Шамхалу не выказывать своего неудовольствія, приказалъ послѣ побѣды своей подъ Ловашами, высланнымъ старшинамъ строго наказать самаго дерзкаго изъ ихъ посланныхъ.

— Ермоловъ, зная, что у Шамхала Зухумъ-Кадія существовало *Канлы* или кровомщеніе къ одному значительному жителю Акушинскому, убѣдилъ его прекратить ее и предать все дѣло полному забвенію. По прочтеніи Муллою молитвы, и трекратныхъ взаимныхъ глаженій бородъ, миръ между ними былъ установленъ. Въ аулѣ Губденѣ Ермоловъ, имѣвшій сначала также въ виду помирить два враждебныя семейства, отказался отъ того; они хотя объявили ему, что готовы исполнить его волю, но присовокупили. что потеряютъ послѣ того всякое уваженіе жителей. Шамхалъ питалъ большую дружбу и глубокое уваженіе къ Ермолову; жена его, которая была сестрою бывшаго Хана Дербентскаго, взяла къ себѣ старшаго сына Ермолова, рожденнаго отъ туземки и сама нянчилась съ нимъ.

— Ермоловъ сохранилъ въ Грузіи прежнее число агаларовъ, но Паскевичъ и его преемники значительно увеличили количество ихъ. Ермоловъ, негодовавшій на жителей аула Дадалъ-Юртъ, находившагося близъ Терека, за постоянное содѣйствіе оказываемое ими хищникамъ, вторгавшимся въ наши земли, готовилъ имъ страшное наказаніе. Усыпивъ ихъ ласковымъ обращеніемъ, онъ внезанно окружилъ этотъ аулъ, овладѣлъ имъ, при чемъ погибли всѣ жители, за исключеніемъ дѣтей; мужчины, не видя себѣ спасенія, сами закалывали своихъ женъ. Это подѣйствовало на всѣхъ сосѣднихъ жителей.

— Объѣзжая въ первый разъ Кавказъ, Ермоловъ прибылъ въ Дербентъ, гдѣ содержался подъ стражей Ибрагимъ Ханъ Табасаранскій съ братомъ, которые, имѣя вражду съ третьимъ братомъ, жившимъ въ вольной Табасарани и весьма враждебнымъ нашему правительству, зарѣзали его самаго, равно какъ и его беременную жену. Они были преданы суду и на основаніи высочайшей конфирмаціи, еще впрочемъ не объявленной имъ, надлежало одного повѣсить, а другаго сослать въ Сибирь. Ермоловъ, узнавъ что они желали его видѣть, потребовалъ ихъ къ себѣ. Объяснивъ ему ходъ дѣла, они присовокупили: „хотя мы „слышали, что мы уже приговорены къ наказанію, но мы мстили „брату не столько за себя, сколько за постоянные набѣги въ „русскія земли; дозволь одному остаться заложникомъ, а другому сходить въ горы для устройства дѣлъ.“ Ермоловъ, отпустивъ одного въ горы, ходатайствовалъ о нихъ предъ государемъ, говоря, что надлежитъ принять во вниманіе дикіе нравы виновныхъ и постоянную преданность ихъ Россіи. Такъ какъ государь дозволилъ Ермолову поступить въ этомъ случаѣ по его благоусмотрѣнію, онъ простилъ князей и этимъ пріобрѣлъ въ нихъ Россіи весьма полезныхъ и преданныхъ слугъ.

— Находясь всегда въ весьма короткихъ сношеніяхъ со всѣми участниками заговора 14 декабря, я не былъ однако никогда посвященъ въ тайны этихъ господъ, не взирая на неоднократныя покушенія двоюроднаго брата моего Василія Львовича Давыдова. Онъ зашелъ ко мнѣ однажды передъ событіемъ 14 декабря и оставилъ записку, которою приглашалъ меня вступить въ Tugendbund, на что я тутъ же приписалъ: „что ты мнѣ толку„ешь о нѣмецкомъ бунтѣ: укажи мнѣ на русскій бунтъ и я пой„ду его усмирять.“ Эта записка была представлена нынѣшнему государю, который сказалъ: „это видно, что Денисъ Давыдовъ ни о чемъ не знаетъ.“

— Странный характеръ у нашего нынѣшняго государя: иногда великодушенъ, но большею частью крайне злопамятенъ. Наканунѣ казни главнѣйшихъ заговорщиковъ 14 декабря, онъ во весь вечеръ изыскивалъ всѣ способы, чтобы придать этой картинѣ наиболѣе мрачный характеръ; въ теченіи ночи послѣдовало высочайшее повелѣніе, на основаніи котораго приказано было барабанщикамъ бить во все время бой, какой употребляется при наказаніи солдатъ сквозь строй. Государь не изъявилъ согласія на просьбу графини Канкриной, ходатайствовавшей объ

отправленіи въ Сибирь лѣкаря для пользованія сосланнаго больнаго брата ея, Артамона Муравьева.

— Закревскому, котораго государь всегда разумѣлъ лишь какъ вѣрнаго исполнителя своихъ повелѣній, расширяли власть во время продолжительнаго отсутствія императора Александра за границей и съ нимъ князя Волконскаго. Я помню какъ въ немъ постоянно въ то время искали всесильные нынѣ графъ Бенкендорфъ и П. Д. Киселевъ. Этотъ послѣдній — человѣкъ умный и отмѣнно любезный, никогда не былъ администраторомъ; онъ былъ послѣ Бородинскаго сраженія назначенъ адъютантомъ къ Милорадовичу лишь въ слѣдствіе ходатайства Павла Христофоровича Граббе. Когда государь вернулся въ 1821 году въ Петербургъ, Ермоловъ спросилъ князя Волконскаго, къ какой наградѣ долженъ былъ быть представленъ Закревскій? Услыхавъ что ему хотѣли дать лишь Владиміра 2 степени, Ермоловъ возразилъ, что принимая во вниманіе обширныя занятія Закревскаго, какъ дежурнаго генерала, онъ почитаетъ эту награду слишкомъ ничтожною, тѣмъ болѣе что это была лишь очередная награда, какую онъ могъ получить во всякое другое время. Хотя Волконскій разсердившись сказалъ ему: „не прикажете ли дать „ему андреевскаго ордена?“ но, зная что Ермоловъ довелъ бы объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія государя, онъ исходатайствовалъ генералъ-лейтенантскій чинъ Закревскому, который по этому случаю обошелъ весьма многихъ.

— Князь Багратіонъ, имѣвшій всегда большое вліяніе на Платова, любившаго предаваться пьянству, пріучилъ его въ 1812 году къ нѣкоторому воздержанію отъ горчишной водки — надеждой на скорое полученіе графскаго достоинства. Платовъ часто освѣдомлялся у Ермолова, не привезенъ ли былъ въ числѣ бумагъ указъ о возведеніи его въ графское достоинство. Ермолову долгое время удавалось обманывать Платова, но атаманъ, потерявъ наконецъ всякую надежду быть графомъ, сталъ ужасно пить; онъ былъ по этому высланъ изъ арміи въ Москву; Кутузовъ же, отправляясь въ армію, вызвалъ его опять туда и въ октябрѣ того года доставилъ ему графскій титулъ.

— Фельдмаршалъ князь Паскевичъ, которому конечно никто не откажетъ въ блистательномъ мужествѣ, хладнокровіи въ минуты боя, вполнѣ замѣчательной заботливости о оснабженіи продовольствіемъ арміи, и покровительствѣ, оказываемомъ имъ угнетеннымъ полякамъ, — есть однако баловень судьбы. Прибывъ

на Кавказъ, онъ нашелъ превосходныя войска, созданныя въ теченіи 10 лѣтъ Ермоловымъ, умѣвшимъ воодушевить ихъ духомъ суворовскимъ. Онъ прибылъ въ армію, дѣйствовавшую противъ польскихъ инсургентовъ, которою временно командовалъ умный и энергическій графъ Толь. До его прибытія въ армію одинъ корпусъ перешелъ уже Вислу, а вся армія, хотя и значительно разсѣянная по огромному пространству въ слѣдствіе распоряженій Дибича, намѣревалась атаковать Варшаву. Несогласія, возникшія между жителями Варшавы, контръ-революція, вспыхнувшая тамъ и уныніе, распространившееся по всему царству, предвѣщали уже близкое торжество нашего оружія. Нельзя однако не воздать Паскевичу хвалы за все имъ совершенное, но не слѣпой и безусловной, какую требуетъ онъ отъ многочисленныхъ льстецовъ своихъ, но хвалу въ предѣлахъ справедливости и законности. Оставаясь вѣрнымъ истинѣ, я не могу не упомянуть о великихъ заслугахъ лицъ, кои подготовили ему значительные матеріалы и много способствовали въ одержаніи успѣховъ; я тѣмъ болѣе рѣшаюсь обратить на нихъ вниманіе моихъ читателей, что эти лица имѣли несчастіе подвергнуться вполнѣ недобросовѣстному приговору слишкомъ пристрастнаго и недальновиднаго правительства.

— А. С. Грибоѣдовъ, знаменитый авторъ комедіи *Горе отъ ума*, служилъ въ продолженіи довольно долгаго времени при А. П. Ермоловѣ, который любилъ его какъ сына. Оцѣняя литературныя дарованія Грибоѣдова, но находя въ немъ недостатокъ способностей для служебной дѣятельности, или вѣрнѣе слишкомъ малое усердіе и нелюбовь къ служебнымъ дѣламъ, Ермоловъ давалъ ему продолжительные отпуска, что, какъ извѣстно, онъ не любилъ дѣлать относительно чиновниковъ, не лишенныхъ дарованій и рвенія. Вскорѣ послѣ событія 14 декабря, Ермоловъ получилъ высочайшее повелѣніе арестовать Грибоѣдова и, захвативъ всѣ его бумаги, доставить съ курьеромъ въ Петербургъ; это повелѣніе настигло Ермолова во время слѣдованія его съ отрядомъ изъ Червленной въ Грозную. Ермоловъ, желая спасти Грибоѣдова, далъ ему время и возможность уничтожить многое, что могло болѣе или менѣе подвергнуть его бѣдѣ. Грибоѣдовъ,[1]) предупрежденный обо всемъ адъютантомъ

---

[1]) Ермоловъ, Вельяминовъ, Грибоѣдовъ и извѣстный шелководъ А. Ф. Ребровъ находились въ срединѣ декабря 1825 года въ Екатеринодарѣ; отобѣдавъ

Ермолова, Талызинымъ, сжегъ всѣ бумаги подозрительнаго содержанія. Спустя нѣсколько часовъ посланъ былъ въ его квартиру подполковникъ Мищенко для произведенія обыска и арестованія Грибоѣдова, но онъ, исполняя второе, нашелъ лишь груду золы, свидѣтельствующую о томъ, что Грибоѣдовъ принялъ всѣ необходимыя для своего спасенія мѣры. Ермоловъ простеръ свою, можно сказать отеческую, заботливость о Грибоѣдовѣ до того, что ходатайствовалъ о немъ у военнаго министра Татищева. Послѣ непродолжительнаго содержанія въ Петербургѣ, въ главномъ штабѣ, Грибоѣдовъ былъ выпущенъ, награжденъ чиномъ и вновь присланъ на Кавказъ. Съ этого времени въ Грибоѣдовѣ, котораго мы до того времени любили какъ остраго, благороднаго и талантливаго товарища, совершилась неимовѣрная перемѣна. Заглушивъ въ своемъ сердцѣ чувство признательности къ своему благодѣтелю Ермолову, онъ, казалось, далъ въ Петербургѣ обѣтъ содѣйствовать правительству къ отысканію средствъ для обвиненія сего достойнаго мужа, навлекшаго на себя ненависть новаго государя. — Недовольствуясь сочиненіемъ приказовъ и частныхъ писемъ для Паскевича (въ чемъ я имѣю самыя неопровержимыя доказательства), онъ слишкомъ коротко сблизился съ Ванькой-Каиномъ, т. е. Каргановымъ, который сочинялъ самые подлые доносы на Ермолова. Паскевичъ, въ глазахъ котораго Грибоѣдовъ обнаруживалъ много столь не достохвальнаго усердія, ходатайствовалъ о немъ у государя. Грустно было намъ всѣмъ разочароваться на счетъ этого даровитаго писателя и отлично-остраго человѣка, который, вскорѣ

у Ермолова, для котораго, равно какъ и для Вельяминова, была отведена квартира въ домѣ казачьяго полковника, они сѣли за карточный столъ. Грибоѣдовъ, идя рядомъ съ Ребровымъ къ столу, сказалъ ему: „въ настоящую минуту идетъ въ Петербургѣ страшная поножевщина;“ это крайне встревожило Реброва, который разсказалъ это Ермолову лишь два года спустя. Ермоловъ, отправляя обвиненнаго съ преданнымъ ему фельдъегеремъ въ Петербургъ, простеръ свою заботливость о Грибоѣдовѣ до того, что приказалъ фельдъегерю остановиться на нѣкоторое время въ Владикавказѣ, гдѣ надлежало захватить два чемодана, принадлежавшіе автору: „Горе отъ ума.“ Фельдъегерь получилъ строгое приказаніе дать Грибоѣдову возможность и время, разобравъ заключавшіеся въ нихъ бумаги, уничтожить все то, что могло послужить къ его обвиненію. Это приказаніе было въ точности исполнено и Грибоѣдовъ подвергся въ Петербургѣ лишь непродолжительному заключенію. Всѣ подробности были мнѣ сообщены Талызинымъ, Мищенкой, самымъ фельдъегеремъ и нѣкоторыми другими лицами.

послѣ пріѣзда Паскевича въ Грузію, сказалъ мнѣ и Шимановскому слѣдующія слова: „какъ вы хотите, чтобъ этотъ дуракъ, „котораго я коротко знаю, торжествовалъ бы надъ однимъ изъ „умнѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей въ Россіи; вѣрьте, „что *нашъ* его проведетъ, и Паскевичь, пріѣхавшій еще въ „попыхахъ, уѣдетъ отсюда со срамомъ." Вскорѣ послѣ того онъ говорилъ многимъ изъ насъ: „Паскевичь несносный дуракъ, „одаренный лишь хитростью, свойственною хохламъ; онъ не „имѣетъ ни свѣдѣній, ни сочувствія ко всему прекрасному и „возвышенному, но въ слѣдствіе успѣховъ, на которые онъ не „имѣлъ никакого права разсчитывать, будучи обязанъ ими пре„восходнымъ ермоловскимъ войскамъ и искуссны̀мъ и отваж„нымъ Вельяминову и Мадатову, онъ скоро лишится и малаго „разсудка своего." Но въ то же самое время Грибоѣдовъ, терзаемый по видимому бѣсомъ честолюбія, изощрялъ умъ и способности свои для того, чтобы болѣе и болѣе заслужить расположеніе Паскевича, который былъ ему двоюроднымъ братомъ по женѣ. Дружба его съ презрѣннымъ Ванькою-Каиномъ, который убѣдилъ Паскевича, что Ермоловъ хочетъ отравить его, подавала поводъ къ большимъ подозрѣніямъ. Въ справедливомъ вниманіи за всѣ достохвальные труды, подъятые на пользу и славу Паскевича, Грибоѣдову было поручено доставить государю туркманчайскій договоръ. Проѣзжая чрезъ Москву, онъ сказалъ пріятелю своему Степану Никитичу Бѣгичеву: „я вѣчный злодѣй „Ермолову.[1]) По ходатайству Паскевича, Грибоѣдовъ былъ согласно его желанію назначенъ посланникомъ въ Тегеранъ, гдѣ онъ погибъ жертвою своей неосторожности . . . . .

— Предмѣстникъ Грибоѣдова въ качествѣ посланника въ Персіи, Мазаровичь, былъ человѣкъ отлично-способный и умный; будучи медикомъ, онъ въ слѣдствіе ходатайства Ермолова былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при персидскомъ Шахѣ. Грибоѣдовъ, состоявшій нѣкоторое время при немъ въ качествѣ совѣтника, былъ человѣкомъ блестящаго ума, превосходныхъ способностей, но безполезный для службы. Незная никакихъ формъ, онъ во время отсутствія Мазаровича писалъ бумаги въ Тифлисъ, гдѣ ими возбуждалъ лишь смѣхъ въ канцеляріи Ермолова. Однажды явился къ Мазаровичу армянинъ, нѣкогда захваченный персіянами въ плѣнъ, бывшій помощникомъ

[1]) Я это знаю отъ зятя моего Дмитрія Никитича Бѣгичева.

Манучаръ-Хана, хранителя сокровищъ и любимца Шаха, съ просьбой исходатайствовать ему позволеніе возвратиться къ намъ въ Грузію. Такъ какъ это могло дать поводъ къ различнымъ обвиненіямъ, потому что въ случаѣ пропажи чего либо наше посольство и армянинъ были бы подозрѣваемы въ похищеніи шахскихъ сокровищъ, Ермоловъ совѣтовалъ Мазаровичу убѣдить армянина отказаться отъ своего намѣренія. Грибоѣдовъ, отправленный къ государю съ туркманчайскимъ договоромъ, говорилъ не стѣсняясь мнѣ, Шимановскому и весьма многимъ: [1]) „Паске-

[2]) Такъ какъ я въ то время не находился уже болѣе въ Грузіи, то я привожу здѣсь подробности, которыя мнѣ были сообщены многими лицами, заслуживающими довѣрія. Причину этихъ дѣйствій Грибоѣдова должно, сколько мнѣ извѣстно, искать въ слѣдующемъ: Грибоѣдовъ, не взирая на блистательныя дарованія свои, никогда не принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ дѣловыхъ людей; онъ провелъ довольно долгое время въ Персіи, гдѣ убѣдился лишь въ томъ, что слабость и уступчивость съ нашей стороны могли внушить персіянамъ много смѣлости и дерзости, а потому онъ хотѣлъ озадачить ихъ, такъ сказать, съ перваго раза. Къ сожалѣнію, далеко было отъ уступчивости до настоятельныхъ требованій относительно гаремныхъ прислужницъ, нѣкогда взятыхъ въ плѣнъ во время вторженія персіянъ въ Грузію, что заключало въ себѣ много оскорбительнаго для самолюбія этого народа. Настойчивость Грибоѣдова была необходимою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надлежало ему наблюдать за точнымъ исполненіемъ важнѣйшихъ пунктовъ туркманчайскаго трактата; въ прочихъ случаяхъ надо было обнаружить много ловкости, проницательности и осторожности дабы неоскорбить по напрасну народной гордости. Грибоѣдову, назначенному посланникомъ въ Персію, послѣ нашихъ счастливыхъ военныхъ дѣйствій, было легче пріобрѣсть вліяніе, — чѣмъ Ермолову, отправленному туда въ 1817 году. Не взирая на то, что этотъ послѣдній прибылъ въ Тегеранъ послѣ обѣщанія, даннаго государемъ персидскимъ посламъ возвратить нѣкоторые присоединенныя уже къ намъ области, онъ выказалъ при этомъ случаѣ такъ много искуства и энергіи, что Шахъ отказался отъ своихъ требованій. Въ случаѣ несогласія Шаха, Ермоловъ, не могшій поддержать своихъ представленій войскомъ, котораго въ то время не было подъ рукой, нашелся бы вынужденнымъ уступить; что было не безъизвѣстно персіянамъ. Невзирая на то, что самъ принцъ Аббасъ-Мирза явно уже выказывалъ намъ свои непріязненныя чувства, Ермоловъ успѣлъ склонить Шаха къ уступкамъ. Ермоловъ, всегда умѣвшій выказывать большое уваженіе къ обычаямъ народовъ, съ коими ему приходилось дѣйствовать, внушилъ персіянамъ высокое къ русскимъ уваженіе, какимъ мы даже не пользовались послѣ нашихъ успѣховъ надъ ними. Мнѣ говорилъ одинъ важный персидскій чиновникъ, что своевременная присылка войскъ въ Грузію предупредила бы войну съ персіянами, коихъ самонадѣянность возрасла лишь въ слѣдствіе убѣжденія, что мы къ ней не готовы и что мы можемъ противупоставить ихъ полчищамъ лишь ничтожныя силы. Наконецъ самыя дѣйствія умнаго и энергичнаго Мазаровича, никогда не раздражавшаго народной гордости

„вичь такъ невыносимъ, что я не иначе вернусь въ Грузію какъ „въ качествѣ посланника при персидскомъ дворѣ.“ Это желаніе Грибоѣдова, благодаря покровительству его новаго благодѣтеля, исполнилось, но на его пагубу . . . . . Дѣйствія этого пылкаго и неосмотрительнаго посланника возбудили негодованіе Шаха и персіянъ. Онъ въ лицѣ шахскаго зятя Аллаяръ-Хана нанесъ глубокое оскорбленіе особѣ самаго шаха. Грибоѣдовъ, вопреки совѣтамъ и предостереженіямъ однаго умнаго и весьма способнаго армянина, служившаго при немъ въ качествѣ переводчика, потребовалъ выдачи нѣсколькихъ русскихъ подданныхъ - женщинъ, находившихся въ гаремѣ Аллаяръ-Хана въ должности прислужницъ. Это требованіе Грибоѣдова было вѣроятно предъявлено имъ въ слѣдствіе ложнаго пониманія вещей, и съ явнымъ намѣреніемъ доказать свое вліяніе и могущество у персидскаго двора. Хотя шахъ не могъ не видѣть въ этомъ нарушенія пресидскихъ обычаевъ, но, не желая отвѣчать на требованіе Грибоѣдова положительнымъ отказомъ, онъ дозволилъ ему взять ихъ самому; посланные въ гаремъ конвойные привели плѣнницъ въ посольскій домъ. Персіяне, видѣвшіе въ этомъ явное неуваженіе русскихъ къ особѣ шахскаго зятя, къ самому шаху и къ существующимъ народнымъ обычаямъ, взволновались. Вскорѣ вспыхнуло возмущеніе, вѣроятно не безъ одобренія шаха; около сорока человѣкъ нашихъ было убито, въ томъ числѣ весьма много полезныхъ лицъ: спасся одинъ безполезный Иванъ Сергѣевичь Мальцовъ и съ нимъ двое людей, въ слѣдствіе особеннаго къ нему расположенія какихъ то персіянъ, которые спрятали его въ сундукъ на чердакѣ.

Фельдмаршалъ Паскевичь оказалъ Россіи и въ особенности Кавказу неоцѣненную заслугу присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ провинцій, но на выгоднѣйшую границу со стороны Персіи указалъ Ермоловъ, который, будучи изгнанъ изъ службы, былъ по-

---

персіянъ, были весьма поучительны для Грибоѣдова, который пренебрегъ, къ сожалѣнію, уроками своихъ предмѣстниковъ. Я полагаю, что вѣроятно существовала возможность выручить плѣнницъ безъ предъявленія несвоевременныхъ и оскорбительныхъ для персіянъ требованій; во всякомъ случаѣ надо было пріискать средства къ ихъ выдачѣ, не жертвуя для того столь многими людьми. Если-бы, по причинѣ существующихъ обычаевъ, невозможно было этаго сдѣлать тотчасъ, то не слѣдовало явно нарушать обычаевъ, освященныхъ вѣками, и тѣмъ возбуждать противу себя жителей, но слѣдовало выждать удобное къ тому время.

раженъ грубыми ошибками, коими былъ наполненъ присланный изъ С. Петербурга планъ съ обозначеніемъ границы, какую надлежало требовать при заключеніи мира. Наше самонадѣянное правительство, весьма мало понимающее нужды края, но никогда не почитающее необходимымъ прибѣгать къ совѣтамъ людей, извѣстныхъ по своей опытности и глубокому знанію дѣла, рѣшилось само начертать новую границу: она должна была проходить въ 20 верстахъ отъ Тавриза чрезъ Хойское Ханство, гдѣ палящій жаръ вынуждаетъ природныхъ жителей откочевывать лѣтомъ въ горы; одинъ изъ пунктовъ, который надлежало укрѣпить и занять нашими войсками, находился на разстояніи половиннаго перехода отъ Тавриза къ Тегерану. Занимая его, мы могли весьма легко пресѣчь сообщеніе между Тавризомъ, резиденціею наслѣдника престола, и Тегераномъ, что вынуждало бы насъ содержать огромную армію на Кавказѣ и потребовало бы значительныхъ издержекъ. Правительство наше вовсе упустило изъ виду мѣстечко Кульпъ, гдѣ добывается въ большомъ количествѣ каменная соль и куда, до начатія послѣдней войны, съ разрѣшенія шаха приходилъ ежегодно изъ Грузіи караванъ подъ предводительствомъ грузинскаго князя. Хотя Ермоловъ былъ изгнанъ изъ Грузіи самымъ позорнымъ образомъ и проживалъ въ орловской деревнѣ подъ присмотромъ земской полиціи и наблюденіемъ мѣстныхъ воинскихъ властей, но онъ слишкомъ пламенно любилъ свое отечество и край, коимъ онъ такъ славно управлялъ въ теченіи десяти лѣтъ, чтобы не указать на ошибки правительства, которое, по его мнѣнію, не могло заключить прочнаго мира на вышесказанныхъ условіяхъ. Онъ говорилъ, что самыя войска, расположенныя на границахъ, коихъ правительство хотѣло требовать, подвергнутся губительному дѣйствію климата; онъ находилъ при томъ необходимымъ требовать уступки Кульпа. Правительство, оцѣнивъ эти мудрыя возраженія, воспользовалось ими, но оно сочло излишнимъ выразить Ермолову малѣйшую за то признательность. Границы наши со стороны Персіи весьма хороши, но нельзя того же сказать относительно новой границы Кавказа со стороны Азіятской Турціи. Паскевичъ, при замѣчательномъ мужествѣ, не одаренъ ни прозорливостью, ни рѣшительностью, ни самостоятельностью, свойственными лишь высокимъ характерамъ. Не отличаясь ни особенной твердостію духа, ни даромъ слова, ни способностію хорошо излагать на бумагѣ свои мысли, ни умѣньемъ при-

влекать къ себѣ сердца ласковымъ обращеніемъ, ни свѣдѣніями по какой либо отрасли наукъ, онъ не въ состояніи постигнуть духа солдатъ и потому никогда не можетъ владѣть сердцами ихъ. Въ настоящее время толпы низкопоклонныхъ льстецовъ превозносятъ этого любимца и совѣтника государева, приписывая ему качества и достоинства, коихъ никто и никогда въ немъ прежде не замѣчалъ. Паскевичь до сорока-пяти-лѣтняго возраста слылъ весьма храбрымъ, но и весьма ограниченнымъ человѣкомъ даже въ семьѣ своей; слова его, не отличавшіяся остроуміемъ, назывались тогда въ насмѣшку [1]) des pasquinades. Отличаясь лишь посредственнымъ умомъ, онъ; подобно всѣмъ землякамъ своимъ малороссіянамъ, обладаетъ необыкновенною хитростью и потому можетъ быть по всей справедливости названъ заднѣпровскимъ италіянцемъ. Предвѣщанія Грибоѣдова сбылись: высокомѣріе, гордость, самонадѣянность Паскевича, которому успѣхи и почести совершенно вскружили голову, не имѣютъ предѣловъ; онъ почитаетъ себя великимъ человѣкомъ и первымъ современнымъ полководцемъ. Во время перваго пребыванія Паскевича въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы, всѣ спѣшили заявить ему свое благоговѣніе. Въ числѣ особъ, поздравлявшихъ его съ одержанными успѣхами находилась одна дама, которой князь Варшавскій, по врожденной скромности своей сказалъ: „я давно имѣлъ право занимать то положеніе, на кото-„рое я нынѣ поставленъ: я еще въ 1812 году указывалъ на „грубыя ошибки Наполеона и Кутузова, но меня не послушали.“ Однажды льстецы, говоря съ отцомъ его Ѳедоромъ Григорьевичемъ Паскевичемъ, восклицали: „князь Варшавскій геній.“ Умный старикъ возразилъ по малороссійски: „що геній, то негеній, „а що везе, то везе.“ Предъ отправленіемъ своимъ подъ Елисаветполь [2]) Паскевичь явился къ Ермолову; Алексѣй Петро-

[1]) Мнѣ повторяли это не разъ многіе изъ его родственниковъ; надобно впрочемъ присовокупить, что въ слѣдствіе непрестанныхъ сношеній съ умнѣйшими людьми царства польскаго, онъ пріобрѣлъ въ послѣднее время, сколько мнѣ извѣстно, довольно вѣрный взглядъ на дѣла и нѣкоторыя свѣдѣнія. Желая также пріобрѣсти популярность въ царствѣ, онъ часто ходатайствуетъ у государя о несчастныхъ и вполнѣ угнетенныхъ полякахъ. Съ какою бы цѣлью Паскевичь это ни дѣлалъ, онъ заслуживаетъ большихъ похвалъ за покровительство оказываемое имъ этому несчастному народу.

[2]) Паскевичь и его далеко не безкорыстные почитатели утверждали и утверждаютъ, что Ермоловъ отправилъ его съ ничтожными средствами противъ полчищъ Аббасъ-Мирзы съ явнымъ намѣреніемъ погубить его. Въ опроверже-

вичь, придавшій ему двухъ отличныхъ генераловъ Вельяминова и Мадатова, начертилъ карандашемъ на своемъ предписаніи диспозицію войскъ на случай сраженія. Ермоловъ, по причинѣ малочисленности войскъ, совѣтывалъ ему строить войска въ двухъ — ротные каре, при чемъ начертилъ карандашемъ подобнаго рода каре на своемъ предписаніи, которое должно нынѣ храниться въ кавказскомъ штабѣ.

Слава о мудрой справедливости, безкорыстіи и могуществѣ Ермолова, справедливо почитаемаго однимъ изъ умнѣйшихъ, способнѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ и безкорыстнѣйшихъ людей своего времени, распространилась по всему востоку, гдѣ имя его производило на всѣхъ жителей обаятельное дѣйствіе. Еслибъ онъ показался предъ персіянами, имъ безъ сомнѣнія была бы одержана побѣда, далеко и во всѣхъ отношеніяхъ превзошедшая Елисаветпольскую. Мнѣ извѣстно, что въ началѣ этого сраженія Паскевичь не отступилъ съ поля сраженія лишь вслѣдствіе совѣтовъ Вельяминова и Мадатова, ручавшихся за успѣхъ, не взирая на огромное превосходство въ числѣ людей арміи Аббасъ-Мирзы. Въ этомъ сраженіи сарбазы или регулярныя войска персидскія, стоявшія нѣкогда въ почетномъ караулѣ у Ермолова, во время пребыванія его въ Султаніи, отдались намъ потому, что они полагали, что Ермоловъ лично предводительствуетъ нашими войсками. Въ послѣдствіи самъ государь сказалъ Мирза-Сале, сопровождавшему Хозрева-Мирзу: „благодарите Бога, что моими войсками предводительствовалъ въ послѣднюю войну не Ермоловъ: онѣ были бы непремѣнно въ Тегеранѣ.“ Ермоловъ съ самаго 1817 года не переставалъ доносить государю, что война съ Персіей неотвратима. Аббасъ-Мирза, которому шахъ почти передалъ управленіе всѣмъ краемъ, находясь подъ вліяніемъ лицъ, намъ враждебныхъ, мечталъ лишь о возвращеніи провинцій, которыя Ермолову удалось удержать за Россіей. Ермоловъ писалъ въ Петербургъ, что своевременная

ніе этого можно сказать что Ермоловъ, не разъ доносившій еще во время отечественной войны о мужествѣ и усердіи Паскевича, никогда не почиталъ его человѣкомъ умнымъ и еще менѣе опаснымъ для себя. Онъ могъ и долженъ былъ лично выступить противъ персіянъ, и ввѣрить Паскевичу начальство лишь надъ второстепеннымъ отрядомъ, что сдѣлалъ бы безъ сомнѣнія всякій другой начальникъ. Войскъ же, какъ извѣстно, находилось въ Грузіи весьма мало, а потому Ермоловъ ввѣрилъ ему начальство надъ тѣмъ количествомъ войскъ, какимъ лишь могъ располагать.

присылка одной дивизіи была бы достаточною для того, чтобы предупредить войну съ персіянами, коихъ дерзость и высокомѣріе возрастаютъ лишь въ слѣдствіе убѣжденія, что мы слабы и не въ состояніи противоставить имъ большихъ силъ. Онъ даже убѣдительно просилъ заготовить провіантъ въ Астрахани и въ Баку; но его представленія не были уважены. Графъ Нессельродъ утверждалъ, что война лишь въ мысляхъ Ермолова, желавшаго ее изъ честолюбивыхъ видовъ, и что заготовленіе провіанта въ вышесказанныхъ городахъ можетъ подать поводъ къ войнѣ.

Въ 1823 году съѣхались со стороны Персіи и Россіи чиновники для опредѣленія границъ; Аббасъ-Мирза приказалъ своимъ чиновникамъ оказывать русскимъ явное невниманіе и не соглашаться ни на одно изъ нашихъ представленій. Ермоловъ писалъ въ 1824 году государю изъ Бѣлаго ключа: „многіе завидуютъ мнѣ въ томъ, что я пользуюсь благоволеніемъ В. В., а „въ случаѣ войны съ Персіей обвинятъ меня въ поданіи къ тому „повода; я весьма сожалѣю, что управляющій министерствомъ „иностранныхъ дѣлъ не хотѣлъ внять моимъ представленіямъ и „что война съ Персіей неотвратима. Не желая заслужить этаго „нареканія, я прошу ваше величество уволить меня отъ командованія корпусомъ, дозволивъ остаться въ Грузіи частнымъ „человѣкомъ, дабы быть ближе свидѣтелемъ униженія недостойной каджарской династіи.“

Ермоловъ писалъ нынѣшнему государю: „я глубоко сожалѣю, „что е. в. въ Бозѣ почивающій государь послѣдовалъ совѣтамъ „графа Нессельрода. Война, внезапно начатая, не можетъ нанести мнѣ безчестія какъ частному человѣку, но въ качествѣ „правителя края тяжело видѣть репутацію свою, страдающую „чрезъ неспособность министра иностранныхъ дѣлъ.“ Въ день 14-го декабря находился въ Петербургѣ англійскій полковникъ Шиль, пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ Аббасъ-Мирзы; на другой день онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Прибывъ въ Тавризъ, онъ увѣрилъ Аббасъ-Мирзу, что въ Россіи вспыхнула междоусобная война между двумя братьями императорами, и что на основаніи гюлистанскаго мира, Россія обратится къ Персіи съ просьбой о помощи. По мнѣнію Шиля наступилъ для персіянъ самый благопріятный моментъ для вторженія въ Грузію, гдѣ у русскихъ были весьма слабыя силы. Персіяне двинулись, и князь Меншиковъ, отправленный посломъ въ Тегеранъ, встрѣтилъ уже ихъ почти на самой границѣ нашей. Такимъ образомъ

Аббасъ-Мирза безъ предварительнаго объявленія войны вторгнулся въ провинціи Бамбакскую и Шурагельскую. Ермоловъ приказалъ полковникамъ Назимову и Реуту поспѣшно отступить предъ превосходнымъ силами непріятелемъ и стараться, избѣгая съ нимъ встрѣчъ, сосредоточить свои войска. Зная, что они получили георгіевскіе кресты въ войнѣ съ персіянами при генералѣ Ртищевѣ, онъ почиталъ ихъ наиболѣе способными для вновь начинающейся войны съ персіянами. Они вовсе не оправдали возлагаемаго на нихъ довѣрія; персіянамъ удалось истребить нѣсколько нашихъ ротъ и взять двѣ пушки. Ермоловъ сдѣлалъ въ этомъ случаѣ великую и непростительную ошибку, которая имѣла прямое и гибельное вліяніе на все его поприще. Онъ долженъ былъ лично выступить противъ персіянъ и по одержаніи надъ ними рѣшительной побѣды, возвратиться въ Тифлисъ, гдѣ онъ могъ заняться необходимыми для войны приготовленіями. Вмѣсто того онъ выслалъ сперва Мадатова, который нанесъ при Шамхорѣ рѣшительное пораженіе персіянамъ, при чемъ Аминь-Сардарь, дядя Аббасъ-Мирзы, былъ убитъ. Изъ донесенія Паскевича, отправленнаго вскорѣ послѣ того, видно, что пространство отъ Шамхары до Елисаветполя было покрыто трупами персіянъ. Ермоловъ, не зная характера новаго государя, и почитая свое присутстіе болѣе необходимымъ въ Тифлисѣ, выслалъ Паскевича противъ персіянъ. Побѣда, одержанная при Елисаветполѣ, внушила государю мысль, что онъ можетъ вполнѣ ввѣрить ему войска кавказскаго корпуса и удалить Ермолова, къ которому онъ оказывалъ явное неблаговоленіе. Между тѣмъ Грузія и Кахетія, въ слѣдствіе приближенія многочисленной персидской арміи, пришли въ волненіе; вниманіе всѣхъ было обращено на Ермолова, одно присутствіе котораго удерживало весь край въ спокойствіи и повиновеніи. Оставшись въ Тифлисѣ лишь съ четырьмя стами человѣкъ, Ермоловъ, озабоченный заготовленіемъ провіанта и всего необходимаго для войны, обнаруживалъ невозмутимое хладнокровіе. Жители Кахетіи прислали въ Тифлисъ князя Григорія Чалокаева за тѣмъ, чтобы удостовѣриться, въ какомъ расположеніи духа находится Ермоловъ.

Хотя въ слѣдствіе его распоряженій персіяне были изгнаны изъ нашихъ предѣловъ, но вся слава была отнесена къ Паскевичу. Рядъ замѣчаній и выговоровъ государя вывелъ Ермолова изъ терпѣнія; не пользуясь довѣріемъ государя, который велъ мимо его конфиденціальную переписку съ Паскевичемъ, Ермо-

ловъ рѣшился написать государю извѣстное письмо отъ 3 марта 1827 года. Ермоловъ думалъ раздѣлить персидскую войну на три кампаніи; по его мнѣнію надлежало сохранить преимущественно войска, не подвергая ихъ губительному дѣйствію знойнаго климата страны, гдѣ колодцы, наполненные вредными насѣкомыми, встрѣчались лишь чрезъ каждыя сорокъ верстъ. Въ первую кампанію надлежало, по его мнѣнію, занять пространство до Аракса, выславъ кавалерію и лошадей на высоты Ардебиля; потомъ слѣдовало двинуться зимнимъ путемъ на Тегеранъ, стараясь миновать возвышенности Султаніи, покрытыя снѣгомъ; въ третій періодъ войска должны были прибыть на высоты Ардебиля, гдѣ, выждавъ жары, возвратиться въ Грузію. Персіяне, не взирая на ихъ многочисленность, будучи предводительствуемы неспособнымъ Аббасъ-Мирзою, могли оказать намъ лишь ничтожное сопротивленіе. Въ Петербургѣ видѣли въ этомъ лишь желаніе Ермолова властвовать неограниченно въ теченіи трехъ лѣтъ.

Между тѣмъ Мадатовъ, предводительствуя летучимъ отрядомъ, явился въ Карабахъ, гдѣ овладѣлъ весьма важнымъ пунктомъ — Агарь; еслибъ у него было болѣе войска, онъ могъ бы пресѣчь сообщенія Аббасъ-Мирзы съ Тегераномъ. Въ опроверженіе мнѣнія, будто бы Ермоловъ не избралъ сильнаго пункта, снабженнаго всѣмъ необходимымъ и гдѣ бы малочисленные отряды могли бы найти убѣжище въ случаѣ быстраго наступленія большой непріятельской арміи, можно указать на Шушу. Такъ какъ въ исходѣ 1826 года ни одного непріятеля не оставалось болѣе въ нашихъ предѣлахъ, Ермоловъ приказалъ Мадатову, котораго главныя персидскія силы готовились окружить, присоединиться къ прочимъ войскамъ. Вскорѣ послѣ того Абулъ-Фетъ-Ханъ Карадахскій, братъ Мехти-Кули-Хана Карабахскаго, просилъ Ермолова назначить его беглербекомъ Тавриза, обѣщаясь въ такомъ случаѣ взбунтовать весь Адербиджанъ; но въ это время прибылъ въ Грузію курьеръ съ приказаніемъ удалить Ермолова.

Паскевичь, вскорѣ послѣ прибытія своего въ Грузію, и находясь еще подъ начальствомъ Ермолова, получилъ отъ государя письмо, въ которомъ было между прочимъ сказано: „Помнишь, „когда мы съ тобой играли въ военную игру; а теперь я твой „государь и ты-мой главнокомандующій.“ Это доказываетъ, что государь, отправляя Паскевича въ Грузію, твердо положилъ въ умѣ своемъ замѣнить имъ Ермолова, главная вина котораго за-

ключалась въ медленности, съ какою войска были приведены къ присягѣ. Паскевичь, который не могъ простить Мадатову занятія Агари, очернилъ его въ глазахъ государя; Мадатова, обвиненнаго въ грабительствѣ, лишили владѣній, пожалованныхъ ему Мехти-Кули-Ханомъ Карабахскимъ по ходатайству Ермолова, имѣвшаго въ виду пріучить кавказскихъ владѣтелей жаловать землями храбрыхъ русскихъ генераловъ, на что императоръ Александръ изъявилъ свое соизволеніе.

Во время персидской и турецкой войнъ, Паскевичь, боясь чтобы побѣды, имъ одержанныя надъ бездарными пашами, предводительствовавшими сволочью, не были отнесены къ генераламъ, пользовавшимся въ арміи хорошею репутаціей, высылалъ ихъ изъ арміи на другой день послѣ одержанія какой либо побѣды и безпрестанно мѣнялъ начальниковъ штаба.

Не принадлежа никогда къ числу почитателей Паскевича, я не могу однако не замѣтить, что во первыхъ онъ никогда не обнаруживалъ крайне утомляющей суетливости Дибича, прозваннаго Ермоловымъ le grand brouillon; но что въ Паскевичѣ заслуживало величайшія похвалы — это примѣрная заботливость о снабженіи арміи провіантомъ. Этимъ рѣдкимъ и неоцѣненнымъ качествомъ, вынуждавшимъ его часто терять много драгоцѣннаго времени, онъ превзошелъ многихъ полководцевъ, подъ начальствомъ которыхъ я когда либо служилъ въ теченіи моего военнаго поприща.

Прибывъ въ 1831 году въ армію нашу въ Польшѣ, Паскевичь принялъ сперва всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы вполнѣ обезпечить армію продовольствіемъ, и лишь тогда уже рѣшился онъ подступить къ Варшавѣ. Еще до пріѣзда Паскевича распоряженіями Толя былъ наведенъ мостъ чрезъ Вислу и одинъ корпусъ находился уже на правомъ берегу рѣки; Толь воспользовался для этой цѣли судами, нагруженными хлѣбомъ, которые были высланы по распоряженію прусскаго правительства вверхъ по Вислѣ. На собранномъ военномъ совѣтѣ, фельдмаршалъ, выслушавъ мнѣнія всѣхъ членовъ относительно лучшаго способа овладѣть Варшавой, предпочелъ атаку Волы, какъ наисильнѣйшаго пункта, паденіе котораго должно было неминуемо повлечь за собой покореніе Варшавы, и слѣдовательно Польши. Будучи оконтуженъ въ самомъ началѣ дѣла, представлявшаго неимовѣрныя затрудненія по причинѣ недостатка въ лѣстницахъ, кои были притомъ слишкомъ коротки, Паскевичь, отъѣзжая отъ

армін, объявилъ Толю, что въ случаѣ неудачи вся отвѣтственность падетъ на него одного! Дѣятельность, мужество и энергія Толя, на котораго однако не можетъ не пасть доля нареканій столь справедливо заслуженныхъ Дибичемъ, были въ этотъ день неимовѣрными. Не было вполнѣ опаснаго пункта, куда бы Толь не появлялся; не было колонны войскъ, мало мальски изнуренной и отбитой мужественнымъ непріятелемъ, которую бы Толь не поспѣшилъ ободрять; короче сказать: въ этотъ рѣшительный и кровопролитный бой, онъ былъ истиннымъ ангеломъ-хранителемъ русской арміи. Узнавъ о благополучномъ исходѣ боя, Паскевичъ поспѣшилъ напомнить о себѣ арміи, тщетно отыскивавшей его во время ужасовъ кроваваго побоища. Заслугъ Паскевича никто неотрицаетъ, но знаменитъ и великъ подвигъ Толя, который, будучи предоставленъ самому себѣ во все время этого роковаго побоища, умѣлъ извернуться такимъ образомъ, что отсутствіе фельдмаршала не только не имѣло гибельнаго вліянія на исходъ битвы, но даже осталось никѣмъ незамѣченнымъ. Паскевичъ, никогда не отличавшійся скромностью и безпристрастіемъ, свойственными лишь высокимъ, избраннымъ характерамъ, не хотѣлъ въ своемъ донесеніи государю выставить въ надлежащемъ свѣтѣ заслуги многихъ лицъ, блистательному содѣйствію которыхъ онъ былъ обязанъ одержанной побѣдой. Напротивъ того, алчность къ присвоенію чужихъ заслугъ, нисколько не умаляющихъ его собственныя, желаніе приписать всю славу побѣды лишь самому себѣ, побудили его отозваться не совсѣмъ благопріятно о многихъ лицахъ.

Рядъ милостей посыпался на Паскевича, *вождя, достойнаго временъ великаго Николая*, какъ выразился редакторъ однаго журнала; почести окончательно вскружили ему голову, и онъ, въ пылу самонадѣянности, возмечталъ о себѣ, что онъ полубогъ. Не имѣя повода питать глубокаго уваженія къ фельдмаршалу князю Варшавскому, я однако для пользы и славы Россіи не могу не желать ему отъ души новыхъ подвиговъ. Пусть дѣятельность нашего Марса, посвященная благу побѣдоноснаго россійскаго воинства, окажетъ на него благотворное вліяніе. Пусть онъ, достойно стоя въ челѣ побѣдоноснаго русскаго воинства, слѣдитъ за всѣми усовершенствованіями военнаго ремесла на западѣ, и ходатайствуетъ у государя, оказывающаго ему полное довѣріе, о примѣненіи ихъ къ нашему войску; я въ такомъ случаѣ готовъ отъ полноты души извинить и позабыть прежніе,

гнусные его поступки и недостойныя клеветы, къ коимъ онъ не возгнушался прибѣгать для достиженія высокаго своего сана.

Князь Мадатовъ, изгнанный съ Кавказа Паскевичемъ, убѣдившимъ государя, что этотъ генералъ, пользуясь будто бы благоволеніемъ Ермолова, ограбилъ жителей Карабаха, что было совершенно ложно, ознаменовалъ себя блистательною храбростью въ европейской Турціи; подъ Шумлой со спѣшенными гусарами онъ овладѣлъ нѣсколькими редутами. Онъ умеръ въ Молдавіи и передъ смертью ему было суждено выслушать слѣдующее признаніе умирающаго генералъ-адъютанта Константина Христофовича Бенкендорфа, столь ограниченнаго умомъ, сказавшаго ему: „Я передъ вами, но въ особенности передъ Алексѣемъ Петро-„вичемъ Ермоловымъ, много виноватъ; я вамъ обоимъ много по-„вредилъ черезъ брата моего, но вѣрьте, что это лишь по одно-„му невѣдѣнію, а потому простите меня.“ Мадатовъ, который не былъ княземъ отъ рожденія, но сталъ называть себя княземъ въ послѣдствіи, носилъ имя своей матери; дядя его Петрусь-Бекъ пользовался большимъ уваженіемъ въ Карабахѣ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, любившій Мадатова, сказалъ ему однажды: „ты настоящій Яшка (уменьшительное отъ армяшка),“ на это Мадатовъ возразилъ: „если я *Яшка*, вы цѣлый Яковъ Яковлевичъ.“ Графъ Дибичь сказалъ ему однажды: „я знаю, что Па-„скевичь вамъ много повредилъ; если вы когда нибудь попадете „ко мнѣ, я постараюсь вамъ все вознаградить.“ Мадатовъ, говорившій: „не все надо брать храбростью, нужно и хитростью,“ былъ женатъ на дочери генерала Саблукова, въ которую я былъ долго влюбленъ. Этотъ до невѣроятія неустрашимый и хитрый генералъ, трепетавшій одного взгляда Ермолова, вступилъ въ бракъ лишь въ надеждѣ получить званіе генералъ-адъютанта. Молодая жена его согласилась выдти за него за мужъ въ убѣжденіи, что князь Мадатовъ весьма значительное въ Карабахѣ лице. Вскорѣ послѣ пріѣзда молодыхъ въ Карабахъ, княгиня изъявила желаніе посѣтить могилу своего тестя, человѣка безнравственнаго, ничтожнаго и котораго мѣсто погребенія не было никому извѣстно. Князь Мадатовъ, не желая на первыхъ порахъ разочаровать свою молодую жену, приказалъ одному расторопному офицеру, состоявшему при немъ въ должности адъютанта, отыскавъ на армянскомъ кладбищѣ богатую гробницу, убрать ее цвѣтами и проложить къ ней дорожку. Исполнивъ приказаніе, адъютантъ донесъ о томъ своему генералу, который

повелъ жену свою къ этой гробницѣ. Молодая княгиня, введенная такимъ образомъ въ заблужденіе, ставъ на колѣни, возносила молитвы о упокоеніи души усопшаго. Не взирая на то, что Мадатовъ вступилъ въ бракъ съ молодой и весьма красивой женщиной, онъ продолжалъ предаваться гнусному пороку, столь распространенному на востокѣ. Однажды княгиня, войдя совершенно неожиданно въ кабинетъ мужа, была поражена зрѣлищемъ, которое не могло не возмутить ее; но князь, ни мало не смутившійся этимъ внезапнымъ появленіемъ жены, сказалъ ей: „это ничего, Софья; я это дѣлаю для того, чтобы сохранить „вліяніе на здѣшній народъ.“ Мадатовъ, будучи весьма умнымъ и чрезвычайно хитрымъ человѣкомъ, владѣлъ довольно хорошо русскимъ языкомъ; не взирая на то, онъ съ намѣреніемъ употреблялъ часто въ разговорѣ весьма неправильные обороты. Опоздавъ однажды къ Ермолову, онъ извинялся тѣмъ, что его задержалъ какой то жидъ; „онъ думалъ провести меня по жи„довски, сказалъ князь,“ но я ему запустилъ армянскаго, и онъ „остался въ накладѣ.“ Ермоловъ, поручивъ ему однажды дочь одного кадія или старшины, объявилъ ему грозно, что онъ желаетъ чтобы она была доставлена къ родителямъ въ цѣломудренномъ состояніи; Мадатовъ, боявшійся одного взгляда Ермолова, говорилъ: „я нашелся вынужденнымъ не спать по но„чамъ, потому что не могъ поручиться за своихъ адъютантовъ.“

Во время пребыванія въ Тифлисѣ барона Дибича, онъ отсовѣтовалъ Ермолову предпринимать что либо противъ персидскаго города Энзели. Дибичь сказалъ ему однажды слѣдующее: „Государь весьма недоволенъ тѣмъ, что вы самовольно дозво„ляете себѣ заключать многихъ штабъ-офицеровъ въ крѣпость „на продолжительное время.“ Ермоловъ отвѣчалъ: „я это дѣ„лаю потому, что желаю скорѣе подвергнуть виновныхъ времен„ному наказанію, чѣмъ такому, которое могло бы имѣть для „нихъ непріятныя и невыгодныя послѣдствія. Я ограничиваюсь „временнымъ заключеніемъ ихъ въ крѣпость, но не предаю уже „ихъ суду. Ни одинъ изъ нихъ за то на меня не пожалуется. „Вамъ это трудно понять, потому что вы, рано отдѣлившись „отъ толпы, скоро возвысились; но мнѣ, сроднившемуся съ тол„пой, несравненно болѣе знакомы ея нужды.“

Иванъ Никитичь Скобелевъ, изъ солдатъ выслужившійся въ генералы, отличался необычайнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, замѣчательнымъ природнымъ умомъ, изумительною смѣ-

тливостію и непомѣрнымъ корыстолюбіемъ. Этотъ хитрый человѣкъ, извѣстный также по своему хвастовству и по умѣнью превосходно излагать на бумагѣ свои мысли, составилъ себѣ огромное состояніе самыми беззаконными способами.

Я всегда полагалъ, что императоръ Николай одаренъ мужествомъ, но слова, сказанныя мнѣ бывшимъ моимъ подчиненнымъ, вполнѣ безстрашнымъ генераломъ Чеченскимъ и нѣкоторыя другія обстоятельства, поколебали во мнѣ это убѣжденіе. Чеченскій сказалъ мнѣ однажды: „вы знаете, что я умѣю цѣнить мужество, „а потому вы повѣрите моимъ словамъ. Находясь въ день 14 „декабря близъ государя, я во все время наблюдалъ за нимъ. Я „васъ могу увѣрить честнымъ словомъ, что у государя, бывша„го во все время весьма блѣднымъ, душа была въ пяткахъ. Не „сомнѣвайтесь въ моихъ словахъ, я не привыкъ врать." Во время бунта на Сѣнной, государь прибылъ въ столицу лишь на второй день, когда уже все начинало успокоиваться. До тѣхъ поръ онъ находился въ Петергофѣ, и самъ какъ-то случайно проговорился: „Мы съ Волконскимъ стояли во весь день на курганѣ въ саду, сказалъ онъ, и прислушавались не раздаются ли со стороны Петербурга пушечные выстрѣлы." Вмѣсто озабоченнаго прислушиванія въ саду и безпрерывныхъ отправокъ курьеровъ въ Петербургъ, онъ долженъ былъ лично поспѣшить туда: такъ поступилъ бы всякій мало мальски мужественный человѣкъ. Генералъ-губернаторъ П. К. Эссенъ, столь извѣстный по отсутствію умственныхъ способностей, — думалъ успокоить народъ рѣчью, которой никто не понялъ; но Васильчиковъ, Закревскій и Василій Перовскій привели войска на Сѣнную площадь и тѣмъ возстановили тамъ порядокъ. На слѣдующій день государь, имѣя около себя князя Меншикова и графа Бенкендорфа, въѣхалъ въ коляскѣ въ толпу, наполнявшую площадь; онъ закричалъ ей: „*на колѣни*" и толпа поспѣшно исполнила это приказаніе. Сказавъ короткую, но прекрасную рѣчь, государь приказалъ Закревскому отслужить тотчасъ панихиду по убіеннымъ. Такъ какъ толпы любопытствующихъ послѣдовали за экипажемъ его величества на площадь, государь, увидавъ нѣсколько лицъ одѣтыхъ въ партикулярныхъ платьяхъ, вообразилъ себѣ, что это были лица подозрительныя; онъ приказалъ взять этихъ несчастныхъ на гауптвахты, и обратившись къ народу, сталъ кричать: „это все под„лые полячишки: они васъ подбили." Подобныя неумѣстныя выходки совершенно испортили, по моему мнѣнію, результаты

дня. Все мною здѣсь сказанное сообщено мнѣ очевидцами, заслуживающими полнаго довѣрія.

Во время войны 1828 года въ Турціи корабль, на коемъ находился государь съ своей свитой, едва не былъ прибитъ бурею къ Константинополю. Государь, не желая быть узаннымъ, переодѣлся въ партикулярное платье; молодый и смѣлый князь Александръ Суворовъ громко сказалъ при этомъ случаѣ: „пусть „узнаютъ монархи, что стихіи имъ по крайней мѣрѣ не подвла-„стны.“ Этотъ самый молодый человѣкъ, котораго отецъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Ермоловымъ, состоялъ при семъ послѣднемъ на Кавказѣ. Извѣстно, что послѣ изгнанія Ермолова изъ Кавказа, жители Гуріи, желая угодить Паскевичу, вынесли портретъ Алексѣя Петровича изъ залы, въ которой данъ былъ ими обѣдъ графу Эриванскому. Князь Суворовъ, присутствуя на одномъ оффиціальномъ обѣдѣ, и видя, что никто не хочетъ вспомнить о бывшемъ начальникѣ, предложилъ его здоровье; присутствующіе были вынуждены, противъ своего желанія, послѣдовать его примѣру.

Когда въ послѣдствіи жандармскія власти стали допрашивать прибывшихъ въ Петербургъ Грузинъ, съ намѣреніемъ узнать отъ нихъ что либо, могущее послужить къ большему обвиненію Ермолова, они отвѣчали: „мы лишь за то были недо-„вольны имъ, что онъ говорилъ, что у Грузинъ, вмѣсто головъ „— тыквы.“

Величайшія и вполнѣ непростительныя ошибки Ермолова суть: во 1-хъ то, что онъ не отправился подъ Елисаветполь лично, но отправилъ туда Паскевича, придавъ ему двухъ отличныхъ генераловъ Вельяминова и Мадатова, которые убѣдили Паскевича принять сраженіе, а во 2-хъ, поступленіе его вновь на службу. Не взирая на то, Паскевичъ распространилъ слухъ, что Ермо ловъ, отправляя его въ Елисаветполь, обрекалъ его на вѣрную гибель. Ермол овъ долженъ былъ, по моему мнѣнію, проникнуть гораздо ранѣе намѣреніе государя не давать ему должностей, которыя бы соотвѣтствовали его способностямъ, и переѣхать въ Москву.

При увольненіи Ермолова отъ службы ему было назначено около 14000 рублей бумажками пансіона; графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, узнавъ о томъ, сказала, что она почла бы себя счастливою, еслибы Ермоловъ взялъ въ свое распоряженіе одно изъ ея богатыхъ помѣстій. Такъ какъ всѣ вообще

пансіоны были значительно увеличены, то Ермолову, ничего неполучавшему отъ отца своего, было еще прибавлено, въ слѣдствіе ходатайства графа Дибича, около 14000 рублей бумажками.

Прибывъ въ Москву, Ермоловъ посѣтилъ во фракѣ дворянское собраніе; пріѣздъ этого генерала, столь несправедливо и безразсудно удаленнаго съ служебнаго поприща, произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на публику; многія дамы и кавалеры вскочили на стулья и столы, чтобы лучше разсмотрѣть Ермолова, который остановился въ смущеніи у входа въ залу. Жандармскія власти тотчасъ донесли въ Петербургъ, будто Ермоловъ, остановившись насупротивъ портрета государя, грозно посмотрѣлъ на него!!!

Сестра его Анна Петровна, вышла за мужъ за нѣкоего А. А. Павлова, вполнѣ замѣчательнаго по своему уму и вполнѣ презрѣннаго по свойствамъ души. Хотя Ермоловъ на основаніи духовной отца своего обязанъ былъ выдѣлить сострѣ своей лишь $^1/_3$ часть имѣнія, но, имѣя намѣреніе дать ей гораздо большую часть, онъ поручилъ одному изъ своихъ пріятелей заняться раздѣломъ. Медленность, съ которой этотъ раздѣлъ совершался, внушила Павлову мысль, воспользовавшись извѣстнымъ неблаговоленіемъ государя къ Ермолову, подать прошеніе его величеству съ приложеніемъ нѣсколькихъ писемъ Ермолова, писанныхъ имъ когда то въ либеральномъ духѣ. Хотя послѣдовалъ указъ о принужденіи Ермолова ускорить раздѣлъ, но онъ, въ справедливомъ негодованіи на презрѣнный поступокъ своего зятя и сестры, объявилъ, что никакая сила не заставитъ его выдѣлить часть большую противу того, что было ей назначено покойнымъ ихъ родителемъ, Ермоловъ получилъ въ наслѣдство около 280,000 рублей бумажками.

Въ бытность государя въ Москвѣ осенью 1831 года, Ермоловъ былъ приглашенъ во дворецъ, куда онъ поѣхалъ въ отставномъ мундирѣ; государь, принявшій его необыкновенно радушно, вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи Ермолова, что было принято многими за знакъ особеннаго къ нему благоволенія. Императрица, увидя его, не скрыла своего смущенія; она сказала ему: „je vous aurais reconnu à l'instant même, général; tous vos portraits vous ressemblent. Будучи позванъ къ императорскому столу, онъ едва не навлекъ гнѣва государя, принятіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, которые, какъ онъ выразился, поступили какъ благородные граждане. Государя, на-

чавшаго неприлично возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: „никто ихъ конечно не убѣдитъ, что „милосердіе государя никогда не обратится на нихъ.“ Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, обласканный имъ, вступитъ вновь въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Графъ Бенкендорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему по порученію государя слѣдующее: „Его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь ми„лостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія „поступить на службу,“ на что Ермоловъ отвѣчалъ: „Государь „властенъ приказать мнѣ это, но никакая сила не заставитъ „меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ.“ Это было передано куда слѣдуетъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Онъ сказалъ ему, что государь даетъ ему слово, что онъ его никогда не сведетъ съ фельдмаршаломъ. Вынужденный написать въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, онъ самъ отправился къ Хрущову, куда прибылъ генералъ Адлербергъ съ объявленіемъ, что приказъ о принятіи его въ службу состоялся. Такимъ образомъ Ермоловъ, вполнѣ обманутый государемъ, для котораго предстояла возможность употребить съ пользою его дарованія, — вновь надѣлъ мундиръ; это было со стороны Ермолова непростительною ошибкою, сильно потрясшею огромную популярность, какою онъ пользовался въ арміи, тѣмъ болѣе, что государь, вовсе не сочувствовавшій людямъ способнымъ и безкорыстнымъ, не имѣлъ, какъ оказалось, намѣренія воспользоваться его способностями и опытностью.

Государь былъ однако первое время чрезвычайно милостивъ и внимателенъ къ Ермолову, которому удалось, по кончинѣ доблестнаго Н. Н. Раевскаго, выхлопотать вдовѣ его слѣдующія милости: ей было прощено 300 тысячь руб. ассигнаціями казеннаго долга, а взносъ должныхъ покойнымъ мужемъ еще 500 тысячь руб. былъ разложенъ на весьма продолжительные сроки. По предложенію Ермолова, указавшаго государю на невыгоду безсрочныхъ вещей, какъ напримѣръ штыковъ, которые, не будучи отточены, дѣлаются весьма часто на Кавказѣ добычей горцевъ, — это было отмѣнено.

Ермоловъ имѣлъ сначала намѣреніе воспитать своихъ сы-

новей за границею, но въ слѣдствіе вновь появившагося въ 1834 году указа и настоянія великаго князя Михаила Павловича, онъ помѣстилъ ихъ въ Артиллерійское училище.

На одномъ балѣ у князя Дмитрія Владиміровича Голицына государь имѣлъ съ Ермоловымъ слѣдующій разговоръ:

Г. — Какъ хороша Скрыпицына! какъ стройна!

Е. — Да государь, — она какъ стебель лиліи. —

Г. — О! да ты поэтъ, какъ братъ твой Денисъ. — Какъ жаль, что этотъ человѣкъ служитъ урывками! Съ его средствами и дарованіями, чѣмъ бы онъ не былъ! — Писалъ ли ты когда нибудь стихи? —

Е. — Никогда, государь, не могъ прибрать ни одной риѳмы, и ни съ однимъ стихомъ неумѣлъ сладить. —

Г. — А Денисъ пишетъ ли стихи? —

Е. — Рѣдко теперь, — онъ занимается серіозными сочиненіями. —

Г. — Я этаго незналъ; можетъ быть урывками, такъ же какъ служитъ? —

Е. — Нѣтъ, государь — весьма постоянно, можно сказать, какъ трудолюбивѣйшій коментаторъ. —

Г. — Къ чему онъ ни способенъ, когда захочетъ, съ его способностями и дарованіемъ? Онъ однако прежде писалъ неприличные стихи. —

Е. — Правда, государь; — бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино, и отъ того прослылъ пьяницею, а онъ такой же пьяница — какъ я. —

Г. — Это я знаю; — жаль что онъ урывками служитъ. Онъ былъ бы полезенъ, и для всѣхъ и для себя, и пошелъ бы далеко. —

Засѣдая въ государственномъ совѣтѣ, Ермоловъ, никогда не почитавшій себя администраторомъ, не принималъ почти никакого участія въ преніяхъ. Онъ однако предложилъ отмѣнить званіе первоприсутствующихъ въ департаментахъ сената; въ его понятіяхъ первоприсутствующій имѣетъ лишь въ виду угождать министру юстиціи, а для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ было, по его мнѣнію, достаточно оберъ-прокурора.

— Ермолова назначали членомъ комитета о преобразованіи оренбургскаго края, предсѣдателемъ котораго былъ бездарный

П. К. Эссенъ, и членомъ о преобразованіи карантиннаго устава, гдѣ онъ не могъ оказать никакой пользы. Онъ отдалъ здѣсь полную справедливость отличнымъ способностямъ графа Павла Сухтелена, столь рано умершаго для оренбургскаго края.

— Хотя Ермолова не назначали присутствовать въ комитетахъ о военныхъ дорогахъ, и о преобразованіи конныхъ полковъ, но многіе обращались къ нему за совѣтами. Не взирая на то, что государь сказалъ ему: „я хочу васъ всѣхъ, стари-„ковъ, собрать около себя и беречь какъ старыя знамена,“ это были лишь слова. Ермоловъ, видя себя совершенно безполезнымъ, сказалъ однажды государю: „ваше величество вѣроятно „потеряли изъ виду, что я лишь военный человѣкъ; всѣ мои „назначенія доселѣ убѣждаютъ меня въ томъ, что я совершенно „безполезенъ, и что всѣ возлагаемыя на меня порученія не со-„отвѣтствуютъ моимъ свѣдѣніямъ, и могу сказать, моей опыт-„ности.“ На это государь отвѣчалъ: „ты вѣрно слишкомъ лю-„бишь отечество, чтобы желать войны; намъ нуженъ миръ для „преобразованій и улучшеній, но въ случаѣ войны я употреблю „тебя“ — „Я вѣрю, государь, — отвѣчалъ Ермоловъ, — слову „рыцаря.“ — „Отчего не государя?“ — сказалъ Николай. Послѣ этихъ довольно милостивыхъ словъ послѣдовало полное неблаговоленіе къ Ермолову, которому предложили мѣсто предсѣдателя въ генералъ-аудиторіатѣ; графъ Чернышевъ, предложившій ему это мѣсто отъ имени государя, сказалъ ему, что не онъ самъ, а лишь его канцелярія будетъ подчинена военному министру. Ермоловъ отказался подъ слѣдующимъ предлогомъ: „единствен-„нымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не „приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязан-„ности палача.“ Государь сказалъ на это: „Ермоловъ не такъ „это понимаетъ.“ Графиня Бенкендорфъ, посѣтивъ вскорѣ послѣ того графиню Закревскую, сообщила ей о томъ, что государь повѣрилъ гнуснымъ навѣтамъ на Ермолова своихъ окружающихъ, и сказала: „Ермолова съинтриговали.“ Между тѣмъ Ермоловъ, возвратившись въ Петербургъ, просилъ графа Бенкендорфа объяснить его величеству желаніе его быть уволеннымъ отъ засѣданія въ государственномъ совѣтѣ по той причинѣ, что бывъ лишь военнымъ человѣкомъ и неуспѣвъ приготовить себя къ занятіямъ гражданскимъ, онъ почитаетъ себя неспособнымъ исполнять обязанность высокой важности, къ какой онъ призванъ милостью государя.

Графъ Бенкендорфъ не рѣшался будто бы доложить о томъ его величеству въ теченіи двухъ недѣль; а между тѣмъ онъ его увѣрялъ, что онъ избираетъ лишь благопріятную минуту, тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ, сколь будетъ непріятно его величеству уклоненіе отъ занимаемой должности Ермолова, который непремѣнно навлечетъ тѣмъ на себя гнѣвъ государя. „Его обезоружитъ чистосердечное мое признаніе,“ — говорилъ Ермоловъ не перестававшій настаивать на своей просьбѣ. Однажды графъ Бенкендорфъ, не заставъ Ермолова дома, оставилъ нижеслѣдующую записку:

„Mon trés-honoré général, sa Majesté m'a chargé de vous „dire, qu'Elle désire que vous lui écriviez ce que je Lui ai dit sur „les raisons qui vous engagent à quitter le Conseil.“

Письмо въ слѣдъ за этимъ здѣсь помѣщенное возбудило гнѣвъ государя, приказавшаго отдать въ приказѣ, что генералъ Ермоловъ увольняется отъ службы по собственному признанію въ неспособности. Приказъ этотъ долженъ былъ быть публикованъ, но графъ Бенкендорфъ успѣлъ отговорить государя, сказавъ, что никто тому не повѣритъ. [1])

Его императорскому величеству.

„Генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ объявилъ мнѣ „высочайшую волю вашу, всемилостивѣйшій государь, дабы я „письменно изложилъ причины, заставляющія меня просить „увольненія отъ засѣданія въ государственномъ совѣтѣ. Исполняю „волю сію съ откровенностью солдата, гордящагося честью со„роколѣтняго служенія государямъ и отечеству.

„Я вполнѣ постигаю, государь, сколь высоко званіе члена „государственнаго совѣта, гдѣ могутъ обрѣсти самую лестную „награду лица, оказавшія важныя заслуги отечеству. Исполненъ „я удивленіемъ къ неизреченному великодушію монарха, ввѣряю„щаго малому числу избранныхъ разсмотрѣніе важнѣйшихъ ад„министративныхъ дѣлъ, измѣненія въ законахъ, предложеніе „новыхъ, не прежде освящая ихъ державною своею властью, какъ „по выслушаніи ихъ мнѣнія.

„Но, государь, всю жизнь свою провелъ я на военномъ по-

---

[1]) Графъ Канкринъ сказалъ по этому поводу Ермолову: „государь не могъ, батюшка, не обидѣться тѣмъ, что вы писали, потому что извѣстно, что у насъ въ государственномъ совѣтѣ сидятъ одни дураки.“ —

„прищѣ, на которомъ не успѣлъ ознакомиться съ занятіями, къ „которымъ я нынѣ призванъ. Онѣ мнѣ чужды и усиливаютъ „во мнѣ лишь убѣжденіе и горестную мысль, что я безполезенъ „и потому не могу оправдать ожиданій моего государя.

„Какъ Русскій и какъ солдатъ я не избѣгалъ трудовъ и не „робѣлъ передъ опасностями на службѣ государя; не останавливаясь ни минуты вступить вновь на службу, когда мнѣ было „объявлено повелѣніе о томъ вашего величества, я устыжусь „однако самаго себя, если позволю себѣ желать остаться „въ настоящемъ положеніи, съ коимъ неразлучно убѣжденіе, „что лѣта, опытность, усердіе недостаточны, а необходимы „свѣдѣнія, коихъ у меня нѣтъ.

„Простите, государь, смѣлость, съ которою я всеподданнѣйше „повергаю просьбу мою о увольненіи меня отъ присутствія въ „государственномъ совѣтѣ.“

10 Марта 1839.

Чрезъ нѣсколько дней Ермоловъ получилъ отъ военнаго министра графа Чернышева слѣдующія двѣ бумаги:

Милостивый государь
Алексѣй Петровичъ.

Государь императоръ, прочитавъ всеподданнѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 10 числа сего мѣсяца, поручить мнѣ соизволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что его величество весьма сожалѣетъ, что вы, не смотря на долголѣтнее управленіе вами Закавказскаго края и по гражданской части, не предполагаете нынѣ въ себѣ способностей, потребныхъ для исполненія обязанностей, къ которымъ вы призваны высочайшею довѣренностью, и что въ слѣдствіе того, удовлетворяя желанію вашему, его величество увольняетъ васъ въ отпускъ до излеченія болѣзни. —

Сообщивъ высочайшую сію волю предсѣдателю государственнаго совѣта, честь имѣю и васъ объ оной, милостивый государь, увѣдомить. —

14 Марта 1839.

No. 1552. —

Милостивый государь
Алексѣй Петровичъ.

Я доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія о желаніи вашего высокопревосходительства воспользоваться зимнимъ путемъ для выѣзда изъ С. Петербурга и о просимомъ вами дозволеніи откланяться государю императору. Его величество поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что чрезвычайно увеличившіяся занятія препятствуютъ принять васъ въ скоромъ времени, а потому, не желая васъ задерживать, его величество разрѣшаетъ отъѣздъ вашъ.

No. 1574.

16 Марта 1839.

Ни одинъ генералъ не былъ, подобно почтенному и доблестному А. А. Вельяминову, столь смѣлымъ въ отношеніи къ императору Николаю, который, какъ извѣстно, не любилъ самостоятельныхъ людей и не терпѣлъ возраженій. На вторичный вопросъ Вельяминова военному министру, графъ Чернышевъ отвѣчалъ Вельяминову отъ 7 Апрѣля 1834 года, что онъ можетъ участвовать въ экспедиціи и давать дѣйствіямъ направленіе, но отнюдь постоянно тамъ не находиться.

Его величество, писалъ гр. Чернышевъ отъ 9-го Апрѣля того же года, желаетъ: 1, чтобы исполнено было въ совершенной точности, что предписано и словесно имъ объяснено, въ чемъ совершенно полагается на барона Григорія Владиміровича Розена и генерала Вельяминова; 2, генералу Вельяминову сообщить все въ подробности и сказать, что государю императору не угодно, чтобы съ Горцами было поступаемо съ жестокостью генерала Ермолова, но чтобы сначала непремѣнно было бы предложено имъ покориться добровольно и дѣйствовать за насъ; въ случаѣ же сопротивленія, поступать уже по предписанной методѣ.

Извлеченіе изъ отношенія командующаго войсками на Кавказской линіи и Черноморіи генералъ-лейтенанта Вельяминова генералъ-адъютанту Адлербергу, отъ 12 Ноября 1834 г, за No. 522.

„Отношеніе вашего превосходительства отъ 29-го Сентября за No. 194, въ коемъ вы увѣдомляете меня о высочайшей волѣ, чтобы въ военныхъ дѣйствіяхъ за Кубанью строго слѣдовать

первоначальному плану сей экспедиціи, получено мною 20-го Октября, на канунѣ перехода моего чрезъ хребетъ Кавказа въ Геленджикъ. Нѣкоторыя отступленія отъ первоначальнаго плана были уже сдѣланы, и потому, не смотря на волю его величества я не могъ остановить продолженія дѣйствій отряда, не сдѣлавъ всю экспедицію нынѣшняго года почти совершенно-безплодною. Въ первыхъ донесеніяхъ моихъ г. корпусному командиру я слегка упомянулъ о причинахъ, побудившихъ меня къ сдѣланнымъ отступленіямъ, полагая сіе достаточнымъ для его высокопревосходительства, какъ знакомаго уже съ образомъ здѣшней войны. Но какъ представленныя мною причины нѣкоторыхъ отступленій отъ первоначальнаго плана признаны недостаточными, то нахожу необходимымъ изложить оныя подробнѣе, прося покорнѣйше ваше превосходительство представить это на благоусмотрѣніе его величества.

Прежде всего нужно замѣтить, что ни одинъ полководецъ не могъ выполнить во всѣхъ подробностяхъ первоначальнаго плана кампаніи; обстоятельства времени и мѣстъ, равно какъ и образъ дѣйствій непріятеля, всегда вынуждаютъ отступать болѣе или менѣе отъ предположеній. Невозможность слѣдовать въ строгости предначертаніямъ еще болѣе чувствительна, когда военныя дѣйствія предположены въ землѣ совсѣмъ почти неизвѣстной, каковъ есть Кавказъ, или когда предположенія составляются не самимъ начальникомъ войскъ. Планы австрійскаго гофъ-кригсъ-рата, коимъ обязаны были слѣдовать строго австрійскіе полководцы, никогда не имѣли ни малѣйшаго успѣха: австрійскія арміи всегда терпѣли пораженія. Посимъ соображеніямъ считаю себя обязаннымъ отступать отъ первоначальныхъ предположеній, всякій разъ, когда обстоятельства того требуютъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что естьли бы, не принявъ въ соображеніе обстоятельствъ, я въ строгости сталъ бы выполнять первоначальное предположеніе, то поступилъ бы рѣшительно вопреки намѣреніямъ его величества.

Объясняя вашему превосходительству соображенія, коими я руководствовался, не имѣю самолюбія думать, что они не доступны для критики, и ни мало не удивлюсь, если его величество найдетъ въ оныхъ ошибки. Не менѣе того я дѣйствовалъ въ полномъ убѣжденіи, что основываясь на сихъ соображеніяхъ, лучше выполню намѣренія его величества, нежели слѣдуя слишкомъ строго первоначальнымъ предположеніямъ."

Столь энергическіе отвѣты Вельяминова, который доказалъ также всю нелѣпость предположеній фельдмаршала Паскевича, касательно наискорѣйшаго покоренія Кавказа, не навлекли однако ему большихъ непріятностей. Хотя государь, прочитавъ это возраженіе и сказалъ: *„это дерзко“*, но онъ вполнѣ оцѣнилъ Вельяминова въ проѣздъ свой изъ Тифлиса на линію въ 1837 году. —

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О ПОЛЬСКИХЪ СОБЫТІЯХЪ 1830 года.

Въ 1830 году, Патріотическое общество, видя рѣшительныя дѣйствія Императора Николая со времени 14 Декабря, требовало немедленнаго приступленія къ дѣлу: Въ слѣдствіе того образовались два новыя тайныя общества: одно военное, другое гражданское, цѣлію коихъ было возбужденіе къ скорѣйшему возстанію. Потому и опредѣлили: что сорокъ рѣшительныхъ и вооруженныхъ юношей въ плащахъ, явившись по одиночкѣ на Саксонскую площадь до развода, должны были скрыться въ толпѣ народа до прибытія цесаревича, котораго имъ надлежало тотчасъ убить. Это должно было служить сигналомъ для 50ти подпрапорщиковъ къ нападенію на Русскихъ генераловъ и взятію ихъ въ плѣнъ. Войска, собранныя для развода на площади, должны были, провозгласивъ независимость Польши, немедленно устремиться въ казармы, занимаемыя русскими войсками и обезоружить ихъ. Для того, чтобы поддержать это движеніе было назначено нѣсколько сотень учениковъ изъ военныхъ училищъ, много студентовъ и саперный баталіонъ, на коемъ основывалась главная надежда заговорщиковъ. По словамъ Салтыка, усердіе и преданность къ пользамъ Россіи Русской гвардейской дивизіи, силою въ 7000 человѣкъ, составленной изъ уроженцевъ Польско-Россійскихъ губерній, были весьма сомнительными.

8-е Октября было назначено днемъ возстанія въ Варшавѣ по той причинѣ, что 7-е и 8-е были днями, въ которыхъ Польскіе гвардейскіе гренадеры должны были содержать караулы. Порядокъ гарнизонной службы, заведенный цесаревичемъ, былъ

слѣдующій: эта обязанность должна была быть исполняема въ теченіи двухъ дней сряду Русскими, а въ теченіи двухъ слѣдующихъ дней — Поляками. Въ теченіи этаго времени было взято подъ стражу нѣсколько молодыхъ людей; цесаревичь сталъ, безъ всякаго намѣренія, измѣнять довольно часто порядокъ очередей по гарнизонной службѣ и рѣже присутствовать на разводахъ. Это побудило мятежниковъ отложить возстаніе до 29-го/17. Ноября. Въ это время заговорщики, не желая терять времени, послали въ разныя воеводства для возбужденія возстанія между гражданами и войсками, и для приведенія всего въ надлежащую готовность:[1]) Звіерковскаго, Салтыка и другихъ важнѣйшихъ членовъ тайнаго общества. Но въ половинѣ Ноября стали распространяться слѣдующіе слухи: будтобы Русское правительство высылаетъ въ Бельгію особую армію, которой приказано на походѣ обезоружить Польскую; Австрійцы будто бы выводятъ изъ Галиціи Польскія войска въ Венгрію и замѣняютъ ихъ тамъ Венгерскими, будто они свозятъ всѣ ружья и сабли Польской милиціи въ крѣпости Моравіи и наконецъ будто бы тридцатитысячный ландверъ, выведенный изъ Познаніи, размѣщенъ пруссаками по крѣпостямъ Силезіи, гдѣ ему предстоитъ нести гарнизонную службу.

И такъ 17/29. Ноября въ 7. часовъ вечера, покушеніе нѣсколькихъ польскихъ подпрапорщиковъ убить цесаревича въ Бельведерскомъ дворцѣ послужило сигналомъ ко всеобщему возстанію. Цесаревичь, едва спасшійся, выступилъ въ туже ночь съ Русскими и нѣкоторыми оставшимися вѣрными польскими войсками въ деревню Виржбу, по дорогѣ въ Гуры находящуюся въ 3-хъ верстахъ отъ заставы(здѣсь собралось до 8000 человѣкъ при 28-ми орудіяхъ).

Совѣтъ правительственный, установленный еще въ 1815 году, принялъ въ ту-же ночь бразды правленія; президентомъ его былъ графъ Соболевскій, членами — гр. Мостовскій, графъ Грабовскій, генералы Раутенштраухъ и Косецкій, графъ Фредро и князь Любецкій. Это было предпріятіе весьма отважное со стороны совѣта, обязаннаго своимъ значеніемъ той власти, противъ которой возбуждено было возстаніе. Члены совѣта, обнаружившіе тутъ ловкость и смѣлость, имѣли вѣроятно въ

---

[1]) Невольно спросимъ: что же дѣлала въ это время Варшавская тайная полиція, которая стоила правительству столь много денегъ?

виду удержать за собою преимущества, сопряженныя съ званіями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новыхъ членовъ изъ лицъ, наиболѣе популярныхъ: князя Адама Чарторыжскаго, князя Михаила Радзивила, Кохановскаго, генерала Паца, Нѣмцевича и генерала Хлопицкаго. Этотъ послѣдній предвидѣлъ гибельныя послѣдствія возстанія и, не желая стать во главѣ правленія, какъ того желали всѣ, скрывался въ продолженіи нѣкотораго времени въ городѣ и его окрестностяхъ. Совѣтъ, предписавъ образованіе національной гвардіи, назначилъ генерала Паца (съ оговоркой: до прибытія Хлопицкаго) начальникомъ польскихъ войскъ, коихъ число не превосходило въ то время 4500 человѣкъ, ибо нѣкоторые еще колебались приступить къ возстанію, другіе же послѣдовали за цесаревичемъ.

Нашимъ войскамъ, какъ видимъ, легко было, вступивъ на слѣдующій день обратно въ Варшаву, потушить возстаніе въ самомъ его зародышѣ. Предложеніе о томъ было отвергнуто лишь вслѣдствіе воспоминанія о событіяхъ 1794 года. Войска Игельштрема понесли тогда жестокое пораженіе, не по причинѣ пребыванія своего по-среди возмутившагося города, но потому, что онѣ, будучи разсѣяны въ немъ, и вовсе не готовы къ принятію боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь огромныя толпы войска и вооруженныхъ жителей. Ничего подобнаго немогло здѣсь случиться, — если бы войска наши рѣшились вступить въ городъ чрезъ Мокотовскую заставу, 18-го Ноября по утру, одною колонною. Независимо отъ нашего матеріальнаго превосходства въ силахъ, смѣлость и рѣшительность съ нашей стороны могли дать большіе результаты. — Если бы даже это предпріятіе и неудалось, то мы могли, очиствъ еще разъ городъ, вступить уже не чрезъ Мокотовскую заставу, а чрезъ Вислу въ Прагу, слѣдуя самымъ естественнымъ, прямымъ и удобнымъ путемъ сообщенія съ Россіею, что одно уже представляло огромныя выгоды. —

Хлопицкій, бывшій весьма честнымъ, но бѣднымъ человѣкомъ, удостоился чести командовать Французскими войсками во время Наполеона, который пожаловалъ ему титулъ барона Французской имперіи, и маіоратъ въ 6000 франковъ ежегоднаго дохода. Ермоловъ, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ въ 1821 году, сказалъ Государю: „я вполнѣ удивляюсь, какъ могли „выпустить въ отставку Хлопицкаго?“ На что Е. В. отвѣчалъ: „я вынужденъ былъ уволить его потому, что онъ позволялъ

„себѣ явно насмѣхаться надъ нѣкоторыми подробностями нашей „фронтовой службы". Въ самомъ началѣ возстанія Хлопицкій, явившись къ цесаревичу, вызывался занять гвардейскимъ полкомъ арсеналъ наполненный оружіемъ и недопускать мятежниковъ овладѣть имъ, но великій князь не рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ. Въ послѣдствіи императоръ Николай — имѣлъ одно время въ виду наказать его ссылкою, но когда ему объяснили, что мы обязаны Хлопицкому тѣмъ, что мятежъ не охватилъ всей Литвы, то онъ назначилъ ему пожизненный пенсіонъ.

19 Ноября Хлопицкій принялъ на себя, послѣ продолжительныхъ отговорокъ, званіе главнокомандующаго всѣми Польскими войсками. Возникшій между тѣмъ клубъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Лелевеля, пріобрѣлъ огромное вліяніе. Вынужденный уступить требованіямъ большинства, правительственный совѣтъ исключилъ изъ среды своей Соболевскаго, Грабовскаго, Раутенштрауха, Косецкаго и Фредро, почитавшихся слишкомъ умѣренными, и замѣнилъ ихъ Дембовскимъ, графомъ Островскимъ, графомъ Малаховскимъ и Лелевелемъ, который въ свою очередь уступилъ предсѣдательство въ клубѣ Брониковскому. Въ слѣдствіе объявленнаго цесаревичемъ желанія, видѣться съ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта для узнанія истинныхъ требованій Польши, кои онъ желалъ по возможности удовлетворить, присланы были въ Виржбу: князья Чарторыжскій и Любецкій, графъ Островскій и Лелевель; имъ было предписано требовать прежде всего возвращенія Царству конституціи, дарованной ему въ 1815 году и присоединенія къ нему западныхъ русскихъ губерній. Сверхъ того имъ было поручено вывѣдать, косвенными путями, объ истинныхъ намѣреніяхъ цесаревича, у котораго надлежало также исторгнуть рѣшительный отвѣтъ о назначеніи Литовскаго корпуса: предписано ли ему вступить въ царство польское или нѣтъ? Послѣ пяти-часовой конференціи цесаревичь, принявшій весьма благосклонно депутатовъ, вручилъ имъ слѣдующее письменное объявленіе.

1, Е. И. В. объявляетъ, что неимѣя намѣренія атаковать городъ войсками, находящимися подъ его начальствомъ, онъ въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій обязуется извѣстить о томъ правительство за 48-мь часовъ.

2, Е. И. В. принимаетъ на себя ходатайство у престола Е. В. императора и царя о милосердомъ забвеніи всего прошлаго.

3, Е. И. В. объявляетъ, что онъ не давалъ повелѣнія Литовскому корпусу вступить въ царство польское.

4, Плѣнные будутъ освобождены.

Чрезъ три дня Варшава представляла совершенно иной видъ. *Совѣтъ правленія* палъ и былъ замѣненъ *временнымъ правленіемъ;* членами коего были князь Чарторыжскій, Лелевель, Островскій, Кохановскій, Пацъ, Дембовскій и Нѣмцевичь. Сеймъ долженъ былъ быть собранъ къ 6-му Декабрю; полки Шембека и Скржинецкаго вступили въ городъ. Сверхъ того были посланы приказанія Гельгуду въ Радомъ и Круковецкому въ Раву о направленіи ввѣренныхъ имъ войскъ къ Варшавѣ, для того чтобы угрожать этимъ движеніемъ единственному пути отступленія цесаревича на Гуры и Пулаву. Это послѣднее обстоятельство побудило великаго князя, оставивъ лѣвый берегъ Вислы, направить свой путь къ границѣ Имперіи. Цесаревичь почелъ нужнымъ переслать во временное правленіе слѣдующее объявленіе:

„Дозволяю Польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ до сей „минуты вѣрными, присоединиться къ своимъ."

„Я выступаю съ Императорскими войсками и удаляюсь отъ „столицы. Я надѣюсь на великодушіе Польской націи, и увѣ„ренъ, что мои войска не будутъ, во время движенія ихъ къ „границамъ, тревожимы. Я ввѣряю покровительству націи „охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ."

По мнѣнію нѣкоторыхъ, цесаревичь послалъ приказаніе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Модлинъ, очистить эту крѣпость, которую поляки поспѣшили занять. Не опровергая этихъ слуховъ, я однако не могу поручиться за ихъ достовѣрность. Цесаревичь, успокоенный циркулярнымъ приказаніемъ Хлопицкаго, запрещавшаго полякамъ тревожить наши войска во время ихъ движенія къ границамъ Имперіи, выступилъ изъ Виржбы на Гуры.

Между тѣмъ Хлопицкій убѣдилъ, 23-го Ноября (5 Декабря) временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено Сеймомъ 8-го Декабря на слѣдующихъ основаніяхъ: *Диктаторъ, Надзирательная коммисія,* избираемая изъ членовъ Сейма и имѣвшая право, по своему усмотрѣнію, лишать Диктатора власти, и министры, отвѣтственные предъ Сеймомъ. Хлопицкій умѣлъ уладить дѣло такимъ образомъ, что Надзирательная Коммисія находилась вполнѣ подъ его влія-

ніемъ, ибо значительнѣйшіе члены ея были имъ включены въ какую то національную Коммисію, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкій, вступивъ въ свои права, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и графа Езерскаго съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о прекращеніи имъ безначалія и всеподданнѣйшею просьбою возвратить царству конституцію 1815 года, и даровать подобную же Польско-Россійскимъ губерніямъ. Хлопицкій выразилъ при этомъ собственныя чувства преданности, питаемыя имъ къ особѣ Его Величества. Отправивъ эту депутацію въ Петербургъ, онъ строго запретилъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни, лицамъ, вызвавшимся, подобно графу Роману Салтыку, истребить войска цесаревича, смѣть предпринимать что нибудь противу нашихъ войскъ. Приказавъ закрыть всѣ клубы, возникшіе въ Варшавѣ, онъ сталъ строго наблюдать за тайными обществами и сходками всякаго рода. Онъ говорилъ явно всѣмъ, что дѣйствуя лишь какъ вѣрноподданный короля своего (Императора Николая), онъ продолжаетъ совершать акты именемъ Е. И. В.; замѣчательно то, что во время Диктаторства Хлопицкаго, имя нашего государя не переставало раздаваться въ храмахъ во время Богослуженія. Онъ послалъ адъютанта своего графа Замойскаго къ командиру Литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ надеждѣ умиротворить край безъ пролитія крови, онъ требуетъ, чтобы не было предпринято со стороны Розена какихъ либо военныхъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ Розенъ долженъ будетъ отвѣчать самому Государю за пролитіе единой капли крови до полученія высочайшаго на то повелѣнія. Не взирая на предложеніе, сдѣланное ему княземъ Любецкимъ до отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, о распространеніи возстанія въ Польско-Россійскихъ губерніяхъ, и мнѣній Салтыка и Кицкаго, вызывавшихся привести это въ исполненіе, Хлопицкій, не согласившись съ ними, объявилъ даже прибывшимъ депутатамъ Волыни, Литвы и Подоліи, что у него нѣтъ ни одного патрона къ ихъ услугамъ. Очевидно было, что диктаторъ, ожидавшій со стороны Россіи единства въ усиліяхъ, и ненадѣявшійся на счастливый исходъ возстанія, думалъ спасти свое отечество, не прибѣгая къ оружію и стараясь, до полнаго подчиненія Польши Россіею, привести ее предварительно въ совершенную отъ себя зависимость. Поляки, понимая по своему характеръ Хлопицкаго, не могли допустить, чтобы

этотъ человѣкъ былъ бы способенъ заглушить въ себѣ голосъ честолюбія и мщенія, послѣ продолжительнаго и оскорбительнаго къ нему невниманія цесаревича и ряда личныхъ неудовольствій, испытанныхъ имъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; большинство, мечтавшее лишь о войнѣ, возлагало всѣ свои надежды на одного Хлопицкаго. За недостаткомъ лучшихъ генераловъ, всѣ превозносили военныя дарованія Хлопицкаго, не имѣвшаго однако случая командовать большими массами войскъ. Какъ бы ни было, но въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Хлопицкій, неимѣя соперниковъ, былъ потому человѣкомъ необходимымъ, котораго поддерживали даже тѣ, противъ желанія коихъ онъ явно дѣйствовалъ. Однако благоразуміе требовало, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки лицамъ, управлявшимъ общественнымъ мнѣніемъ, безъ чего ему было невозможно достигнуть избранной цѣли. Занявшись устройствомъ арміи, онъ отправилъ двухъ *региментаржей* или главныхъ наборщиковъ и обучителей ополченія: одного, Салтыка, въ воеводства, лежащія на правомъ берегу Вислы, а другаго — Малаховскаго — въ воеводства лѣваго берега. Поручивъ князю Чарторыжскому вступить въ письменныя сношенія съ Австріей, онъ отправилъ Валевскаго — въ Парижъ, Вѣлопольскаго — въ Лондонъ, Мостовскаго въ Берлинъ. Всѣ мѣры, принимаемыя региментаржами, не только не встрѣчали одобренія и поощренія состороны диктатора, но онъ явно стремился затруднить приведеніе ихъ въ исполненіе. Наставленія дипломатическимъ агентамъ заключались лишь въ томъ, чтобы склонить дворы къ посредничеству между Польшей и Россіей, исходатайствованію у нашего государя возвращенія царству конституціи 1815-го года и дарованію подобныхъ же учрежденій польско-россійскимъ губерніямъ: въ этихъ наставленіяхъ не было упомянуто объ отторженіи этаго царства и польско-россійскихъ губерній отъ Россіи.

Между тѣмъ цесаревичь отступалъ благополучно на Гуры и Пулаву, но здѣсь одна польская артиллерійская рота, не извѣщенная еще о томъ, что Хлопицкій строго запретилъ безпокоить наши войска, приготовилась, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, преградить намъ переправу чрезъ Вислу. Но къ нашему благополучію повелѣніе Хлопицкаго пришло еще во время, и потому эта рота, двинувшись въ Варшаву, не помѣшала нашимъ вступить въ Пулаву. Это приказаніе было сообщено ротѣ генераломъ Вейсфлокомъ, квартировавшимъ съ однимъ изъ уланскихъ

полковъ своей бригады въ Люблинѣ. Цесаревичь, прибывъ въ Пулаву, посѣтилъ престарѣлую княгиню Чарторыжскую, мать князя Адама, которую цесаревичь терпѣть не могъ, и называлъ *бабой ягой.* — Цесаревичь, на котораго, какъ и на всѣхъ русскихъ явно сыпались вездѣ страшныя ругательства, не могъ незамѣтить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всѣхъ Пулавскихъ жителей были украшены національными кокардами; выступивъ изъ Пулавы, онъ двинулся на Куровъ, Маркушевъ и Каменку съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. Войска наши слѣдовали до самаго Любартова по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно-испортившимся въ слѣдствіе продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла въ томъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ польскими войсками, коихъ невозможно было опасаться: во 1-хъ въ слѣдствіе приказанія отданнаго Хлопицкимъ, и во 2-хъ по причинѣ значительнаго превосходства нашего корпуса надъ разбросанными, небольшими отрядами польскими. Цесаревичь хотѣлъ двинуться изъ Любартова, чрезъ Коцкъ, на Брестское шоссе около Біялы, но такъ какъ по слухамъ Біяла была уже занята войсками, присланными сюда изъ Варшавы для наблюденія за литовскимъ корпусомъ, сосредоточеннымъ между Брестомъ и Бѣлостокомъ, то цесаревичь предпочелъ, пробравшись вправо на Влодаву, вступить въ границы нашей имперіи, гдѣ и расположился въ окрестностяхъ Ружонъ и Слонима *позади* нашего Литовскаго корпуса. Въ этомъ быстромъ и вмѣстѣ чрезмѣрно-осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль цесаревича: избѣгать по возможности встрѣчи съ мятежными войсками. Онъ вѣроятно, не желая подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ, думалъ, что пока между нашими и Польскими войсками еще не воспослѣдовало кровавой встрѣчи, всегда было возможно приступить къ возобновленію мирныхъ переговоровъ, не унижая тѣмъ величія Россіи: еслибы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду недопускать большаго кровопролитія, что могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба сражавшіеся народа. Такова была, по видимому, мысль цесаревича, которой онъ остался вполнѣ вѣрнымъ во все продолженіе войны. Малѣйшая капля крови, пролитая войсками цесаревича въ битвѣ съ поляками, могла отдалить на самое неопредѣленное время умиротвореніе края; съ одной стороны исчезла бы на-

всегда возможность выйти съ честію изъ дѣла, предпринятаго весьма легкомысленно; — съ другой-великодушное забвеніе о прошломъ становилось невозможнымъ, и надлежало прибѣгнуть къ силѣ оружія. Вообще всѣ дѣйствія цесаревича въ эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненныхъ, никогда ему ни въ чемъ не сочувствовавшее, явно обвиняло его въ измѣнѣ. Хотя я глубоко убѣжденъ, что русскій великій князь немогъ забыть обязанностей своихъ, но я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что поведеніе цесаревича, къ личнымъ качествамъ коего никогда не питали большаго уваженія, подало поводъ къ нареканіямъ страшнымъ и неотразимымъ. Этотъ своенравный, дерзкій, но далеко не мужественный человѣкъ, не привыкшій съ самаго дѣтства своего обуздывать порывовъ своего крутаго и своевольнаго характера, требовавшій отъ всѣхъ лишь безусловнаго исполненія малѣйшихъ своихъ прихотей, былъ вынужденъ терпѣливо выслушивать надменныя и дерзкія требованія лицъ, незадолго передъ тѣмъ распростертыхъ у ногъ его. Онъ дѣлалъ, вѣроятно, все это, имѣя въ виду пользу Россіи: такъ по крайней мѣрѣ полагаю я, но не не такъ думали поляки. И подлинно: уваженіе, оказываемое цесаревичемъ варшавскому правительству во время оффиціальныхъ съ нимъ сношеній, по-истинѣ непостижимо! Онъ, казалось, охотно признавалъ законность этаго правительства, и тѣмъ будто поощрялъ европейскіе дворы къ признанію независимости Польши. Цесаревичь, постоянно взыскательный и мало-привѣтливый съ своими подчиненными, совершенно измѣнился теперь въ этомъ отношеніи къ полякамъ, благосклонно выслушивая ихъ предложенія, иногда оскорбительныя для русскаго воинства. На вопросъ, сдѣланный ему начальниками оставшихся вѣрными польскихъ войскъ „куда Е. И. В. прикажетъ имъ идти?“, цесаревичь, братъ русскаго Императора, отвѣчалъ: „повинуйтесь уже „не мнѣ, а вашему новому правительству!“

Войска Польскія, не умѣя объяснить себѣ поведенія цесаревича, которое они приписывали не желанію рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ, но лишь чувству робости, потеряли къ нему всякое уваженіе, а съ утратой уваженія исчезло и всякое къ нему повиновеніе.

Меня увѣряли очевидцы, какъ Поляки такъ и Русскіе, проживавшіе въ то время въ Варшавѣ, что послѣ выступленія нашихъ войскъ въ Виржбу 17-го Ноября можно было потушить

народное волненіе въ самомъ городѣ, на другой день утромъ съ шестью баталіонами, къ вечеру того же дня десятью, но на третій день и двадцати тысячъ человѣкъ было бы уже недостаточно, тѣмъ болѣе, что въ городъ уже вступили нѣсколько польскихъ полковъ, собралось изъ окрестностей много шляхтичей и тогда уже характеръ возстанія ясно обозначился. Это было весьма правдоподобно, ибо, какъ мы выше видѣли, Варшава заключала въ себѣ еще 18-го числа утромъ не болѣе 4500 человѣкъ войска. Поляки утверждали, что оффиціальный характеръ сношеній цесаревича съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, а изъявленное его высочествомъ полное согласіе на статьи, поднесенныя ему этимъ правительствомъ, равносильно торжественному признанію независимости царства Польскаго. Они еще болѣе выводили подобное заключеніе изъ слѣдующаго: извѣстно, что цесаревичь приказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ, въ числѣ коихъ находились командиръ полка Скржинецкій и Гельгудъ, командовавшій одной пѣхотной бригадой, повиноваться уже не ему, а народному правленію; это приказаніе было вѣроятно дано Е. И. В. изъ опасенія измѣны сихъ полковъ и собственнаго плѣна. Какъ бы то ни было, но эти полки превзошли напротивъ всѣ прочіе въ ненависти къ русскимъ и въ стараніи раздуть по возможности пламя возстанія. Предоставляю моимъ читателямъ выводить изъ всего мною сказаннаго свои собственныя заключенія; что же касается лично до меня, то я, какъ исключительно — военный человѣкъ не могу надивиться слѣдующему обстоятельству: пренебреженію цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крѣпости, которыя онъ бы могъ удержать за собой до прибытія нашихъ главныхъ силъ. Въ Модлинѣ находился немногочисленный и неготовый къ оборонѣ гарнизонъ, коего часть, услыхавъ о возстаніи столицы, еще недоумѣвала на что рѣшиться, но большая его часть ничего еще о томъ не знала. Какъ много выиграли бы наши военныя дѣйствія въ самомъ началѣ войны, если бы наши главныя силы нашли эти крѣпости занятыми своими войсками. Да не подумаютъ, что войскамъ, оставленнымъ въ этихъ крѣпостяхъ, предстояла какая либо опасность со стороны противной арміи; Модлинъ былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Что касается до обороны крѣпости послѣ овладѣнія ею, то это не могло представлять намъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ поль-

ской арміи не было ни одного осаднаго орудія; еслибы она имѣла у себя нѣсколько осадныхъ парковъ, то и въ такомъ случаѣ она не рѣшилась бы отдалиться отъ Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытія нашей главной арміи. Диктатору пришлось бы потому ограничиться одной блокадой, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: осаждающіе, при первомъ извѣстіи о приближеніи нашей арміи, поспѣшили бы отступить къ Варшавѣ. Надобно присовокупить, что цесаревичъ, отступая на Гуры и Пулаву, могъ тѣмъ легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлинъ ему надлежало, оставивъ Пулаву, слѣдовать почти мимо прагскаго предмѣстія, откуда Поляки, собравшіеся въ Варшавѣ, могли атаковать его; это могло подать поводъ къ битвѣ, чего цесаревичъ тщательно и явно избѣгалъ. Во всякомъ случаѣ ему надлежало достигнуть поспѣшнѣе брестскаго шоссе и тогда бы Модлинъ могъ быть легко занятъ нашими войсками. Сношенія цесаревича съ народнымъ правленіемъ приняли бы совершенно иной характеръ. Удержавъ за собой Модлинъ, мы могли бы господствовать надъ обоими берегами Вислы, что значительно облегчило бы нашей главной арміи аттаку Варшавы, обнесенной лишь небольшимъ валомъ. Въ случаѣ, если бы мятежники рѣшились отдалиться отъ Праги, не имѣвшей еще предмостнаго укрѣпленія, мы моглибы дѣйствовать противъ нихъ съ фланга, съ тыла или на перерѣзъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ Поляки не замедлили бы изъявить полную покорность. Занятіе нашими войсками Замостья, не представляя для насъ тѣхъ же выгодъ, значительно способствовало бы успѣху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи отъ вторженія Поляковъ и исчезли бы выгоды, доставляемыя имъ этою крѣпостью, которая находится на прямѣйшемъ сообщеніи съ Галиціею, откуда Поляки въ теченіи войны получали за деньги порохъ, оружіе и съѣстные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы Галиційскіе, соединившись со многими бѣглецами изъ Волыни, Подоліи и Кіевской губерніи, отправлялись вдоль Австрійской Галиціи къ Завихвосту; перейдя здѣсь Вислу, они слѣдовали лѣвымъ ея берегомъ въ Варшаву. Обладаніе сею крѣпостью избавило бы насъ отъ необходимости ослабить нашу армію, которой во все время войны угрожали съ лѣваго фланга и почти съ тыла, сперва Дверницкій, потомъ Хржановскій, находившійся близъ

Замостья. Мы нашлись въ послѣдствіи вынужденными обезпечить свой лѣвый флангъ корпусами Крейца и Ридигера. — Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить, 19-го Ноября по утру, мы могли выступить изъ Виржбы, и слѣдуя быстро сквозь разсѣянные, малочисленные мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящаго отъ Варшавы въ 260 верстахъ, не болѣе какъ въ 8-мь дней. Если ореолъ власти, озарявшій цесаревича, померкъ уже въ самой Варшавѣ, то онъ былъ еще въ полномъ блескѣ въ отдаленныхъ краяхъ царства; внезапное прибытіе великаго князя съ войсками къ малосильному и ни о чемъ еще не извѣщенному гарнизону, привыкшему трепетать при одномъ словѣ Е. И. В, возымѣло бы на него сильное дѣйствіе, и безъ сомнѣнія ворота крѣпости тотчасъ бы растворились предъ нами. Мы во всякомъ случаѣ рисковали весьма немногимъ; еслибы намъ это предпріятіе неудалось, мы, подвергшись нѣсколькимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, и пройдя съ небольшимъ милю, могли вступить въ свои предѣлы, но уже не въ Влодавѣ, а въ Устилугѣ. Въ началѣ Декабря литовскій корпусъ, въ соединеніи съ войсками цесаревича и въ ожиданіи прибытія главной арміи, находился уже на нашей границѣ. Надобно отдать полную справедливость, что цесаревичь и его окружающіе совершенно растеряли головы.

Здѣсь является вопросъ: надлежало-ли ожидать прибытія главной арміи, или, немедленно-соединясь съ литовскимъ корпусомъ, что составило-бы 50,000 войска, тотчасъ атаковать 30,000 польскую армію, еще не приведенную въ надлежащій порядокъ. Если-бы офицеры и нижніе чины литовскаго корпуса были природные русскіе, то безъ сомнѣнія надлежало-бы воспользоваться превосходствомъ нашихъ силъ надъ непріятелемъ, коего силы, будучи разсѣяны, не-могли-бы выдержать нашихъ ударовъ. На литовскій корпусъ, сформированный большею частію изъ уроженцевъ западныхъ губерній, невозможно было полагаться въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ успѣхъ и неудача много зависѣли отъ перваго удара. Хотя отсрочка въ дѣйствіяхъ представляла много выгодъ Полякамъ, способствуя полному развитію ихъ средствъ, но при взаимной неготовности обѣихъ враждующихъ сторонъ, она дозволяла намъ одержать съ большею вѣроятностью рѣшительные успѣхи надъ непріятелемъ. Средства, коими могли располагать Поляки, возрасли бы безъ сомнѣнія въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ, но недалѣе; напротивъ средства

Россіи были можно сказать неистощимы. Основываясь на этомъ, было рѣшено съ нашей стороны отложить наступленіе до прибытія главной арміи.

Теперь возникаетъ другаго рода вопросъ: если литовскому корпусу и войскамъ, приведеннымъ цесаревичемъ, надлежало воздержаться до прибытія главныхъ нашихъ силъ отъ наступленія, слѣдовало ли полякамъ до этаго времени приблизиться къ мѣсту расположенія литовскаго корпуса. Хлопицкій воздержался отъ этого, не потому, чтобы польза этого движенія ускользнула отъ его проницательности, но потому лишь, что онъ ожидалъ спасенія Польши, не отъ битвъ, а отъ мирныхъ переговоровъ. Я только этимъ объясняю себѣ пренебреженіе его къ подобнаго рода дѣйствіямъ. Но неужели онъ надѣялся на успѣшный исходъ переговоровъ, начатыхъ Любецкимъ и Езерскимъ? Невольно вопрошаю себя: неужели надѣялся онъ, въ награду за обузданіе безначалія въ Варшавѣ и за несогласіе на распространеніе мятежа въ Польско-Россійскихъ губерніяхъ, что государь изъявитъ свое согласіе на предложенія, присланныя ему чрезъ депутатовъ? Пятилѣтнее царствованіе императора Николая должно было-бы открыть глаза Хлопицкому. Притомъ требованія его различествовали отъ требованій прочихъ Поляковъ лишь тѣмъ, что были облечены въ формы болѣе мягкія, тогда какъ требованія другихъ были объявлены надменно и съ оружіемъ въ рукахъ. Въ сущности требованія ихъ были однѣ и тѣже, а потому уступки со стороны государя ожидать было нельзя. Послѣ этого непростительно заблужденія Хлопицкаго, пренебрегшаго принять мѣры къ скорѣйшему приготовленію Польши для продолжительной борьбы на жизнь и смерть, и замедлявшему развитіе всѣхъ необходимыхъ для того средствъ, въ надеждѣ на заключеніе выгоднаго съ Россіею мира! Жребій былъ брошенъ, и потому Хлопицкому надобно было избрать одно изъ двухъ: либо не принимать на себя званія диктатора, и уклониться отъ участія въ возстаніи; либо принять это званіе съ явнымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу съ Россіею до полнаго изнеможенія силъ. Это было бы покрайней мѣрѣ вполнѣ согласнымъ съ логикой; первая система могла возбудить противъ него ненависть и негодованіе Поляковъ и подвергнуть его большой опасности; вторая же должна была навлечь на него полное неблаговоленіе государя. Но дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ, принявъ на себя званіе диктатора, дѣйствовать рѣшительно въ пользу

избравшихъ его, и невѣрить въ возможность возстановленія мира въ самомъ разгарѣ войны. Едвали самъ Хлопицкій, въ минуты, когда онъ неувлекался несбыточными фантазіями, не отчаявался въ успѣхѣ начатаго дѣла? И такъ если онъ рѣшился захватить диктаторскую власть у временнаго правительства, то долженъ былъ не замедлять и не затруднять развитія боевыхъ средствъ своего отечества, но напротивъ нещадить усилій для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго вооруженія и образованія наибольшаго количества войскъ, что нисколько не помѣшало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Тому могло значительно содѣйствовать движеніе польской арміи къ нашей границѣ; она этимъ могла усилиться въ слѣдствіе побѣговъ, которые немогли не оказаться въ корпусѣ, состоящемъ изъ ея соотечественниковъ. Такимъ образомъ силы польскія при самомъ началѣ возстанія могли, независимо отъ резервовъ и отъ поголовнаго ополченія, возрасти до 80,000 человѣкъ. Конечно, это предпріятіе могло не имѣть никакого успѣха, ибо въ теченіи войны литовскій корпусъ неизмѣнялъ Россіи, но при всемъ томъ духъ этаго корпуса былъ весьма ненадежнымъ. Если литовскій корпусъ остался вѣрнымъ, то это можетъ статься произошло лишь отъ того, что онъ вошелъ въ общій составъ нашей арміи; этого бы неслучилось, еслибы онъ оставался въ одиночествѣ, порознь отъ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что самъ Салтыкъ утверждаетъ, что третья часть офицеровъ принадлежала къ Варшавскому патріотическому обществу. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что Хлопицкому надлежало, двинувъ свою армію къ нашимъ границамъ, приказать немедленно своимъ офицерамъ и солдатамъ войти въ сношенія съ чинами литовскаго корпуса, который безъ всякаго сомнѣнія присоединился бы къ своимъ соотечественникамъ, Хлопицкій бы такимъ образомъ, появившись съ 80,000-ю арміею въ Бѣлостокѣ, возбудилъ противу насъ Литву, гдѣ онъ присоединилъ бы къ себѣ все мѣстное ополченіе. Примѣру Литвы послѣдовали бы Волынь и Подолія, обнаженныя отъ нашихъ войскъ. Если-бы оно и не удалось, онъ не подвергнулся бы ни малѣйшей опасности; мы въ то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него съ переду, тѣмъ болѣе что литовскому корпусу было строго воспрещено, до сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ на границѣ Польши, предпринимать малѣйшее наступательное движеніе. Вмѣсто всего этого, какой имѣла результатъ политика Хлопицкаго? Миръ не состоялся и

не могъ состояться, а когда надобно было прибѣгнуть къ оружію, то Поляки не располагали, для продолженія войны, тѣмъ количествомъ войскъ, какимъ они могли-бы обладать, если-бы присоединили къ себѣ литовскій корпусъ, и возбудили-бы къ возстанію Литву, Бѣлоруссію, Волынь и Подолію. Поляки были принуждены принять наши удары на свой щитъ, не будучи поддержаны жителями Польско-Россійскихъ губерній и имѣя уже противу себя литовскій корпусъ.

Мы пришли теперь къ любопытному событію: къ паденію Хлопицкаго; хотя диктаторство его продолжалось лишь около сорока дней, но оно имѣло рѣшительное вліяніе на весь характеръ военныхъ дѣйствій. Въ началѣ сорока-двухъ дневнаго владычества своего Хлопицкій былъ кумиромъ арміи и всего народонаселенія царства, но принятыя имъ строгія мѣры, явное его противудѣйствіе усиленію военныхъ силъ и стремленіе къ прекращенію возникшаго между Россіею и Польшей разрыва, не прибѣгая къ оружію, возстановили всѣхъ противъ него. Ненависть къ Хлопицкому, воскипѣвшая втайнѣ, сперва не смѣла еще нигдѣ явно обнаружиться, но вскорѣ накопившаяся гроза разразилась: коммисія, учрежденная для составленія манифеста, поднесла его на утвержденіе Надзирательной Коммисіи; хотя эта послѣдняя и утвердила проектъ манифеста, но Хлопицкій возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя показались ему слишкомъ рѣзкими и строго запретилъ обнародовать манифестъ. Не взирая на запрещеніе, манифестъ, не скрѣпленный подписью Хлопицкаго, былъ тайно отлитографированъ и разосланъ по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктаторомъ и патріотами, которые стали разглашать, будто онъ измѣнникъ, что побудило Хлопицкаго увеличить національную стражу для подавленія недовольныхъ, еслибы они вздумали явно возстать противъ него.

Къ этому времени, т. е. къ 3-му январю 1831 года прибылъ изъ С.-Петербурга посланный туда курьеромъ подполковникъ Величинскій, привезшій между прочимъ извѣстіе о движеніи нашей арміи къ границамъ царства и слѣдовательно о неизбѣжности войны. Онъ также привезъ отъ статсъ-секретаря польскихъ дѣлъ графа Грабовскаго оффиціяльное письмо на имя Хлопицкаго, коему было объявлено: высочайшее благоволеніе за изъявленныя имъ вѣрно-подданническія чувства и настоятельное требованіе о буквальномъ исполненіи всѣхъ статей прокламаціи, об-

народованной государемъ 6-го Декабря. Диктаторъ, поспѣшно собравъ всѣхъ членовъ національной коммисіи, передалъ полученныя бумаги на ихъ обсужденіе. По мнѣнію меньшинства надобно было продолжать начатые нереговоры, и, пользуясь тѣмъ, вознаградить потерянное время поспѣшнымъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ силъ до открытія военныхъ дѣйствій; большинство же требовало, чтобы немедленно аттаковали литовскій корпусъ до прибытія русской арміи. Хлопицкій приказалъ созвать Сеймъ къ 7-му Январю; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тѣмъ, рѣшились нанести ему окончательный ударъ. Тотчасъ послѣ удаленія членовъ національной коммисіи явились къ Хлопицкому члены надзирательной коммисіи подъ предводительствомъ президента сената и маршала сейма. Хлопицкій, хладнокровно изложивъ имъ весь ходъ дѣлъ, указалъ имъ на необходимость единства въ усиліяхъ, которое не могло имѣть мѣста при великомъ разпогласіи во мнѣніяхъ. Представивъ имъ несоразмѣрность матеріяльныхъ средствъ Польши относительно силъ, коими могла располагать Россія, онъ предложилъ принять безусловно всѣ статьи, изложенныя въ вышесказанной прокламаціи. Это возбудило всеобщее негодованіе всѣхъ членовъ, которые осыпали упреками Хлопицкаго, и на слова его, что онъ дѣйствуетъ лишь „именемъ царя Николая:“ объявили ему, что онъ уже болѣе не диктаторъ. Въ отвѣтъ на это Хлопицкій закричалъ въ изступленіи: „Я самъ „слагаю съ себя диктаторство и упрекаю всѣхъ васъ въ яко„бинствѣ, въ возбужденіи народа и войска къ безначалію, и чрезъ „это въ вовлеченіи отечества въ неминуемую гибель.“ Когда умы нѣсколько успокоились, князь Чарторыжскій сдѣлалъ Хлопицкому слѣдующее предложеніе, облеченное въ весьма ласковыя формы: „мы надѣемся, генералъ, что вы по крайней мѣрѣ не „откажетесь принять на себя командованіе арміей. „— Ни за что, „гнѣвно закричалъ Хлопицкій, будь я шельма, если я приму „какое либо начальство, но какъ вѣрный сынъ отечества, я го„товъ жертвовать жизнью на полѣ бранн.“ Тѣмъ заключилось диктаторство Хлопицкаго, въ прежніе годы доказавшаго любовь свою къ отечеству своею сорокалѣтнею боевою службою и ранами, полученными на поляхъ чести. На концѣ своего поприща Хлопицкій, будучи временнымъ главою Польши, причинилъ дѣлу, ему ввѣренному, едвали не болѣе зла, чѣмъ самый коренной россіянинъ которому было бы поручено потушить возникшій

противъ Россіи мятежъ. Онъ принесъ за то нашему дѣлу едвали не большую пользу, чѣмъ самъ Дибичъ во все время своего начальствованія арміею. Это-фактъ неопровержимый. Лишенный диктаторской власти, онъ ходилъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и въ круглой шляпѣ, смѣло и бодро. Всѣ смотрѣли съ уваженіемъ на сѣдины маститаго воина, не разъ отличавшагося подвигами мужества; почитая себя правымъ, онъ вполнѣ заблуждался; умственныя способности его далеко не соотвѣтствовали его мужеству.

Послѣ его паденія поступили, въ отлично-обученную 30,000 армію, рядовые получившіе отставки лишь за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и множество волонтеровъ, что возвысило числительность арміи до 80,000 человѣкъ, кромѣ того образовалась 9,000-ая резервная армія; многіе магнаты и помѣщики, въ числѣ коихъ находились въ окрестностяхъ Остроленки — Хородецкій; Седлеца — Кучинскій и Кушель; Ломзы — Уланъ; Люблина — Яросовскій, Варшавы — Замойскій, возбуждая крестьянъ своихъ къ возстанію, устраивали на свое иждивеніе эскадроны, баталіоны, отряды, исключительно предназначенные для партизанскаго рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило въ теченіи десяти дней 5,000 вооруженныхъ всадниковъ, Варшава — полкъ пѣхоты и полкъ кавалеріи и такъ далѣе. Молодежь Познани и Галиціи, оставивъ дома родителей, университеты и ремесла, спѣшила въ Варшаву. Въ теченіи 15-ти-лѣтняго владычества Россіи арсеналы были снабжены оружіемъ, изготовленнымъ на россійскихъ оружейныхъ заводахъ; народное правленіе приказало спѣшить выдѣлкой оружія на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца; повелѣно возвести Прагское предмостное укрѣпленіе, усилить оборону Модлина и Замостья, и окружить Варшаву внѣшними укрѣпленіями. Пороховой заводъ въ Краковѣ былъ увеличенъ; новый устроенъ былъ въ Маримонтѣ. Магнаты, шляхетство и духовенство взнесли стодвадцать милліоновъ рублей, наконецъ новое правительство стало возбуждать нравственныя силы Поляковъ разными выдуманными обнародованіями о помощи Франціи и Англіи и о скоромъ прибытіи союзныхъ армій на театръ военныхъ дѣйствій. — Поляки вѣрили всему этому; первая забота Сейма, открывшагося 7-го Января, состояла въ томъ, чтобы избрать главнокомандующаго. Недостатокъ въ способныхъ генералахъ былъ столь великъ,

что Сеймъ внесъ въ число кандидатовъ нѣсколько молодыхъ штабъ-офицеровъ. Генералъ Вейссенгофъ былъ человѣкъ лишенный опытности и дарованія; — полковникъ Шембекъ, пользовавшійся покровительствомъ народнаго клуба, былъ человѣкъ умный, но не могущій распоряжаться большими массами войскъ; генералъ Круковецкій дерзкій, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный, когда того требовали обстоятельства, желалъ превозгласить себя диктаторомъ, но онъ былъ неспособенъ ни къ военному, ни къ гражданскому дѣлу. Генералъ Пацъ [1]) также любимый народнымъ клубомъ, человѣкъ красивой наружности, отличался ограниченнымъ умомъ, нерѣшительностью и весьма небольшими свѣденіями. Въ числѣ кандидатовъ находились князь Михаилъ Радзивиллъ и Скржинецкій; князь Радзивиллъ былъ избранъ восемью голосами главнокомандующимъ; онъ при избраніи своемъ объявилъ, что готовъ передать власть и званіе тому изъ генераловъ, который въ теченіи войны окажется достойнѣйшимъ; наибольшее число голосовъ, послѣ него, получилъ Пацъ. Выборъ Радзивилла., бывшаго уже полковникомъ въ 1808 году во время осады Данцига, и съ того времени не слыхавшаго боеваго выстрѣла, удивилъ многихъ, но онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: Радзивиллъ былъ роднымъ братомъ князя Антонія Радзивилла, женатаго на принцессѣ Луизѣ Прусской, двоюродной теткѣ короля Прусскаго, и бывшаго въ то время намѣстникомъ Познанскимъ. Хлопицкій, еще до избранія Радзивилла, сказалъ членамъ Сейма, что безъ сомнѣнія князь Антоній, по дружбѣ своей къ брату своему, не откажется помогать ему. И такъ избраніемъ Радзивилла члены Сейма думали, сдѣлавъ угодное королю Прусскому, привлечь къ себѣ если не Пруссію, то по крайней мѣрѣ намѣстника Познанскаго.

Въ 1807 году мы видѣли князя Антонія Радзивилла въ нашей главной квартирѣ; онъ былъ тогда преданъ дѣлу, за которое стояли Пруссія и Россія противъ Наполеона, у коего, въ корпусѣ польскихъ войскъ, служилъ въ то время братъ его князь Михаилъ, о коемъ шла здѣсь рѣчь.

---

[1]) У Паца былъ богатый домъ въ Вильнѣ, на которомъ была сдѣлана слѣдующая надпись: Палацо верта (достоинъ) Пацо. Пацъ верта палацо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ПОЛЬСКОЙ ВОЙНѢ 1831 года.

Мы часто и понынѣ слышимъ порицанія Россіи за долговременную борьбу ея съ Польшею, обладающею средствами, столь много уступающими средствамъ Россіи. И подлинно, нельзя не удивляться, какъ, немедленно по возстаніи Польши, 54-хъ милліонному народонаселенію не покорить было четырехъ-милліонное народонаселеніе, или арміи, состоящей почти изъ милліона воиновъ, не побѣдить армію, едва состоявшую изъ тридцати тысячь человѣкъ. Задачу сію рѣшаютъ *разстояніе* и *время*. При внимательномъ и чуждомъ пристрастія разсмотрѣніи, мы видимъ, что царство Польское, заключенное въ тѣсныхъ предѣлахъ, имѣло всѣ военныя средства свои подъ рукою, слѣдовательно было готово къ военнымъ дѣйствіямъ вскорѣ по выступленіи войскъ нашихъ изъ царства; тогда какъ Россія, обладая несравненно большими способами, занимаетъ пространство несравненно обширнѣйшее, по коему способы эти разсѣяны. Нѣсколькихъ недѣль достаточно было для польскаго народнаго правленія, чтобы сплавить въ единый слитокъ всѣ свои силы, или по крайней мѣрѣ большую часть ихъ; Россія же нуждалась по крайней мѣрѣ въ двухъ-мѣсячномъ срокѣ, чтобы сосредоточить на границахъ царства небольшую часть своихъ военныхъ силъ и всѣ необходимыя для веденія войны принадлежности. Словомъ, говоря языкомъ военнымъ, въ продолженіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ, это царство въ отношеніи къ Россіи могло уподобиться сильной колоннѣ войскъ, готовой ударить на средину арміи въ двадцать разъ сильнѣйшей, но чрезмѣрно растянутой, слѣдовательно не представляю-

щей достаточной силы для отпора непріятеля, могущаго избрать одну лишь точку для натиска. И дѣйствительно, этотъ неожиданный мятежъ засталъ армію нашу, частію едва возвратившуюся въ Россію послѣ двухъ — лѣтняго гибельнаго пребыванія своего въ краю, изобилующемъ всѣми родами болѣзней, не выносимыхъ сѣверными жителями, гдѣ они погибали тысячами отъ чумной заразы. [1]) Тѣ войска, которыя изъ Турціи пришли уже на мѣста свои, заняты были необходимымъ устройствомъ всѣхъ частей, разстроенныхъ продолжительнымъ и изнурительнымъ походомъ, укомплектованіемъ себя рекрутами, ремонтами молодыхъ лошадей и вообще всѣми необходимыми потребностями. Сверхъ того разстояніе отъ театра дѣйствій, какъ этихъ войскъ, такъ и тѣхъ, кои не участвовали въ турецкой войнѣ, было чрезмѣрно велико. Нѣкоторые полки получили повелѣніе выступить въ походъ изъ окрестностей Петербурга, Москвы, Орла, Харькова, Херсона и даже въ самый развалъ зимы, всегда неблагопріятной и затрудняющей перемѣщеніе всякаго рода войскъ, особенно артиллеріи и тяжестей. Вотъ причина двухъ-мѣсячной отсрочки въ потушеніи мятежа польскаго. Мы далѣе увидимъ, что не отъ недостатка ревности и врожденной неустрашимости нашихъ войскъ, какъ то старались разглашать по Европѣ враги Россіи, не отъ недостатка въ съѣстныхъ подвозахъ или въ боевыхъ предметахъ и въ прочихъ потребностяхъ, необходимыхъ для военнаго дѣйствія, коихъ было весьма достаточно и даже изобильно, продолжалась борьба эта семь мѣсяцевъ . . . . .

Съ прискорбіемъ долженъ я сказать здѣсь, что единственнымъ виновникомъ продолженія войны былъ самъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, главнокомандующій нашею арміею. Клеймо проклятія горитъ на его памяти въ душѣ каждаго Русскаго, кто бы онъ ни былъ, — другъ-ли его или человѣкъ, имъ облагодѣтельствованный, если только честь и польза отечества дороже для него всѣхъ частныхъ связей и отношеній.

Дибичъ былъ для меня человѣкомъ рѣшительно чуждымъ, къ которому я никогда не питалъ особеннаго сочувствія, но я долженъ

[1]) Смертность въ нашихъ войскахъ во время пребыванія ихъ въ Турціи была такъ велика, что многіе полки, будучи два раза укомплектованы, состояли лишь изъ 70 рядовыхъ, считая въ томъ числѣ и музыкантовъ. Главная армія, съ которою Дибичъ намѣревался двинуться на Константинополь, заключала въ себѣ лишь 10,000 человѣкъ.

сказать, что онъ не былъ человѣкомъ злымъ и безусловно вреднымъ. Не взирая на чрезмѣрную запальчивость своего характера, онъ былъ одаренъ добрымъ сердцемъ и нѣкоторымъ военнымъ благородствомъ, весьма помутившимся на поверхности отъ долговременнаго пребыванія при дворѣ, но въ глубинѣ еще яснымъ и чистымъ. Вотъ почему я, скрѣпя сердце, о немъ упоминаю, — и будь *онъ, — онъ одинъ* жертвою своихъ проступковъ, я конечно умолчалъ-бы о человѣкѣ, обладавшемъ нѣкоторыми блистательными качествами; но проступки его отразились на дѣвственной чести и славѣ невиннаго въ нихъ россійскаго воинства, и тутъ уже въ душѣ моей никому нѣтъ пощады. Да, — Дибичъ есть единственный оскорбитель гордости народа русскаго, единственный оскорбитель чести, славы и оружія богатырской нашей арміи: недовершеніемъ побѣды подъ Гроховымъ, нелѣпостію послѣдующихъ предначертаній и дѣйствіями ощупью во всѣхъ предпріятіяхъ, потерей духа и разума во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, а главное-принятіемъ на себя въ столь важную эпоху обязанности выше силъ, онъ во всемъ этомъ не только виновенъ, но даже великій преступникъ.

Я зналъ Дибича съ офицерскаго чина. Служа въ кавалергардскомъ, а онъ въ семеновскомъ полку, мы въ однихъ чинахъ стаивали вмѣстѣ во внутреннихъ караулахъ и потому часто находились неразлучно, по цѣлымъ суткамъ, съ глазу на глазъ. Потомъ мы были оба подполковниками въ отечественную войну 1812 года, и когда, три года послѣ, онъ возведенъ былъ на степень начальника главнаго штаба 1-й арміи, я былъ въ той же арміи начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса; что доставило мнѣ случай имѣть съ нимъ непосредственныя и довольно частыя сношенія по службѣ; наконецъ онъ вознесся еще выше и я уже потерялъ его изъ виду. Я помню, что въ кавалергардской залѣ у камина, онъ неоднократно разсказывалъ мнѣ, какъ за два года предъ тѣмъ онъ былъ привезенъ изъ Берлинскаго кадетскаго корпуса въ Петербургъ совершеннымъ неучемъ, и какъ онъ самъ собою получилъ кое о чемъ весьма поверхностныя свѣдѣнія относительно военной науки. Онъ жаловался на бѣдность своего состоянія, непозволявшаго ему нанимать учителей и покупать военныя книги, которыя всѣ почти были съ планами и картами, и потому стоили не дешево. Я былъ въ томъ же положеніи, слѣдовательно мы другъ друга понимали, и, вмѣстѣ горюя, прихлебывали у камина жиденькій

кофе; другими напитками мы еще не занимались. Въ то время жилъ въ Петербургѣ нѣкто Торри, маіоръ генеральнаго штаба, хвастунъ, пустословъ и человѣкъ весьма ограниченныхъ свѣдeній, но пользовавшійся репутаціею ученаго по своей части, потому что часть эта была въ то время скудна въ знающихъ ремесло свое чиновникахъ, Торри разсказывалъ всѣмъ и каждому о службѣ своей при маршалѣ Бертье, въ главномъ штабѣ Бонапарта; этого было довольно чтобы считать его едвали не четверть — Бонапартомъ, относительно свѣдѣній и дарованій.

Не помню при какихъ обстоятельствахъ, Дибичъ и я, скопивъ небольшой капиталъ, стали брать каждый на своей квартирѣ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ уроки у Торри; собираясь во время карауловъ, мы другъ другу отдавали взаимно отчетъ въ оказанныхъ успѣхахъ. Въ то же время и у того же Торри, брали уроки графъ Михаилъ Воронцовъ, служившій тогда поручикомъ въ преображенскомъ полку и князь Михаилъ Голицынъ, служившій въ семеновскомъ полку и убитый въ 1807 году подъ Ландсбергомъ.

Вскорѣ наступили Наполеоновскія войны; раскрылась другаго рода книга и *другаго рода Торри явился съ суровой ферулой наставника.* Въ 1805 году подъ Аустерлицомъ Дибичъ сражался подобно всѣмъ своимъ товарищамъ семеновскаго полка и запечатлѣлъ кровью благородный порывъ своей храбрости. Въ 1807 году, по прибытіи гвардіи на театръ военныхъ дѣйствій въ Восточную Пруссію, — Дибичъ изъ семеновскаго полка былъ приписанъ на время кампаніи къ генеральному штабу гвардіи. Я полагаю, что въ теченіи трехмѣсячнаго похода, онъ пріобрѣлъ нѣсколько практическаго навыка по этой части: что же касается до теоретическихъ свѣденій въ военной наукѣ, то онъ послѣ Торри ни у кого уже не учился. Были слухи, что онъ бралъ уроки и у генерала Фуля; если это правда, то въ этомъ случаѣ можно выворотить на изнанку русскую пословицу и сказать: *неученье свѣтъ, а ученье тьма;* но я этому не вѣрю. Вотъ все, что я знаю и врядъ ли кто болѣе меня знаетъ относительно источниковъ его познаній.

Дибичъ былъ человѣкъ умный, это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была-бы по плечу какая нибудь *войнишка,* съ какимъ нибудь *Гессенскимъ курфирстомъ,* но врядъ ли онъ могъ бы управиться даже съ королемъ

Саксонскимъ; въ этомъ намъ порукою Кулевча.[1]) И эта битва превзошла дарованія Дибича; приведя на память Кулевчинское сраженіе, можно судить, что случилось бы, еслибъ Турки вздумали умно защищать Балканы и Румелію? Словомъ, я полагаю, что помочи были необходимы для Дибича, и что званіе корпуснаго командира или начальника главнаго штаба у рѣшительнаго, твердаго и знающаго свое дѣло главнокомандующаго — очеркъ Попилія, чрезъ который никогда бы не слѣдовало ему переступать. Его двинули за этотъ очеркъ и спустили съ помочей, отъ ложнаго заключенія, что тотъ, кто оказалъ дарованія въ званіи оберъ- и генералъ-квартирмейстера, или начальника главнаго штаба арміи, неминуемо долженъ обладать всѣми качествами, необходимыми для главнокомандующаго. Безспорно, что нѣтъ правилъ безъ исключенія, но отличное исполненіе обязанностей въ этихъ званіяхъ не есть достаточное мѣрило дарованій и достоинствъ человѣка, опредѣленнаго быть главою и душею арміи. Предлагать начальнику отважныя предпріятія и при неудачахъ отстраняться отъ отвѣтственности, оставляя ему все бремя, — а при успѣхѣ раздѣлять съ нимъ славу предпріятія, — не то, что самому рѣшаться на предпріятія, всегда болѣе или менѣе гадательныя и принимать на себя отвѣтственность предъ властями и общественнымъ мнѣніемъ за малѣйшую неудачу. Для послѣдняго необходимы рѣшительность и сила воли, которыя суть основныя стихіи нравственнаго состава истиннаго полководца; въ этихъ-то стихіяхъ нуждалась и нуждается большая часть военачальниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Вотъ отъ чего великіе полководцы столь рѣдки и вотъ отъ чего мантія полководца была не по росту Дибичу.

---

[1]) Дибичъ, отличавшійся всегда замѣчательною храбростью, находился во весь день сраженія при Кулевчѣ въ шести верстахъ отъ поля битвы, съ зрительною трубой въ рукахъ; онъ при этомъ сказалъ: „такъ какъ Толь составилъ планъ сраженія, то пусть онъ самъ и распоряжается въ немъ.“ Это сраженіе было выиграно, какъ извѣстно, самымъ непонятнымъ и чудеснымъ образомъ лишь благодаря паническому страху, распространившемуся въ турецкой арміи въ слѣдствіе взрыва нѣсколькихъ зарядныхъ ящиковъ. Графъ Толь, а еще менѣе Дибичъ, не виновны въ одержаніи этой побѣды, имѣвшей огромные результаты; позиція, избранная для нашей арміи, была крайне пересѣчена и невыгодна для принятія боя. Арнольди прискакалъ съ своими орудіями уже по отбитіи главныхъ атакъ Турокъ, которые послѣ нѣсколькихъ блистательныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, обратились въ рѣшительное бѣгство.

Говоря о Дибичѣ, дабы не навлечь на себя упрекъ въ пристрастіи, я не умолчу о благородномъ поведеніи его въ Грузіи, куда онъ былъ присланъ по высочайшему повелѣнію, для произведенія слѣдствія надъ главнымъ начальникомъ края, котораго ему велѣно было смѣнить. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ, по наущенію Карганова, прозваннаго Ермоловымъ за вполнѣ предосудительное его поведеніе Ванькой-Каиномъ, подалъ на своего начальника доносъ, по полученіи котораго отправленъ былъ въ Тифлисъ баронъ Дибичъ, который послѣ произведеннаго слѣдствія убѣдился, что это есть лишь гнусный вымыселъ противъ человѣка, заслужившаго всеобщую любовь, преданность и уваженіе. Донося объ этомъ государю, равно и о томъ, что дѣла въ Грузіи въ наилучшемъ порядкѣ, Дибичъ простеръ свою смѣлость до того, что осмѣлился представить его величеству необходимость вызвать изъ Грузіи генерала Паскевича, который, по его мнѣнію, не въ состояніи былъ постичь нуждъ края. Во время пребыванія своего въ Тифлисѣ, онъ ежедневно видался съ Ермоловымъ, готовившимся выступить съ нимъ подъ Эривань. Къ нему осмѣлился явиться Каргановъ, вызываясь сдѣлать доносы на Ермолова, но Дибичъ, не подражая Паскевичу, прогналъ его отъ себя. Около этого времени прибылъ въ Грузію флигель-адъютантъ полковникъ Адлербергъ и вѣроятно съ тайнымъ порученіемъ наблюдать за самимъ Дибичемъ, котораго поведеніемъ въ Грузіи не совсѣмъ оставались довольными въ Петербургѣ. Вскорѣ новый фельдъегерь привезъ барону Дибичу подтвердительное повелѣніе о смѣнѣ Ермолова. Это привело Дибича въ величайшее смущеніе, и онъ невольно воскликнулъ:[1]) „они сами не понимаютъ, что дѣлаютъ.“ Передавая Ермолову высочайшее повелѣніе, онъ просилъ его не прощаться съ войсками, питавшими къ нему величайшую преданность и благоговѣніе. На вопросъ Дибича передать ему какую-либо просьбу, которую онъ обѣщалъ повергнуть къ стопамъ государя, Ермоловъ отвѣчалъ. „Я прошу лишь сохраненія правъ и преимуществъ чи-„новника 14 класса, что избавитъ меня по крайней мѣрѣ отъ тѣ-„леснаго наказанія.“ Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого событія, Дибичъ, чрезъ флигель-адъютанта князя Николая Андрее-

---

[1]) Я весьма много почерпнулъ изъ разсказовъ правителя дѣлъ барона Дибича, Ивана Зиновьевича Ваценко, кн. Ник. Андр. Долгорукова и почтеннаго Ивана Васильевича Сабанѣева.

вича Долгорукова, просилъ Ермолова предупредить его своимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, потому, что онъ не могъ ручаться, чтобы Паскевичъ не нанесъ ему какого либо оскорбленія. „Благодарите „барона,“ отвѣчалъ Ермоловъ, „за его обо мнѣ попеченія и заботы. „Это не можетъ случиться, ибо при малѣйшемъ покушеніи Пас„кевича оскорбить меня, я прикажу войскамъ связать его, что „будетъ тотчасъ исполнено, и тогда я буду просить барона „Ивана Ивановича успокоить государя, что начальство надъ „войсками приму не я, но кто нибудь изъ младшихъ по немъ „генераловъ.“ Дибичъ, возвращаясь въ Россію, встрѣтилъ на Кавказской линіи ѣхавшаго въ Пятигорскъ генерала Сабанѣева, которому онъ сказалъ: „Государь не знаетъ, кого онъ лишился; „я нашелъ край въ блистательномъ порядкѣ и войско, одуше„вленное духомъ екатерининскимъ и суворовскимъ; Паскевичу „будетъ легко пожинать лавры.“

Я достовѣрно знаю, что Дибичъ сомнѣвался въ успѣхѣ при отъѣздѣ своемъ въ Турцію, но ни турецкая армія, ни турецкій народъ не защищались, и удача увѣнчала походъ баловня фортуны.

Упоенный удачами своими въ Турціи, Дибичъ уже ѣхалъ въ Польшу въ полной увѣренности на побѣду при первомъ своемъ появленіи. Произошло однако то, чего должно было ожидать. Одержанные имъ успѣхи въ Турціи вознесли самонадѣянность его за предѣлы благоразумія, — а первый отпоръ въ Польшѣ и многосложность неблагопріятныхъ обстоятельствъ, вдругъ воспрянувшихъ, и имъ вовсе непредвидѣнныхъ, окончательно поколебали эту самонадѣянность и совершенно убили въ немъ присутствіе духа, безъ котораго даже сдачу въ вистъ разыграть затруднительно. Таковъ былъ Дибичъ! Долго успѣхи сопутствовали ему во всѣхъ предпріятіяхъ, но чѣмъ окончились всѣ усилія его къ достиженію сферы, несоотвѣтствовавшей его дарованіямъ? Получивъ начальство надъ арміею въ Польшѣ, что почиталось его совмѣстниками за верхъ благополучія, онъ возвысился надъ толпой на столько, на сколько веревка возвышаетъ висѣльника.

Дибичу Россія обязана семимѣсячной отсрочкой въ покореніи царства Польскаго, отсрочкою, въ глазахъ ея порицателей столь предосудительною для государства, употребившаго не болѣе времени, чтобы побѣдить самого Наполеона и его европейскую армаду; но повторяю, корень зла скрывался не въ русскомъ войскѣ, а въ личности самого Дибича.

При всемъ томъ, мнѣніе иностранцевъ не перестаетъ быть противнымъ чести русскаго оружія. Всѣ осуждаютъ армію нашу и частныхъ ея начальниковъ за недостатокъ энергіи и неумѣнье прекратить войну единымъ ударомъ; но легче осуждать, основываясь на слухахъ и на словахъ другихъ, чѣмъ до осужденія основательно изслѣдовать, въ какой степени мы заслуживаемъ порицанія. Спросите упорнѣйшихъ порицателей, до чего простиралось во время войны число войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ? Какія были предприняты движенія обѣими противодѣйствовавшими арміями? Къ удивленію вашему, они ничего не скажутъ, ибо ни о чемъ не знаютъ, — я же, въ качествѣ свидѣтеля и участника, могу сказать, что война эта носила на себѣ совершенно особенный отпечатокъ. Она достойна вниманія, не по недостатку въ войскахъ нашихъ мужества и энергіи, или дарованія въ частныхъ начальникахъ, а напротивъ отъ особеннаго положенія той и другой воюющихъ сторонъ. Усилія нашей арміи не ограничивались одной борьбой съ польскимъ войскомъ и возставшими въ тылу ихъ западными губерніями, но имъ надлежало, въ одно и то же время, *бороться и съ полководцемъ, начальству котораго они были ввѣрены.* Спрашиваю, какая армія въ мірѣ выдержала бы подобное испытаніе? Пораженная всѣмъ этимъ, она предавалась на побіеніе польскимъ войскамъ; но при всемъ томъ, если исключимъ частныя неудачи Гейсмара подъ Сточекомъ, Крейца подъ Казиницами и Розена на Брестскомъ шоссе, всѣ сраженія были выиграны русскими, не взирая на то, что числительная сила обѣихъ воюющихъ армій мало въ чемъ одна другой уступала до самаго взятія Варшавы и были эпохи, въ которыхъ превосходство войска было на сторонѣ непріятеля. Я говорю *какъ было,* а не такъ какъ печаталось въ польскихъ, французскихъ, англійскихъ газетахъ и разглашалось врагами Россіи.

Армія наша, движимая страстью къ военнымъ случайностямъ, столь свойственною каждому русскому, бодро выдержавъ всѣ трудности зимняго похода, явилась къ 20-му Января 1831 года на вызовъ своего противника. Въ сей день снѣжный горизонтъ восточной границы царства покрылся громадами войскъ нашихъ; холмы Нѣмана, Наревы и Буга закурились длинными рядами бивуаковъ и штыкъ русскій сверкнулъ предъ знакомымъ ему войскомъ польскимъ. Армія наша состояла изъ 1-го и 6 го (бывшаго литовскаго) пѣхотныхъ корпусовъ, гренадерскаго корпуса,

3-го и 5-го резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и гвардейскаго отряда, всего изъ 106 баталіоновъ пѣхоты, 135 эскадроновъ кавалеріи, 11 казачьихъ полковъ и 396 орудій артиллеріи.

Возстаніе въ Польшѣ было не всеобщее, а частное, ибо какія составныя части польской націи? Шляхетство, духовенство, средній и крестьянскій классы, изъ коихъ послѣдній превышаетъ по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ оба первые. Кто же увѣритъ меня-очевидца, что польскіе средній классъ и крестьяне, соединенно съ шляхетствомъ и духовенствомъ, возстали въ эту войну на Россію, для возстановленія самостоятельности ихъ отечества? Если же средній и крестьянскій классы были чужды возстанію, то неужели частное возстаніе высшихъ двухъ классовъ можно было почитать всеобщимъ и національнымъ?

Во всѣхъ единодушныхъ, всеобщихъ и національныхъ возстаніяхъ, всѣ безъ изъятія сословія *добровольно* вооружаются; такъ поступили Испанія и Россія, но не въ слѣдствіе угрозъ, или раззорительной пени, какъ то было въ Польшѣ. Здѣсь добровольно возстали только шляхетство, духовенство и войско, съ трудомъ возбужденное своими генералами и офицерами, принадлежащими къ шляхетству; хотя средній классъ и крестьяне умножили ополченіе рекрутами, но *не добровольно*, а бывъ отторжены отъ своихъ семействъ народнымъ правленіемъ и своими помѣщиками. Находясь въ рядахъ войскъ, они сражались храбро; это свойство славянскихъ народовъ, но отъ рекрутскаго набора скрывались въ лѣсахъ. Въ солдатскомъ же званіи, коль скоро представлялся имъ случай къ побѣгу, они въ самую благопріятную эпоху для польскаго оружія немедленно и съ радостію удалялись въ жилища свои. Они нетерпѣливо ожидали исхода войны, каковъ бы онъ ни былъ и при первомъ извѣстіи о взятіи Варшавы никакая власть не могла уже удержать ихъ въ рядахъ ополченій. Они, разсыпавшись шайками въ двѣсти, триста и пять сотъ человѣкъ, не причиняя ни малѣйшаго вреда никому изъ русскихъ, по одиночкѣ имъ на пути попадавшихся достигали своихъ пепелищъ и вновь обращались къ сельскимъ работамъ, какъ, будто никогда не мѣняли сохи на оружіе. Равнодушіе къ исходу борьбы, предпринятой съ нами шляхетствомъ и духовенствомъ, еще болѣе обнаружилось между домосѣдами. Они ни мало не измѣнились противъ того, чѣмъ были прежде войны. Вездѣ курьеры, малосильныя команды и наши отсталые могли свободно разъѣзжать. Какъ часто мнѣ случа-

лось (и кому изъ насъ этого не случалось?) одному нѣсколько разъ проѣзжать безопасно и по всѣмъ направленіямъ на почтовыхъ въ Польшѣ, иногда ночевать на почтахъ или въ селеніяхъ, иногда на большихъ дорогахъ въ полѣ посреди пахарей. Это ли свойство народной войны и общаго возстанія? Проѣзжая одинъ изъ главной квартиры, для принятія отряда, мнѣ ввѣреннаго и расположеннаго противъ Замостьской крѣпости, верстахъ въ десяти отъ Люблина, изломалась у меня почтовая бричка. Это случилось въ полѣ, далеко отъ селенія, слѣдовательно и отъ возможности перемѣнить повозку. Немедленно я послалъ почталіона моего со всею тройкою лошадей въ Люблинъ, для высылки мнѣ съ почты крѣпкой брички съ свѣжими лошадьми, а самъ сѣлъ въ изломанный экипажъ мой и закурилъ трубку въ ожиданіи грядущихъ благъ и лошадей. Въ это время сотни крестьянъ удалялись съ легкими своими пожитками съ театра военныхъ дѣйствій въ мѣста болѣе спокойныя. Вся эта эмиграція, въ продолженіи слишкомъ двухъ часовъ, проходила спокойно мимо меня лежавшаго и курившаго трубку въ изломанной повозкѣ, въ военно-россійскомъ сертукѣ съ генеральскими эполетами. Многіе здоровались, многіе проходили молча, но ни одинъ не сказалъ мнѣ грубаго, даже насмѣшливаго слова, на которое, признаться, они могли быть вызваны моимъ страннымъ положеніемъ. Безъ сомнѣнія эти случаи часто повторялись, и вѣрно не съ однимъ мною, въ теченіи этой войны; крестьяне говаривали, почесывая голову и скрежеща зубами, когда производились нами наряды подводъ, или Фуражированія въ ихъ селеніяхъ: „О, паны, паны!!! не вы „господа солдаты, а наши паны насъ губятъ. Одному хочется „быть королемъ, другому генераломъ, третьему богачемъ, а мы „за все платимъ и за все терпимъ!“ Отъ чего же происходитъ то равнодушіе крестьянъ и средняго класса къ этому предмету, котораго усиливались достигнуть духовенство и шляхетство Польское? Отъ того, что вездѣ и повсюду духовенство и дворянство, не довольствуясь наслажденіями вещественными, алчутъ сверхъ того почестей, власти, извѣстности и славы, тогда какъ среднее и низшее сословія ограничиваютъ желанія свои улучшеніемъ ремесленничества, добрымъ урожаемъ, выгоднымъ сбытомъ своихъ произведеній и покровительствомъ законовъ противу насилія высшихъ сословій.

Театръ военныхъ дѣйствій, или царство Польское грани-

читъ на востокѣ съ Россіею, на сѣверѣ и на западѣ съ Пруссіею, на югѣ съ Австріею.

Оно представляется на картѣ въ видѣ нѣсколько округленнаго четыреугольника съ узкою продолговатостію къ сѣверо-востоку, проходящею между Гумбиненской провинціей Прусскаго королевства и Гродненской и Виленской губерніями.

Висла, направляясь отъ Завихвоста до Торуня, разсѣкаетъ этотъ четыреугольникъ почти на двое; близъ Торуня она вступаетъ въ границу Прусскаго государства.

Восточная часть царства, на правомъ берегу Вислы, заключаетъ въ себѣ воеводства. Августовское, образующее вышесказанную продолговатость, Плоцкое, Подлясское, клинъ Мазовецкаго воеводства, отсѣченный Вислою, и воеводство Люблинское. Западная часть царства, находящаяся на лѣвомъ берегу Вислы, состоитъ изъ главной части Мазовецкаго воеводства, и воеводствъ: Калишскаго, Краковскаго и Сандомирскаго.

Восточная часть царства представляется, для военнаго взора раздѣленною на четыре поля дѣйствій:

1-е-пространство, заключающее въ себѣ Августовское Плоцкое воеводства, лежащія между Пруссіей и правымъ берегомъ Нѣмана, а потомъ Нарева;

2-е-пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Нарева и правымъ берегомъ Буга.

3. Пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Буга и правымъ берегомъ рѣки Вепржа.

4. Пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ Вепржа и Австрійскою Галиціею.

Западная часть представляетъ два поля дѣйствій:

5. Пространство, заключенное между лѣвымъ берегомъ нижней Вислы и лѣвымъ берегомъ рѣки Пилицы.

6. Пространство, заключенное между правымъ берегомъ Пилицы и лѣвымъ берегомъ верхней Вислы, или Краковской области и Австрійской Галиціи.

1-е поле восточной части царства весьма тѣсное, отъ смежности съ ней границы Прусскаго государства, Нѣмана и Нарева. Изрѣзанное поперечными рѣками, ручьями, озерами и дефилеями, покрытое дремучими лѣсами и во многихъ мѣстахъ непроходимыми болотами, оно не представляетъ удобства для наступательныхъ дѣйствій и весьма способствуетъ оборонительнымъ. Поле это начинаетъ расширяться отъ черты, соединяющей Пул-

тускъ съ Млавою, т. е. отъ черты, отъ которой наступательное дѣйствіе съ нашей стороны не только весьма затруднялось, но и гдѣ мы могли подвергаться большимъ опасностямъ; непріятель, опираясь на Модлинскую крѣпость и Прагское предмостное укрѣпленіе, могъ, съ полной и весьма основательной надеждой на успѣхъ, произвести совокупными силами натиски чрезъ Сироцкъ и Пултускъ, во флангъ и тылъ арміи нашей, особенно если по какимъ либо обстоятельствамъ она, перейдя рѣку Вкру, двинулась бы въ глубину Плоцкаго воеводства. Наконецъ поле это хотя и прорѣзано отлично устроеннымъ шоссе, простирающимся отъ Ковно до Варшавы, но этотъ путь — одинъ изъ самыхъ дальнихъ изъ всѣхъ, идущихъ отъ границы нашей къ Варшавѣ, ибо заключаетъ въ себѣ болѣе четырехъ-сотъ верстъ.

Второе поле нѣсколько удобнѣе для дѣйствій только у границъ нашихъ, до черты, соединяющей мѣстечки Нуръ и Остроленку; но, по мѣрѣ углубленія своего къ главному предмету дѣйствія, т. е. къ Варшавѣ, оно болѣе и болѣе стѣсняется рѣками Наревомъ и Бугомъ; мѣстоположеніе становится лѣсистѣе и болотистѣе, такъ что почти по всему пространству его, нѣтъ другаго пути для арміи съ ея тяжестями, кромѣ пути, идущаго на мѣстечки Брокъ и Вишковъ; прочія же дороги только тропы, проложенныя поселянами по тундрамъ и дремучимъ лѣсамъ. Наревъ, представляя преграду весьма значительную, вовсе отдѣляетъ первое поле отъ втораго. Путь, идущій отъ Бѣлостока къ Варшавѣ и разсѣкающій это поле, заключаетъ въ себѣ немного болѣе двухъ-сотъ верстъ.

Третіе поле дѣйствій представляетъ пространство весьма удобное для всякаго рода движеній, особенно для наступательныхъ, ибо оно открыто и изрѣзано многочисленными путями сообщеній. Сверхъ того оно разсѣчено отлично-устроеннымъ шоссе, идущимъ отъ Бреста до Варшавы, которое заключаетъ въ себѣ не болѣе ста осьмидесяти верстъ.

Наконецъ четвертое поле не менѣе третьяго удобно для военныхъ дѣйствій; хотя оно и лишено искусственнаго шоссе, однако здѣсь встрѣчаются широкіе пути, разсѣкающіе страну по всѣмъ направленіямъ, и хлѣбороднѣйшія части царства Польскаго; операціонный путь, лежащій по этому полю отъ Устилуга до Варшавы, заключаетъ въ себѣ около трехъ-сотъ верстъ. На югъ отъ него находится Замостьская крѣпость, посредствомъ которой Польская армія имѣетъ всѣ способы вторгаться въ

Волынь и въ Подолію, и сверхъ того предпринимать набѣги въ тылъ нашихъ войскъ, занимающихъ Люблинское воеводство, или наступающихъ на Варшаву.

Модлинская крѣпость и Прагское предмостное укрѣпленіе служатъ центрами, къ которымъ сходятся пути, разсѣкающіе первыя три поля, и путь четвертаго поля — въ случаѣ движенія нашихъ войскъ изъ Люблина на Зелеховъ, Шеницъ и Прагу. Если бы они двигались по почтовому пути прямо на Варшаву, этотъ путь, проходя чрезъ Пулаву, минуетъ Прагское укрѣпленіе. Поля дѣйствія западной стороны царства состоятъ изъ:

1) Пятаго поля, заключеннаго между Вислою и Пилицею, бѣднаго лѣсомъ и вообще способнаго для военныхъ дѣйствій по большому числу путей и открытому мѣстоположенію. Главные изъ этихъ путей идутъ изъ Варшавы въ Краковъ, изъ Варшавы въ Люблинъ чрезъ Пулаву и изъ Варшавы въ Калишъ.

2) Шестаго поля, заключеннаго между Пилицею и верхнею Вислою, покрытаго обширными лѣсами и песками. Главный путь, разсѣкающій это пространство, есть продолженіе пути въ Краковъ по пятому полю; другіе пути, хотя и удобны для слѣдованія войскъ, но идутъ почти всѣ сквозь обширные лѣса, затрудняющіе движеніе. Вообще, это царство, относительно мѣстоположенія, весьма плоское и не имѣетъ значительныхъ возвышеній.

Графъ Дибичъ послалъ государю 27-го января изъ Высокомазовецка слѣдующій рапортъ:

„Желая воспользоваться способами *края,* дабы занятіемъ „большаго пространства онаго обезпечить по возможности будущее продовольствіе арміи въ самомъ царствѣ Польскомъ, и, „сообразуясь съ Высочайшею волею В. И. В., я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и соединенными силами вступить въ Царство Польское. Движеніе сіе учинено на разныхъ „пунктахъ и расположено такъ, чтобы 80,000 человѣкъ могли „всегда въ теченіи 20 часовъ соединиться и нанести возмутителямъ рѣшительный ударъ, если бы они отважились принять „сраженіе.“

„24 января вступилъ въ Царство Польское, при Ковнѣ „корпусъ гренадерскій генерала князя Шаховскаго нѣсколькими „эшелонами, составляющими 18 баталіоновъ гренадеръ, 4 эскадрона кавалеріи, 60 орудій артиллеріи и казачій полкъ, направляясь по шоссе на Калварію и далѣе къ Августову. Неподалеку

„отъ Гродно при Домровѣ перешелъ границу генералъ-маіоръ „Мандерштернъ съ пятью баталіонами пѣхоты, двумя эскадро-„нами кавалеріи, двѣнадцатью орудіями артиллеріи и казачьимъ „полкомъ, направляясь прямо на Августово.“

„При Влодавѣ перешелъ границу генералъ-адъютантъ ба-„ронъ Гейсмаръ съ двадцатью четырьмя эскадронами кавалеріи, „двадцатью четырьмя орудіями артиллеріи и двумя казачьими пол-„ками, имѣя направленіе къ городу Сѣдлецу.“

„При Устилугѣ перешелъ границу генералъ-лейтенантъ ба-„ронъ Крейцъ съ двадцатью четырьмя эскадронами кавалеріи, „двадцатью четырьмя орудіями артиллеріи и однимъ казачьимъ „полкомъ въ направленіи къ Люблину.“

„Наконецъ малый отрядъ, подъ командою полковника Анрепа, „изъ одного казачьяго полка и одного дивизіона уланъ, перешелъ „границу въ Брестъ-Литовскѣ въ направленіи къ Сѣдлецу; сему „отряду предназначено связать партіями дѣйствія генералъ-адъ-„ютанта Гейсмара съ главными силами арміи, которая на другой „день, то есть 25 января, перешла границу, а именно: корпусъ „генерала графа Палена, изъ двадцати одного баталіона пѣхоты, „шестнадцати эскадроновъ кавалеріи, семидесяти двухъ орудій „артиллеріи и двухъ казачьихъ полковъ, переправясь въ двухъ „пунктахъ при Тикочинѣ и Желткахъ, направляясь на Заводы „и далѣе на Дудки. Корпусъ генерала барона Розена изъ двад-„цати шести баталіоновъ пѣхоты, двадцати четырехъ эскадроновъ „кавалеріи, ста двадцати орудій артиллеріи и двухъ казачьихъ „полковъ, переправясь въ двухъ пунктахъ при Суражѣ и Піонт-„ковѣ, направился чрезъ Соколы на Высокомазовецкъ. При семъ „корпусѣ слѣдовала главная квартира арміи съ своимъ конвоемъ „изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона кавалеріи и ка-„зачьяго полка. Корпусъ генерала графа Витта съ четырьмя „баталіонами пѣхоты, двадцатью восемью эскадронами кавалеріи „и сорока восемью орудіями артиллеріи, переправясь при Цеха-„новцѣ и Граннѣ, направился на Нуръ и Стердынь; и наконецъ „резервъ арміи изъ двадцати двухъ баталіоновъ пѣхоты, двѣ-„надцати эскадроновъ кавалеріи и тридцати шести орудій артил-„леріи, перешелъ границу въ Суражѣ 25 и 26 января, направясь „на Соколы подъ командою Е. И. В. Государя Цесаревича.“

Главнокомандующій, изъ Венгрова, отъ 1 февраля, послалъ государю слѣдующій рапортъ:

„Получивъ свѣденіе, что войска мятежниковъ расположены

„двумя отрядами, первымъ при Остроленкѣ, Пултускѣ и Рожа-„нахъ, а другимъ главнѣйшимъ, около Минска, Калушина и Вла-„диславова, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ на-„правленіи къ Вышкову чтобы, по переходѣ рѣки сей, раздѣ-„лить армію мятежниковъ на двѣ части и, оставя отрядъ гене-„ралъ-маіора Мандерштерна въ Ломзѣ, для наблюденія лѣваго ея „фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятежни-„камъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ. *Въ теченіе „дневки, которую имѣла армія, какъ для необходимаго отдыха „войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными „припасами,* внезапно наступившій югозападный вѣтеръ произвелъ „такую перемѣну въ температурѣ, что, послѣ 20 градусовъ мо-„роза, 29 числа всѣ поля были уже совершенно обнажены отъ „снѣгу, дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки раз-„лились и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между „обоими берегами Буга неминуемо прекратится; а посему над-„лежало поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей „рѣки, гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія. Сообразно съ „симъ, 30 числа армія сдѣлала общее фланговое движеніе влѣво „и перешла Бугъ въ двухъ мѣстахъ: шестой пѣхотный корпусъ „при Брокѣ, а первый пѣхотный при Нурѣ, сдѣлавъ форсирован-„ныхъ два марша отъ Ломзы и Замброва. Переправа соверши-„лась хотя еще по льду, но съ большими предосторожностями. „За первымъ корпусомъ перешелъ весь резервъ Е. И. В. Госу-„даря Цесаревича, а вслѣдъ за онымъ переправился фурштатъ „всей арміи съ шестидневнымъ провіантомъ. Для обезпеченія, „оставленнаго арміею, края на правомъ берегу Буга, предписалъ „я генералу князю Шаховскому, имѣющему прибыть 4 февраля „съ тремя полками 3-й гренадерской дивизіи въ Ломзу, принять „въ команду свою генералъ-маіора Мандерштерна, находящагося „въ семъ городѣ съ отрядомъ своимъ, и, сосредоточивъ эшело-„нами всю 1-ю гренадерскую дивизію, по той же дорогѣ слѣ-„дующую, составить впредь до повелѣнія особый отдѣльный „корпусъ. Корпусъ сей состоять будетъ изъ двадцати двухъ бата-„ліоновъ пѣхоты, четырехъ эскадроновъ гусаръ, двухъ казачь-„ихъ полковъ и шестидесяти орудій артиллеріи.“

„Независимо отъ сего оставленъ въ родѣ партизана, на пра-„вомъ берегу Буга, полковникъ Шиндлеръ съ казачьимъ пол-„комъ. Дѣлая поиски по всему пространству между Бугомъ и „Наревомъ, для разсѣянія всякаго вооруженнаго скопища, пол-

„ковникъ Шиндлеръ будетъ находиться въ безпрестанномъ сно-„шеніи, то съ генераломъ княземъ Шаховскимъ, то со мною. „31 января армія сдѣлала отъ береговъ Буга форсированный „маршъ двумя колоннами въ направленіи къ Венгрову, который „къ вечеру былъ занятъ авангардомъ графа Палена, подъ коман-„дою генералъ-маіора Сакена. Бывшій уже предъ симъ въ семъ „направленіи и усиленный бригадою егерей и бригадою первой „гусарской дивизіи, первый корпусъ въ сей день остановился въ „Пашеевѣ; шестой корпусъ при деревнѣ Тончѣ. — Авангарды „сихъ корпусовъ, имѣя повелѣніе занять переправы на Ливицѣ, „нашли мосты при Ливѣ и старой Веси совершенно истреблен-„ными. При первомъ изъ сихъ мѣстъ, возмутители, подъ при-„крытіемъ артиллеріи, старались воспрепятствовать возобновле-„нію моста; но бригада егерей и сильный удачный огонь поста-„вленныхъ противъ нихъ орудій, принудили ихъ удалиться, такъ „что въ сію минуту мостъ построенъ и авангардъ нашъ пере-„правился.

„Коль скоро мосты совершенно устроены будутъ, авангар-„дамъ шестаго и перваго корпусовъ предписано перейти: первому „на дорогу къ Дебрѣ, а послѣднему на дорогу къ Калушину. „Главная моя квартира находится въ Венгровѣ.

„Резервъ Е. И. В. Цесаревича переходитъ сегодня въ Соко-„ловѣ, посылая авангардъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Въ распоря-„женіе Его Высочества поручается 3-й резервный кавалерійскій „корпусъ безъ второй бригады украинской уланской дивизіи, ко-„торая послѣ завтра только что присоединяется къ своему кор-„пусу. Направленіе сіе даю я въ томъ предположеніи, чтобы „быстро преслѣдовать мятежниковъ, находящихся при Сѣдлецѣ, „войска коихъ вѣроятно отступятъ, узнавъ о занятіи Венгрова „и ближайшемъ нашемъ движеніи къ Калушину.

„Относительно дѣйствій пятаго резервнаго кавалерійскаго „корпуса, находящагося въ воеводствахъ Сѣдлецкомъ и Люблин-„скомъ, имѣю счастіе донести В. И. В., что съ переходомъ онаго „границы, распространился всеобщій страхъ. Въ городѣ Сѣдлецѣ „онъ былъ такъ великъ, что съ первымъ появленіемъ казаковъ „партизанскаго отряда полковника Анрепа, они почти безъ со-„противленія заняли сей городъ. Возмутители, узнавъ однакожъ, „что отрядъ полковника Анрепа не довольно силенъ, вошли вто-„рично въ Сѣдлецъ съ двумя уланскими и двумя пѣхотными пол-„ками и съ артиллеріею. Тогда полковникъ Анрепъ выступилъ

„къ Збучину. Возмутители, не довольствуясь симъ, 28 числа „сдѣлали рекогносцировку двумя эскадронами къ Збучину, гдѣ „полковникъ Анрепъ встрѣтилъ ихъ всѣмъ отрядомъ, атаковалъ и, „опрокинувъ ихъ, немедленно преслѣдовалъ на разстояніи шести „верстъ по дорогѣ къ Сѣдлецу. Послѣ сего полковникъ Анрепъ рас- „положился при Угржановѣ, имѣя передовые свои посты въ четы- „рехъ верстахъ отъ города Сѣдлеца съ тѣмъ намѣреніемъ, что- „бы, при малѣйшемъ видѣ къ отступленію, напасть на арьергардъ „возмутителей и преслѣдовать ихъ быстро. На сей конецъ на- „ходится онъ въ прямомъ сношеніи съ генералъ - адъютантомъ „Гейсмаромъ, который изъ Лукова перешелъ въ Сточекъ, чтобы „упредить непріятеля въ его отступленіи. Генералъ-лейтенантъ „баронъ Крейцъ 27 января былъ въ одномъ маршѣ отъ Любли- „на, который, по разсказамъ жителей, не занятъ никакими вой- „сками. Отъ сего города, генералъ Крейцъ имѣетъ повелѣніе „идти къ Пулавѣ и, переправя тамъ часть казаковъ на лѣвый „берегъ Вислы, стараться разсѣять тамошнія вооруженія.

„Всеподданнѣйше донося В. И. В. о первоначальныхъ дви- „женіяхъ моихъ, по ввѣренной мнѣ арміи, я обязываюсь всепод- „даннѣйше присовокупить, что начатіе военныхъ дѣйствій столь „неожиданно было для возмутителей, *что повсюду находимъ про-* „*довольствіе*, особенно въ фуражѣ, котораго при теперешней „распутицѣ никакими средствами подвезти бы не возможно было. „Изъ общихъ движеній возмутителей замѣтна нерѣшимость; они „повсемѣстно избѣгаютъ встрѣчи съ нашими войсками и при „появленіи оныхъ отступаютъ.“

Эти два донесенія достойны особеннаго вниманія. Они заключаютъ въ себѣ предсказанія всему тому, что въ послѣдствіи совершилось и должно было совершиться; здѣсь обнаруживается отсутствіе военныхъ дарованій составителя ихъ. Сверхъ того, какія противорѣчія, какое напряженіе къ введенію въ заблужденіе правительства на счетъ истиннаго положенія дѣлъ! Я одинъ изъ противниковъ *военныхъ совѣтовъ*, за нѣсколько тысячь верстъ присылающихъ наставленія главнокомандующимъ на счетъ ихъ дѣйствій, тогда какъ каждая минута, каждый шагъ измѣняютъ обстоятельства войны. Не возможно, при чтеніи означенныхъ рапортовъ, не пожелать по крайней мѣрѣ какой либо военной коммисіи, учрежденной при главѣ правительства для рязбора того, что уже исполнено и для открытія противорѣчій и ложныхъ извѣстій. Къ чему послужили бы донесенія правительству, если

бы они ему не доставляли средствъ къ основанію на *прошедшемъ* и *настоящемъ* предначертаній для *будущаго?* Если донесенія полководца лживы, то предположенія и разсчеты правительства должны быть весьма ошибочны, слѣдовательно ему выгоднѣе не получать вовсе никакихъ донесеній, чѣмъ получать такія, которыя могутъ вводить его лишь въ заблужденіе. Можно не допускать полной правдивости въ донесеніяхъ о войнахъ съ *восточными* государствами. Тутъ большею частію и почти всегда встрѣчаются вымыслы *тысяча и одной ночи.* Тутъ являются на сцену и многолюдныя, несуществовавшія арміи, коихъ разрѣзываютъ на двое, и разбитіе и перебросы ихъ за горы, коихъ не было, и взятіе первоклассныхъ крѣпостей, слѣпленныхъ изъ глины, разваливающихся отъ холостыхъ выстрѣловъ, и громкія побѣды надъ сволочью, не выдерживающей грома единой пушки, и плѣны какихъ то главнокомандующихъ,[1]) сдающихся первому явившемуся штабъ-офицеру нашему. Бумага терпитъ, награжденія сыплятся

---

[1]) Я положительно знаю о многихъ обстоятельствахъ войнъ персидской и турецкой, веденныхъ графомъ Паскевичемъ, блистательной храбрости котораго я всегда отдавалъ полную справедливость. Такъ напримѣръ Эривань взята была при слѣдующихъ обстоятельствахъ: защита этой крѣпости была поручена храброму племени Шахъ-Севенамъ, которые не хотѣли, повидимому, служить Аббасъ-Мирзѣ; находясь на стѣнахъ крѣпости, они открывали на насъ весьма слабый огонь, а иногда вовсе не стрѣляли, что давало намъ возможность безнаказанно подходить къ самому рву крѣпости. Въ то время, какъ Паскевичъ *отдыхалъ въ лагерѣ,* піонерный поручикъ Трикилевичъ измѣрилъ весьма спокойно ровъ крѣпости. Генералы Красовскій и Лаптевъ, пользуясь тѣмъ и не будучи тревожимы непріятелемъ, обошли крѣпость, выломали ворота и проникнули въ самую Эривань; близъ воротъ былъ сильно раненъ лишь одинъ аудиторъ. Войска наши отыскали, скрывшагося въ какомъ-то подвалѣ, извѣстнаго труса Гассанъ-Хана; оружіе сего презрѣннаго воина было подарено государемъ городу Ригѣ, гдѣ доставлено было извѣстіе о взятіи Эривани. Во время благодарнаго молебна, стѣны Эривани, подобно стѣнамъ другаго Ерихона, осыпались отъ дѣйствія холостыхъ выстрѣловъ. Государь, посѣтивъ Эривань въ 1837 году, сказалъ о ней: „*славны бубны за горами.*“ Во время войны въ Азіятской Турціи, Паскевичъ доносилъ государю, что онъ, не давъ соединиться двумъ Турецкимъ арміямъ, разрѣзалъ ихъ, такъ сказать; уничтожилъ одну, и, взявъ въ плѣнъ главнокомандующаго, разбилъ и другую. Двухъ армій никогда не было выставлено противъ нашихъ войскъ; воображаемая вторая армія была ничто иное, какъ весьма небольшой сбродъ сволочи, такъ называемый главнокомандующій которой, Гакки-Паша, спасаясь отъ своего начальника, искалъ случая передаться Русскимъ и съ радостью сдѣлалъ это, увидавъ полковника Верзилина. Паскевичъ хотѣлъ отдать подъ судъ генерала Сакена за взятіе при этомъ случаѣ малаго числа плѣнныхъ.

зря и, ложными извѣстіями введенное въ заблужденіе, правительство можетъ часто дѣлать промахи, не подвергая однако тѣмъ опасности Россію, далеко превосходящую восточныя сосѣднія государства въ умственномъ и вещественномъ развитіи. Напротивъ, чрезъ обнародованіе такого рода донесеній, увеличиваются въ европейскихъ государствахъ уваженіе къ превосходству нашего оружія и къ дарованіямъ нашихъ полководцевъ. Но война съ польскими мятежниками совершенно иная. Она, по вліянію своему на умы, угрожая Россіи ужаснѣйшими послѣдствіями, едва ли не была въ сущности грознѣе войны 1812 года? Одну можно назвать бурей, другую заразой. Одну велъ человѣкъ великій, превосходный, но имѣвшій въ виду лишь одну вещественную цѣль; другая неслась сама собою, скрывая въ чревѣ своемъ *начало*, полное разрушительными послѣдствіями единства Россіи. Какая огромная обязанность лежала на правительствѣ! Ему надлежало быть наиболѣе бдительнымъ, во-время обо всемъ извѣщеннымъ[1]) и полнымъ вниманія къ малѣйшему происшествію войны. И при таковыхъ-то обстоятельствахъ, облеченный полною довѣренностью правительства, полководецъ, на словахъ коего надлежало ему основывать всѣ предварительныя мѣры и распоряженія, не постигаетъ важности и характера войны! Онъ продолжаетъ доставлять своему правительству донесенія, каковыя доставлялъ ему изъ за Балкановъ, гдѣ велась такъ сказать война исключительно вещественная! И что всему этому причиною? Старанія скрыть дѣйствія свои при первомъ шагѣ за границу, проступокъ едва простительный прапорщику, который опоздалъ къ разводу и извиняется различными вымыслами предъ своимъ ротнымъ командиромъ.

Разберемъ предварительно мѣры, принятыя Дибичемъ, распоряженія его для перехода ввѣренной ему арміи за границу и вышеупомянутыя два донесенія императору.

Алчность къ начальствованію и увѣренность въ скоромъ вплетеніи новаго лавра въ Забалканскій вѣнокъ, столь легко пріобрѣтенный въ битвахъ ничтожныхъ, увлекли графа Дибича

---

[1]) Государь сказалъ однажды А. П. Ермолову: „во время Польской войны „я находился одно время въ ужаснѣйшемъ положеніи: жена моя была беременною на сносѣ, въ Новгородѣ вспыхнулъ бунтъ, при мнѣ оставались лишь два „эскадрона кавалергардовъ; извѣстія же изъ арміи доходили до меня лишь чрезъ „Кенигсбергъ. Я нашелся вынужденнымъ окружить себя выпущенными изъ госпиталей солдатами.“

къ принятію начальства надъ арміей противъ врага образованнаго и свѣдущаго; онъ не имѣлъ для того необходимыхъ познаній и не успѣлъ, какъ казалось, ознакомиться съ обстоятельствами, на коихъ надлежало основывать всѣ свои распоряженія. Ему представлялся, повидимому, мятежъ простиравшимся не далѣе Варшавы. Онъ по крайней мѣрѣ не постигалъ, что отрасли заговора могли проникнуть въ нѣдра западныхъ губерній, что этотъ мятежъ былъ послѣдствіемъ нравственныхъ корчей, терзавшихъ Европу(словомъ, онъ не ожидалъ, чтобы вспышка въ Варшавѣ была въ состояніи произвести взрывъ на всемъ пространствѣ отъ береговъ Варты до береговъ Днѣпра и Двины). Вмѣсто того, чтобы, принявъ на себя командованіе арміею, разглашать по Петербургу, что онъ задавитъ Польшу въ теченіи шести недѣль, [1]) онъ долженъ былъ отклонить отъ себя принятіе тяжкаго для него бремени, столь много превышавшаго его средства. Я говорю это въ оправданіе Дибича, которому слѣдовало предварительно ознакомиться съ характеромъ страны, положеніемъ дѣлъ и оцѣнить, какія могли быть для Россіи печальныя послѣдствія возстанія, могущаго вспыхнуть въ сосѣднихъ съ Польшею губерніяхъ. Если онъ понялъ, что желтая, красная и зеленая черты, отдѣляющія на картѣ эти губерніи отъ царства польскаго, не вещественнѣе линій, означающихъ экваторъ, тропики и меридіанъ, тогда нѣтъ ему оправданія въ избраніи сихъ губерній *основаніемъ дѣйствій нашей арміи,* не занявъ ихъ предварительно и заблаговременно какими нибудь войсками. Какъ ему не знать было, что *основаніе для военныхъ дѣйствій арміи* не избирается во враждебныхъ областяхъ? Мы видимъ противное въ двухъ только случаяхъ: когда основаніемъ служитъ самое государство, коему принадлежитъ дѣйствующая армія, какъ была для насъ коренная Россія въ 1812 году, или когда основаніемъ служитъ государство союзное съ тѣмъ, коего армія предпринимаетъ военныя дѣйствія, какъ были для насъ Австрія и Пруссія въ 1813 году. Поясняю мысль мою мѣстнымъ примѣромъ: всѣмъ извѣстно, что Рейнъ и крѣпости Майнцъ и Страсбургъ представляютъ превосходныя *основанія военнаго дѣйствія* для арміи, намѣревающейся вторгнуться въ предѣлы Франціи; но если Майнцъ и Страсбургъ заняты уже французскими войсками и сверхъ того великія герцогства Дармштатское и Баденское, королевства Вир-

---

[1]) Дибичъ звалъ даже своихъ знакомыхъ въ Варшаву на блины.

темБергское и Баварское въ союзѣ съ Франціею, то какой полководецъ въ мірѣ осмѣлится предпринять наступательное движеніе за Рейнъ и въ нѣдра Франціи, безъ предварительнаго взятія или обложенія Майнца и Страсбурга и безъ занятія вышесказанныхъ герцогствъ и королевствъ сильною арміею? Въ томъ самомъ положеніи находились и наши западныя губерніи, относительно нашей арміи. Хотя эти губерніи и были объявлены на военномъ положеніи, но слово — не дѣло; чтобы военное положеніе существовало по истинѣ, а не въ воображеніи, слѣдовало занять эти губерніи войсками, исключительно назначенными для укрощенія возстаній, могущихъ здѣсь возникнуть. Хотя императоръ повелѣлъ немедленно образовать резервную армію въ Литвѣ и занять Волынь и Подолію войсками первой арміи, но приведеніе въ исполненіе этихъ спасительныхъ для насъ мѣръ требовало нѣкотораго времени. По причинѣ значительнаго разстоянія войскъ между собою, не излишне было бы для Дибича, до прибытія ихъ на пункты, имъ опредѣленные, оставить на этихъ мѣстахъ оба фланга арміи, растянутой имъ отъ Ковно до границы Австрійской Галиціи, — правый флангъ въ Вильнѣ и Минскѣ, а лѣвый въ Луцкѣ. Первый, составленный изъ гвардейскаго отряда и втораго пѣхотнаго корпуса, былъ-бы достаточно силенъ для удержанія въ повиновеніи литовскихъ губерній; послѣдній, состоящій изъ пятаго резервнаго кавалерійскаго корпуса и резервныхъ баталіоновъ 25-й пѣхотной дивизіи, усиленныхъ войсками, въ послѣдствіи составлявшими корпусъ Ридигера, представилъ бы твердый оплотъ противъ всякаго возстанія въ Волынской, Подольской и Кіевской губерніяхъ. И да не подумали бы, что оставленіемъ этихъ войскъ позади себя и внѣ круга боевыхъ происшествій, Дибичъ ослабилъ бы массу дѣйствующихъ силъ? Ни мало! Онъ имѣлъ даръ распорядиться такимъ образомъ, что изъ самыхъ войскъ, составлявшихъ главную боевую массу арміи, гренадерскій корпусъ едва былъ въ огнѣ 13 февраля, прійдя лишь къ сумеркамъ на поле сраженія подъ *Гроховымъ;* а 7 февраля, подъ *Милосной*, этотъ корпусъ находился еще далѣе, будучи въ 150 верстахъ отъ сражавшейся арміи. Что же касается до гвардейскаго отряда, до втораго пѣхотнаго корпуса и до войскъ, образовавшихъ въ послѣдствіи корпусъ Ридигера, о нихъ тогда и помину не было на театрѣ военныхъ дѣйствій; корпусъ Крейца находился въ двухъ-стахъ верстахъ отъ обоихъ вышеозначенныхъ полей битвъ.

И такъ, избравъ и упрочивъ *основаніе* свое и пути, съ тылу къ нему ведущіе, Дибичъ былъ бы уже свободенъ и, не опасаясь возстанія между жителями западныхъ губерній, онъ могъ бы обратить все свое вниманіе на дѣйствіе противу войскъ, непосредственно предъ лицемъ его находившихся. Тогда стоило ему только, сосредоточивъ впереди Бѣлостока на Наревѣ корпуса: гренадерскій, первый и шестой пѣхотные, третій кавалерійскій, гвардейскій отрядъ цесаревича, одиннадцать казачьихъ полковъ и до 350 орудій, двинуться всею этою стотысячною массою чрезъ Нуръ къ Венгрову; оттуда къ Варшавѣ и, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, атаковать польскую армію съ полною надеждою на успѣхъ.

Отъ Бѣлостока до Варшавы не болѣе двухъ сотъ верстъ. Полагая переходъ по 25 верстъ въ сутки, что не очень велико, Дибичъ могъ бы прибыть въ 8 сутокъ подъ Варшаву, слѣдовательно ему болѣе чѣмъ достаточенъ былъ обыкновенный запасъ хлѣба: трехъ-дневный въ ранцахъ и десяти-дневный въ фурахъ. Сверхъ того подвозы могли прибыть отъ брестскаго магазина въ армію, тотчасъ по вступленіи ея въ Венгровъ и занятіи Сѣдлеца, слѣдуя по шоссе прочному, который не могъ портиться отъ дѣйствія дурной погоды. Такъ какъ онъ перешелъ границу 25 января, то 2-го февраля онъ могъ бы быть уже подъ Варшавой. Ледъ на Вислѣ былъ еще весьма крѣпокъ, ибо въ это время, и даже нѣсколько позже, корпуса Крейца и Дверницкаго по два раза переходили Вислу по льду съ орудіями и тяжестями. Совокупное движеніе нашей арміи, вслѣдствіе котораго вся армія явилась бы 2 февраля подъ Варшавой, совершенно уничтожало бы выгоду, которую должно было принести непріятелю Прагское предмостное укрѣпленіе. Ледяной плотъ лежалъ въ то время по всей Вислѣ, слѣдовательно не для чего было атаковать твердыню, защищавшую одну только точку рѣки, всюду по льду проходимой.

Сверхъ того замерзаніе рѣкъ и болотъ лишаетъ оборонительныя позиціи большей части выгодъ, ими приносимыхъ; этимъ Дибичъ могъ легко воспользоваться, и чѣмъ весьма рѣдко пользуются полководцы, дѣлая предначертанія свои по картамъ, на которыхъ ни моря, ни рѣки, ни болота не замерзаютъ. Это кажется эпиграммою, но въ сущности справедливо. Я помню, сколько графъ Бугсгевденъ употребилъ времени на войнѣ въ Финляндіи, въ февралѣ мѣсяцѣ 1808 года, на сочиненіе плана атаки

Шведскаго корпуса, занимавшаго, по мнѣнію его, неодолимую позицію подъ *Форсби,* ибо фланги позиціи примыкали: правый къ Финляндскому заливу, а лѣвый къ изгибу широкой рѣки, протекающей предъ *Форсби.* Что же вышло? Корпусъ Шведскій не остановился на этой позиціи, потому что тридцати-градусные морозы давно уже превратили и Финляндскій заливъ и рѣки въ равнину, несравненно удобнѣйшую для наступательнаго дѣйствія, чѣмъ твердая земля въ Финляндіи, покрытая скалами и дремучими лѣсами. Есть военачальники, которые къ зимнимъ нелѣпостямъ присоединяютъ еще и лѣтнія. Они примыкаютъ фланги войскъ своихъ къ малому ручью или пруду, на картѣ означенным, не принимая въ уваженіе: есть ли броды или нѣтъ на ручьѣ и достаточно ли воды въ немъ для плаванія лягушекъ? О таковыхъ-то полководцахъ великій Суворовъ говаривалъ: „помилуй Богъ! эти великіе тактики не иначе даютъ сраженія, какъ „примкнувъ флангами: однимъ къ лужѣ, другимъ къ навозной „кучѣ!“

Но приступимъ къ разсмотрѣнію рапортовъ Дибича. Оставивъ на произволъ судьбы и *основаніе* и *затыльные* пути, ведущіе къ нему, Дибичъ, какъ мы выше видѣли, доноситъ:

„Желая воспользоваться способами края, *дабы, занятіемъ* „*вдругъ большаго пространства онаго*, обезпечить по возможности „будущее продовольствіе арміи въ царствѣ Польскомъ, я рѣшился немедленно начать военныя дѣйствія и *соединенно* вступить „въ царство Польское. Движеніе сіе учинено на *разныхъ пунктахъ.*“

За кого принималъ Дибичъ правительство, осмѣливаясь угощать оное подобными донесеніями? Пусть покажутъ намъ возможность *занятія войсками большаго пространства,* не разбросавъ войска по всему пространству? Пусть укажутъ намъ средства начать военныя дѣйствія соединенными силами, предпринимая нападенія на разные пункты?

Дѣло въ томъ, что пространство, опредѣленное Дибичемъ для занятія арміею, ему ввѣренною, заключалось между восточною Пруссіею и Австрійскою Галиціею, что составляло около 400 верстъ протяженія; разные пункты, чрезъ которые наступленіе производилось, находились на протяженіи отъ Ковна до Устилуга, что составляло около 700 верстъ. И подобную операцію, въ донесеніи правительству, Дибичъ называлъ *дѣйствіемъ соединенными силами!* Чудесная логика и не менѣе того превосходная стра-

тегія! Впрочемъ это предначертаніе имѣло основаніемъ, какъ онъ самъ говоритъ, *обезпеченіе будущаго продовольствія арміи.* Но на долго ли разсѣяніе военныхъ силъ по обширному пространству, въ шести переходахъ отъ сосредоточенной непріятельской арміи, можетъ обезпечить продовольствіе этихъ войскъ, если противудѣйствующія силы сосредоточены, а военачальникъ ихъ предпріимчивъ и знаетъ свое дѣло? Правда, что для подобной же цѣли Наполеонъ разсѣевалъ свою армію, но не въ шести переходахъ отъ непріятельской арміи, а въ весьма дальнемъ отъ нея разстояніи; по мѣрѣ же приближенія своего къ ней, онъ снова сосредоточивалъ войска. Нѣтъ сомнѣнія, что прокормленіе арміи дѣло великой важности, но главная цѣль всякаго ополченія не есть лишь утоленіе голода его, а одержаніе побѣдъ. Армія, расположенная близъ собственныхъ крѣпостей, снабженныхъ продовольствіемъ, можетъ съ полнымъ желудкомъ простоять всю кампанію безъ дѣйствія и, сохранивъ себя, можетъ погубить отечество. Армія, разсѣянная для пропитанія по чрезмѣрному пространству, вблизи сосредоточеннаго непріятеля, можетъ съ полнымъ желудкомъ потерпѣть по частямъ пораженія и погубивъ себя, погубить отечество. Для этой-ли цѣли собираются арміи? Въ 1796 году Бонапартъ, принявъ начальство надъ войскомъ голоднымъ, въ рубищахъ, безъ казны и безъ магазиновъ, и показавъ ему съ высотъ Аппениновъ роскошную Италію и полныя продовольствіемъ крѣпости, разливавшія изобиліе въ арміяхъ Австрійской и Сардинской, сказалъ войскамъ своимъ: „*все это ваше*“ и все стало ихъ и приняло иной видъ: голодные насытились, нагіе одѣлись, милліоны посыпались въ казну арміи и Франціи; сытые же Австрійцы и Сардинцы познали голодъ и, растерявъ въ бѣгствѣ башмаки, предали во власть побѣдителей всѣ запасы, всѣ источники богатства изобильнѣйшаго края. Вотъ доказательство, что не роскошное содержаніе арміи даетъ побѣду, а побѣда открываетъ средства къ содержанію арміи, поддерживая войну войною.

Изъ этого ясно видно, что для достиженія цѣли нужно было обратиться къ способу, вовсе противуположному тому, который избранъ былъ Дибичемъ, а именно: прежде всего надлежало напасть совокупными силами на непріятеля, разбить его и тогда уже легко, позади побѣдоносной своей арміи, приказать извѣстнымъ областямъ озаботиться о снабженіи войскъ всѣмъ для нихъ необходимымъ. Для отысканія тому примѣра из-

лишне было рыться въ чужеземныхъ исторіяхъ и заглядывать въ Италію; примѣръ тому легко было найти въ русской арміи и на самомъ томъ мѣстѣ, на коемъ намѣревались дѣйствовать. За тридцать шесть лѣтъ предъ симъ Суворовъ, сосредоточивъ армію въ Брестѣ и обезпечивъ тылъ свой войсками хотя независимыми отъ него, но назначенными отъ правительства занимать Литву и Волынь, то есть корпусами князя Репнина и графа Салтыкова, двинулся усиленными переходами къ Варшавѣ, разбилъ подъ Кобылкою Польскій корпусъ, отступавшій изъ-за Нарева и Буга къ Варшавѣ, взялъ приступомъ укрѣпленную Прагу и, покоривъ Варшаву, размѣстилъ войска свои на квартиры, опредѣливъ на доставленіе имъ продовольствія всѣ, вслѣдствіе побѣдъ его, впадшія въ нашу власть Польскія воеводства. Вотъ способъ, коимъ благоразумному полководцу слѣдуетъ продовольствовать войска свои на счетъ жителей враждебной области, до благопріятнаго разсѣченія Гордіева узла. Это обстоятельство болѣе, чѣмъ сомнительно, при разбрасываніи наступательной арміи въ близкомъ сосѣдствѣ съ сосредоточеннымъ непріятелемъ, ожидающимъ, можетъ быть, этой ошибки, чтобы самому перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ.

„Получивъ свѣденіе, что войска мятежниковъ расположены „двумя отрядами, — первымъ при *Остроленкѣ*, *Пултускѣ* и *Ро*„*жанахъ*, а другимъ и главнѣйшимъ около *Минска*, *Калушина* и „*Владиславова*, я рѣшился двинуться всѣми силами къ Бугу, въ „направленіи къ Вышкову, чтобы, по переходѣ рѣки сей, раздѣ„лишь армію мятежниковъ на двѣ части, и, оставя отрядъ гене„ралъ-маіора Мандерштерна въ Ломзѣ для наблюденія лѣваго „фланга, со всѣми прочими силами стараться отрѣзать мятеж„никамъ отступленіе праваго ихъ фланга къ Варшавѣ.“

Это выходка для жоминистовъ. Дибичъ хотѣлъ показать ею, что и онъ умѣетъ, подобно Фридриху, Наполеону и Суворову, пользоваться внутреннею линіею, но на дѣлѣ этого не было, и слава Богу! ибо этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Чтобы избирать родъ дѣйствія, предметомъ коего служитъ раздѣленіе непріятельской арміи на двое, необходимо слѣдуетъ достовѣрно узнать, точно ли расположеніе ея тому способствуетъ; если слухи справедливы, то не ползти и не останавливаться на пути, а бѣжать, летѣть, бросаться стремглавъ на избранный предметъ дѣйствія, потому что операція такого рода болѣе другихъ требуетъ быстроты и внезапности. Въ этомъ

случаѣ, если бы извѣстіе о размѣщеніи польской арміи, полученное Дибичемъ, и не подлежало сомнѣнію, то было безразсудно слѣдовать со всею арміею по мѣстности лѣсистой между Бугомъ и Наревомъ, едва прорѣзанной кое-гдѣ узкими дорогами и тропинками и, въ то время года, еще заваленной снѣгами; непріятель между тѣмъ могъ удобно двинуться по широкимъ и удобнымъ шоссе, соединяющимся у прагскаго укрѣпленія предъ Варшавою. При первомъ извѣстіи объ этомъ движеніи, непріятель могъ весьма спокойно отойти по обоимъ шоссе и сосредоточиться у Праги, прежде чѣмъ армія наша успѣла-бы сдѣлать два перехода по затруднительной мѣстности. Положимъ однако, что препятствія эти не устрашили Дибича, что онъ рѣшился преодолѣть ихъ, во что бы то ни стало, и предпринять движеніе, требующее быстроты и внезапности; онъ двинулся и вдругъ.... что же пишетъ? „въ теченіи дневки, которую имѣла армія.“.... Какъ, дневки?! Въ операціи, къ которой всякій шагъ впередъ, всякій часъ, всякая минута такъ дороги, полководецъ, предпринявшій ее, рѣшается остановить армію *для дневки?* Но что тому причиною? Послушаемъ еще самого Дибича: „какъ для необхо-„димаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми „продовольственными припасами.“ Право не знаемъ, какое имя дать подобной наглости въ отношеніи къ правительству? Да чѣмъ же главнокомандующій занимался въ теченіи полуторамѣсячнаго пребыванія своего посреди арміи въ Бѣлостокѣ? Не устройствомъ ли въ окрестностяхъ этого города и въ Брестѣ магазиновъ, ежедневно наполняемыхъ подвозами изъ литовскихъ губерній, и образованіемъ арміи, по мѣрѣ прибытія въ ея составъ войскъ изъ Россіи? И когда войска, составлявшія армію, подкрѣпили себя, первыя — десятидневнымъ, а послѣднія — пятидневнымъ отдохновеніемъ, когда магазины наполнились по крайней мѣрѣ двухъ-недѣльною пропорціею провіанта, когда, сверхъ того, большое количество запасовъ роздано было войскамъ: сухарей на три дня въ ранцы и на десять дней въ фуры, тогда Дибичъ двинулся и, послѣ двухъ переходовъ, снова остановился, *какъ для необходимаго отдыха войскъ, такъ и для снабженія оныхъ новыми продовольственными припасами!* И гдѣ же? Въ землѣ, на коей оставлены были огромные магазины непріятельскіе; въ землѣ, противу насъ возставшей и изобилующей всѣми родами съѣстныхъ припасовъ; на шестисуточномъ разстояніи отъ непріятеля и, имѣя съ собой одиннадцатисуточный запасъ продо-

вольствія! Если это называется воевать, то какъ назовемъ мы походы Фридриховскіе, наполеоновскіе, суворовскіе и предшествовавшихъ имъ полководцевъ? Дошли-ли бы до насъ имена Александра, Аннибала и Цесаря, еслибъ на каждомъ второмъ переходѣ они, имѣя при себѣ достаточное количество провіанта, останавливали войска свои для отдохновенія и ожиданія подвозовъ съ пищею въ краяхъ, ею изобилующихъ?

Впрочемъ, это не новая уловка главнокомандующихъ нашими арміями. Я отслужилъ четырнадцать кампаній и почти въ каждой изъ нихъ читалъ по нѣскольку разъ подобнаго рода оправданія, посылаемыя ими правительству. Забавныя оправданія! Армія не можетъ идти впередъ, потому что еще подвозы съ запасами къ ней не прибыли. Но развѣ войско, стоя на мѣстѣ, можетъ обойтись безъ пищи? А если оно употребляетъ не менѣе пищи во время стоянки, какъ и на походѣ, и пищу эту получаетъ отъ жителей края, имъ занимаемаго, то не лучше ли ему утолять голодъ, подвигаясь впередъ, чѣмъ стоя на одномъ мѣстѣ? Тѣмъ болѣе, что отъ неподвижнаго пребыванія арміи край, ею занимаемый, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изнуряется и не въ состояніи прокормить ея и жителей. При движеніи же впередъ, она на каждомъ шагу находитъ народонаселеніе свѣжее и еще не раздѣлившее съ войсками пропитанія своего, слѣдовательно обладающее большею возможностію прокормить войска, чѣмъ то, которое понесло уже ущербъ въ своихъ запасахъ. Если бы впереди находящійся край былъ, подобно аравійской пустынѣ, лишенъ скота и хлѣба, тогда безъ сомнѣнія нельзя вступить въ него безъ огромныхъ запасовъ провіанта изъ магазиновъ, предварительно устроенныхъ въ хлѣбородныхъ областяхъ, съ нею граничившихъ. Но во всѣхъ европейскихъ войнахъ области, прилегающія спереди, съ боковъ и съ тыла къ той, въ коей полководецъ останавливаетъ армію свою для ожиданія подвозовъ, почти столь же изобильны продовольствіемъ, сколь и она сама. Это разсужденіе не свыше понятій самаго обыкновеннаго человѣка. Что же причиною, что всегда пропадаетъ такъ много времени въ бездѣйствіи, подъ предлогомъ поджиданія подвозовъ съ провіантомъ? Не вслѣдствіе ли опасенія генеральнаго сраженія съ непріятелемъ, этого роковаго удара, рѣшающаго въ нѣсколько часовъ судьбу всего похода? Вотъ истинная тому причина; поджиданіе же подвозовъ только отговорка, и такъ быть должно. Самое превосходно-обдуманное и данное на выгоднѣйшемъ мѣсто-

положеніи генеральное сраженіе зависитъ отъ большихъ или меньшихъ случайностей, а чтобы любить случайности надо быть преисполнену поэзіею ремесла нашего, исключительно поэтическаго, и потому непостижимаго для людей, руководимыхъ единою разсчетливостью, ничего не оставляющею на произволъ случая, ничего не ввѣряющею порывамъ вдохновенія. Нужно имѣть твердую, высокую душу, жаждущую сильныхъ ощущеній, безъ вліянія ихъ на умъ, ни отъ чего не смущающійся и всегда дѣятельный, на волю, сплавленную въ единый слитокъ, и на мнѣніе о себѣ полное неистощимаго запаса увѣренности въ способности творить успѣхи тамъ, гдѣ посредственность видитъ одну лишь гибель. Какъ же послѣ того могли-бы предпринять что либо отважное полководцы покроя обыкновеннаго, дарованій сомнительныхъ и теряющіе силу соображеній при малѣйшемъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ? Какъ рѣшаться имъ на сшибку грудь съ грудью съ непріятелемъ, на сшибку, могущую въ одинъ день, а иногда и въ одинъ часъ времени ниспровергнуть въ прахъ весь мозаическій слѣпокъ ихъ хрупкихъ репутацій? Вотъ почему полководцы эти прилѣпляются какъ ростовщики къ скопленному ими, всѣми позволительными и непозволительными способами, капиталишку, рискуя имъ не иначе какъ мелкою монетою, по денежкамъ и по копѣечкамъ, въ огромной понтировкѣ армій и народовъ. Вотъ почему они довольствуются ожиданіемъ, при выигрышѣ, арендъ, чиновъ, лентъ, а при проигрышѣ, наказанія соразмѣрнаго съ подобными наградами; тогда какъ въ этой же понтировкѣ полководцы размѣра Фридриха, Наполеона, Суворова, ставятъ на одну карту весь капиталъ необъятныхъ побѣдъ, ими пріобрѣтенныхъ, и выигрываютъ цѣлыя государства, или проигрываютъ *все* до собственной жизни, до собственной свободы, какъ Аннибалъ и Наполеонъ, оставивъ славѣ своей лишь безсмертіе на *пропитаніе*.

Стоянка Дибича въ окрестностяхъ Ломзы и Высокомазовецка продолжалась трое сутокъ, тогда какъ слѣдовало бы ей продолжаться не болѣе того времени, которое нужно было для сваренія каши и легкаго отдыха. 30 января армія выступила въ походъ, но уже не на Вышковъ, а круто вправо на Броки и Нуръ, дабы безпрепятственнѣе и поспѣшнѣе переправиться чрезъ Бугъ, подъ предлогомъ опасенія скораго вскрытія рѣки. Вотъ что пишетъ о томъ Дибичъ: „Внезапно наступившій югозападный вѣтеръ „произвелъ такую перемѣну въ температурѣ, что, послѣ двадцати

„градусовъ мороза, 29 числа всѣ поля были уже обнажены отъ снѣгу, „дороги сдѣлались крайне затруднительными, рѣчки разлились „и должно было опасаться, что всякое сообщеніе между обоими „берегами Буга неминуемо прекратится, а посему надлежало „поспѣшить переходомъ всей арміи на лѣвый берегъ сей рѣки, „гдѣ край представляетъ лучшія сообщенія.“ . . . . . Правда, что во время трехъ-суточнаго замедленія арміи нашей въ Ломзѣ и Высоко-Мазовецкѣ, наступила сильная оттепель, но въ эту часть года, т. е. въ концѣ января, нельзя было ожидать никакаго рѣшительнаго появленія весны. Если поля обнажились отъ снѣга и дороги сдѣлались грязными, то грязь эта была на одной только поверхности дорогъ, грунтъ же ихъ оставался твердымъ и еще далеко было до разлитія рѣкъ, ибо самый Бугъ былъ безпрепятственно перейденъ по льду гренадерскимъ корпусомъ князя Шаховскаго, *шестнадцать дней* послѣ появленія означенной оттепели, а *Висла вскрылась только въ началѣ марта.* Такъ всегда бываетъ въ той части Польши. Для чего же приписывать отступленіе отъ начально-избраннаго предначертанія — опасности, которая будто бы угрожала намъ вслѣдствіе близкаго вскрытія Буга? Пользуясь вполнѣ правами главнокомандующаго, не отъ Дибича ли зависѣло дѣйствовать какъ ему заблагоразсудится? Не обладалъ ли онъ полною волею слѣдовать по направленію, для него удобнѣйшему? Если прямой путь къ непріятелю представлялъ затрудненія, были пути и вправо и влѣво: ступай тѣмъ или другимъ, все хорошо; не ходи только тѣмъ, который ведетъ обратно въ Россію. Зачѣмъ же избирать кривой путь въ сношеніяхъ съ правительствомъ? На это врядъ ли онъ имѣлъ разрѣшеніе? Но положимъ, что измѣненіе начальнаго предначертанія произошло отъ причины, изъясненной въ разбираемомъ нами рапортѣ, и поспѣшность, употребленная для перехода на лѣвый берегъ Буга, основывалась на намѣреніи избѣжать всякое значительное препятсвіе между нашею арміею и непріятельскою, слѣдовательно новое предначертаніе ручалось въ быстрѣйшемъ достиженіи главныхъ непріятельскихъ силъ и скорѣйшей развязкѣ возникшихъ споровъ — генеральнымъ сраженіемъ? Всѣмъ извѣстно, что для такаго рѣшительнаго удара превосходство въ числительной силѣ *весьма не лишнее* по той причинѣ, что съ гораздо большею вѣроятностію можно надѣяться на побѣду съ 98-тысячною, чѣмъ съ 78-тысячною массою, при нападеніи ея на 73-тысячную. Сверхъ того, однимъ изъ

непростительныхъ стратегическихъ проступковъ почитается движеніе арміи двумя путями противъ одного пути, между ними находящагося и занятаго непріятелемъ, — особенно, если эти два пути отдѣлены одинъ отъ другаго естественными преградами, напримѣръ: рѣками, озерами, болотами и проч. Для какаго же предмета оставленъ былъ весь гренадерскій корпусъ князя Шаховскаго и отрядъ генерала Мандерштерна около Ломзы, на ковенскомъ шоссе, лежащемъ на правомъ берегу Нарева, во время перехода главной нашей арміи на лѣвый берегъ Буга и при переносѣ ея дѣйствія на Брестское шоссе? Тѣмъ болѣе, что точка соединенія обоихъ шоссе была въ рукахъ непріятельской арміи, расположенной впереди этой точки, не въ дальнемъ отъ нея разстояніи. Что мѣшало обратить и корпусъ Шаховскаго и отрядъ Мандерштерна вслѣдъ за нашею арміею, для которой войска эти составили бы резервъ и усилили бы ее чрезъ это 20-ю тысячами человѣкъ и 72-мя орудіями, вмѣсто того, чтобы вслѣдствіе очищенія Ковенскаго пути опасаться непріятельскаго вторженія по оному къ Вильнѣ? Но объ этомъ вторженіи непріятель не могъ имѣть тогда ни малѣйшаго помышленія. Рѣшился ли бы начальникъ польской арміи залетѣть всѣми силами за 500 верстъ отъ Варшавы, при движеніи всей нашей арміи по Брестскому шоссе къ столицѣ? Я увѣренъ, что если непріятелю и пришла мысль двинуться по этому направленію, то она явилась по той причинѣ, что онъ могъ увлечься желаніемъ истребить корпусъ вчетверо слабѣйшій противу польской арміи, который оставленъ былъ въ Ломзѣ, на защиту этого пути, и только лишь потому, что вышеозначенный корпусъ удаленъ былъ отъ нашихъ главныхъ силъ. Слѣдовательно корпусъ Шаховскаго, вмѣсто охраненія ковенскаго шоссе, служилъ лишь приманкою для польской арміи, съ которой онъ, по великому превосходству ея въ силахъ, не могъ и полусутокъ бороться. Я предоставляю читателю судить, что произошло бы, еслибъ, по разбитіи этого корпуса при Ломзѣ, непріятель, не довольствуясь своимъ успѣхомъ, двинулся бы немедленно къ Бугу и далѣе въ тылъ арміи нашей, направляющейся къ Варшавѣ? Какое вліяніе возымѣло бы на духъ польской арміи и польской націи извѣстіе о разбитіи 20 тысячнаго корпуса нашего, при самомъ открытіи военныхъ дѣйствій? Въ какое положеніе это обстоятельство поставило бы Дибича, находившагося между вооруженною Варшавою, предмостнымъ Прагскимъ укрѣпленіемъ, Модлинской крѣпостью

и польской арміей, устремляющейся на него съ тылу и могущей легко захватить всѣ его запасы, парки и резервы? Кромѣ того, непріятель истребленіемъ гренадерскаго корпуса значительно бы возвысилъ нравственный духъ своихъ войскъ. Мнѣ скажутъ, что такое движеніе было бы чрезмѣрно отважно? Согласенъ, но такими лишь движеніями и пріобрѣтаются огромные успѣхи, спасаютъ отечество, живутъ въ потомствѣ. Размѣренныя, систематическія движенія заранѣе разсчитаны посредственностью и принаровлены къ мѣстности, какъ разводъ къ городской площади; всякій знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ, и куда итти, и куда придти, и что каждому изъ фигурантовъ надлежитъ дѣлать. Но эти вспышки генія непредвидимы и неизсчислимы по своимъ послѣдствіямъ, ибо они не только поражаютъ духъ непріятельскихъ войскъ, но ошеломляютъ, отуманиваютъ главнаго начальника, ниспровергая всѣ его предначертанія. Съ планами, съ обѣихъ сторонъ по канвѣ разсчисленными и систематически размѣренными, кампанія можетъ продолжаться для обѣихъ сторонъ до изнеможенія силъ, какъ менуэтъ вѣка Людовика XIV; но нѣтъ такой глубоко обдуманной, систематической кампаніи, которая была бы въ состояніи выдержать одно, а много два движенія подобныхъ тому, какое слѣдовало бы предпринять князю Михаилу Радзивилу, при представленномъ выше распорядкѣ графа Дибича. И да не подумали бы, что подобнаго рода движенія никогда не были приводимы въ исполненіе? Кто усомнится въ этомъ, пусть раскроетъ описаніе кампаніи Наполеона въ 1796 году въ Италіи. Пусть взглянетъ на карту и представитъ себѣ Вислу, — вмѣсто Адижа; польскую армію вмѣсто французской, Варшаву вмѣсто Вероны; российскую армію вмѣсто австрійской; Дибича вмѣсто Вурмзера; Радзивила вмѣсто Наполеона; дорогу, идущую отъ Бреста къ Варшавѣ — вмѣсто дороги, ведущей отъ Тревизы къ Веронѣ; Давидовича, расположеннаго при Трентѣ, вмѣсто Шаховскаго, расположеннаго при Ломзѣ; дорогу, идущую на Трентъ и далѣе къ Ботцену, — вмѣсто Ковенской дороги; движеніе Вурмзера отъ Бассано къ Веронѣ — вмѣсто движенія Дибича отъ Брокъ и Нуры къ Варшавѣ; разбитіе Наполеономъ Давидовича при Трентѣ — вмѣсто разбитія, угрожавшаго Шаховскому подъ Ломзою; движеніе отъ Трента по Саганской дорогѣ къ Бассано, — вмѣсто движенія, которое Радзивилъ долженъ былъ предпринять отъ Ломзы къ Бугу и за Бугъ въ тылъ Дибичу, послѣ разбитія Шаховскаго. Что же касается до движе-

нія къ Вильнѣ малою частію арміи, то могло ли оно быть предпринято, тогда какъ все еще было спокойно въ Литвѣ, гвардейскій отрядъ находился въ окрестностяхъ Вильны и второй пѣхотный корпусъ былъ расположенъ около Минска? Да и какой сумасбродный полководецъ осмѣлился бы отдѣлять на второстепенное и весьма гадательное предпріятіе какую либо часть войскъ отъ массы, ожидающей съ часу на часъ рѣшительной борьбы съ подвигавшеюся къ ней, сосредоточенною непріятельскою арміею? И такъ мнѣ кажется, что не лишнее было бы Дибичу присоединить къ нашей главной арміи войска Шаховскаго и Мандерштерна.

12-го марта, графъ Тиманъ и я прибыли въ главную квартиру, но Граббе насъ опередилъ сутками. Всѣ подняли меня на руки, прежде нежели я былъ допущенъ до высшихъ вождей. Генералъ-квартирмейстеръ Нейдгардтъ принялъ меня по дружески. На другой день мы съ Тиманомъ представлялись фельдмаршалу, который, принявъ насъ въ кабинетѣ, очень обласкалъ меня, и, говоря со мной, безпрестанно повторялъ: „Денисъ Васильевичъ.“ Онъ звалъ меня обѣдать и, посадивъ возлѣ себя, говорилъ много, шутилъ и подливалъ мнѣ и себѣ много вина, разспрашивалъ объ Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ, съ которымъ онъ такъ благородно поступилъ въ Грузіи. [1]) Отведя меня въ сторону, онъ прибавилъ: „я для васъ готовлю хорошее мѣсто; подождите немного; завтра пріѣдетъ графъ Толь, мы съ нимъ объ этомъ „потолкуемъ.“ На другой день по пріѣздѣ Толя я поспѣшилъ къ нему. Онъ, увидавъ меня, бросился ко мнѣ и обнялъ съ слѣдующими словами: „здравствуй, любезный и милый Денисъ, жду тебя „сто лѣтъ, послужимъ вмѣстѣ, найду тебѣ дѣло и славное.“ Въ тотъ же день за обѣдомъ у фельдмаршала, возлѣ котораго сидѣлъ Толь, этотъ генералъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ ему: „Ваше сіятельство, надобно дать ему славное мѣсто, это давнишній мой другъ и пріятель съ самаго 1812 года.“ — „Да, да, „непремѣнно, отвѣчалъ фельдмаршалъ, я васъ только дожидался.“

---

[1]) За обѣдомъ графъ Дибичъ, вспоминая о Грузіи, говорилъ: „Каргановъ „разсорилъ Ермолова съ Паскевичемъ, которымъ совершенно овладѣлъ; онъ „увѣрилъ его, что Ермоловъ посылалъ его подъ Елизаветполь на вѣрную гибель и что даже непремѣнно хочетъ отравить его. Когда я самъ заболѣлъ, „входитъ ко мнѣ Каргановъ съ разстроеннымъ лицомъ и объявляетъ мнѣ, по „секрету, что онъ знаетъ навѣрное, что Ермоловъ отравилъ меня; но я закричалъ: *вонъ отсюда, мерзавецъ!*“

Въ мѣстечкѣ Шеницѣ, 15 марта, я получилъ предписаніе отъ главнокомандующаго, слѣдующаго содержанія:

„Господину генералъ-маіору и кавалеру Давыдову:

„Съ полученія сего имѣете ваше превосходительство отправиться въ городъ Люблинъ, гдѣ явитесь къ генералу отъ кавалеріи графу Витту, — командиру отдѣльнаго корпуса въ Люблинскомъ воеводствѣ и коему при семъ прилагается предписаніе, относительно вашего назначенія, которое состоитъ въ томъ, „чтобы дѣйствовать въ родѣ летучаго отряда и составлять въ „то же время и передовую стражу войскъ, въ Люблинѣ и около „сего города квартирующихъ. Ввѣряемый вамъ отрядъ состоитъ изъ казачьихъ полковъ: Катасанова, Платова и Кареева, „имѣющихъ въ подкрѣпленіе финляндскій драгунскій полкъ, расположенный нынѣ въ Красноставѣ, по дорогѣ отъ Люблина къ „Замостью. *Главная обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы „наблюдать за движеніями Дверницкаго, находящагося нынѣ въ „отрядомъ изъ 8-ми или 10-ти тысячь человѣкъ въ сей крѣпости „и ея окрестностяхъ.*“

„Предметъ его дѣйствій, можетъ быть: съ переходомъ нашимъ за Вислу, сдѣлать поискъ къ Люблину, или партіями стараясь взволновать край между Вепржемъ и Бугомъ, или наконецъ, оставя сію пѣхоту съ частью артиллеріи въ Замостьѣ, а „всею кавалеріею (въ числѣ коей суть: 5-й и 6-й эскадроны отъ „1-го, 2-го, 3-го и 4-го конно-егерскихъ и 1-го, 2-го, 3-го и „4-го уланскихъ полковъ и четыре полка кракусовъ, каждый въ „три эскадрона, что и составляетъ всего 28 эскадроновъ, (выводящихъ въ строй не болѣе 10-ти рядовъ, или 2800 человѣкъ на „конѣ), стараться изъ Замостья пробраться чрезъ Раховъ на „лѣвый берегъ. Первыя два предположенія менѣе вѣроподобны, „паче если онъ узнаетъ, что въ Устилугѣ собраны довольно „значительныя силы нашихъ войскъ, при коихъ есть и казачій „полкъ Попова 3-го, въ Грибешовѣ расположенный и имѣющій „повелѣніе открывать всѣ движенія мятежниковъ со стороны „Замостья. Третій случай требуетъ большой бдительности, чтобы „мятежники, скрывъ отъ васъ свои движенія, не успѣли бы въ „превосходныхъ силахъ напасть на генерала барона Крейца, въ „Уржендовѣ находящагося, и, удаливъ его, пробраться на лѣвый „берегъ Вислы. Извѣстная опытность вашего превосходительства укажетъ вамъ способы, какъ остеречь войска наши отъ „внезапнаго непріятельскаго появленія, а между тѣмъ и средства

„къ безпрестанному его безпокойству, дѣлая на него частыя „поиски. Для сего необходимо нужно вамъ быть въ весьма „тѣсной связи съ генералъ-лейтенантомъ, барономъ Крейцомъ, „*у коего состоять вамъ въ прямой зависимости* и ежедневно до„носить о происходящемъ, какъ къ нему въ Урженндовъ, такъ и „графу Витту въ городъ Люблинъ, дабы, на случай движенія „Дверницкаго на генерала барона Крейца, могли бы вы сблизить„ся къ нему и соединенно нанести превосходствомъ вашихъ силъ „мятежнику пораженіе. Также нужно будетъ сохранять отъ вре„мени до времени сношеніе съ Устилугомъ, съ командиромъ та„мошнихъ войскъ, генералъ-маіоромъ Лошкаревымъ.“

Генералъ-фельдмаршалъ, графъ Дибичъ-Забалканскій.
No. 1,141
15 марта 1831 года
М. Шеница.

Извѣстно, что въ это время фельдмаршалъ готовился къ переходу чрезъ Вислу, и для того избралъ мѣсто между рѣкою Вепржемъ и Прагою, противъ мѣстечка Рыки, гдѣ приготовлены были всѣ нужные матеріалы для построенія мостовъ въ нѣсколько часовъ времени. Изъ размѣщенія войскъ ясно видно, что для прикрытія главныхъ силъ арміи, во время ихъ переправы, фельдмаршалъ оставилъ, вправо отъ нихъ, 6-й пѣхотный корпусъ у *Дембельвеке*, на шоссе, идущемъ изъ Варшавы къ *Брестъ-Литовску* и влѣво сводный корпусъ генерала Крейца въ Люблинскомъ воеводствѣ.[1]) Изъ корпуса Розена, отрядъ подъ командою Гейсмара поставленъ былъ въ *Милоснѣ*, для наблюденія за непріятельской арміей, занимавшей Варшаву, а аванпосты отряда сего находились у самой Прагской заставы. Изъ корпуса Крейца, отрядъ подъ моимъ начальствомъ долженъ былъ расположиться въ *Красноставѣ*, для надзора за корпусомъ Дверницкаго, находившимся подъ Замостьемъ и въ окрестностяхъ этой крѣпости. Изъ всего этого ясно видно, что важнѣйшія обязанности въ то время лежали на Гейсмарѣ и на мнѣ, ибо мы были *истинными очами* главной арміи.

Мы должны были неотлучно находиться съ глазу на глазъ

---

[1]) Въ данной мнѣ инструкціи упомянуто о генералѣ графѣ Виттѣ, но графъ Виттъ въ день пріѣзда моего въ Люблинъ, 22 марта, получилъ повелѣніе: поступить обратно въ составъ главной арміи съ большею частію своего корпуса и усилить нѣсколькими полками корпусъ Крейца, заступившій его мѣсто въ Люблинскомъ воеводствѣ.

съ непріятелемъ и извѣщать о малѣйшемъ его движеніи, которое могло быть намъ опаснымъ во время нашего движенія.

Сверхъ того, какъ видно изъ инструкціи, намъ надлежало, и послѣ переправы арміи, продолжать наблюденія наши за тѣмъ же непріятелемъ, для воспрепятствованія ему возбуждать волненія и возстанія въ краю, лежащемъ между Вислою и Бугомъ.

Кто не сознается, что для достиженія цѣли, для коей составлены были отряды наши, необходимо слѣдовало оставить насъ независимыми: Гейсмара отъ Розена, а меня отъ Крейца, ограничивъ отношенія наши одними частыми извѣщеніями о происходящемъ? Безъ этого невозможно было бы имѣть вѣрнаго наблюденія, ибо отъ непосредственной подчиненности Гейсмара Розену, а меня Крейцу, начальники наши могли, по неосновательнымъ извѣстіямъ жителей или лазутчиковъ, перемѣщать насъ: Гейсмара къ *Модлину* или къ *Оссеку*, а меня къ *Рахову* или *Хальшу*, и отвлекать насъ отъ главнаго предмета, указаннаго Дибичемъ, куда имъ заблагоразсудится. Гейсмару и мнѣ при независимомъ положеніи представлялась только одна обязанность: ему стоять у Праги и наблюдать непріятельскую армію у главнаго ея выхода, мнѣ стоять у *Красностава* и наблюдать за Дверницкимъ, расположеннымъ у Замостья; намъ обоимъ надлежало немедленно извѣщать о малѣйшемъ движеніи находившихся противъ насъ войскъ, какъ главную армію, такъ и Гейсмару — Розена, а мнѣ — Крейца.

Въ вышепредставленной мною инструкціи, я не безъ намѣренія подчеркнулъ двѣ статьи, одна другую уничтожающія: во первыхъ ту, въ коей излагается весь духъ даннаго мнѣ порученія, т. е. надзоръ за движеніями Дверницкаго, а во вторыхъ — о подчиненности моей Крейцу. Къ чему же столь подробное наставленіе чиновнику, коего другой, старшій ему чиновникъ, могъ однимъ словомъ отвлечь отъ предмета, ему указаннаго, и чрезъ то разстроить всѣ виды главнокомандующаго, изложенные въ этой бумагѣ? Не лучше ли было бы прямо и просто сказать: „Ваше превосходительство подчиняетесь генералу барону „Крейцу, отъ коего получите всѣ нужныя наставленія.“ И все тутъ. Покрайней мѣрѣ чрезъ то главный штабъ арміи избавился бы, и отъ потери времени на сочиненіе мнѣ инструкціи, и отъ лишняго расхода чернилъ и бумаги.

Эта зависимость Гейсмара отъ Розена, а моя отъ Крейца произошла не отъ сомнѣнія въ точномъ исполненіи Гейсмаромъ и мною данныхъ намъ порученій, ибо въ такомъ случаѣ избрали

бы не насъ, а другихъ; а единственно отъ педантическаго охраненія правъ чиноначалія. Главнокомандующій счелъ необходимымъ, чтобы Гейсмаръ, [1]) командовавшій частію войскъ, отдѣленныхъ отъ 6-го пѣхотнаго корпуса, и имѣвшій вблизи этотъ корпусъ, находился въ непосредственной подчиненности у корпуснаго командира; та же мысль господствовала и при составленіи моей инструкціи.

Будучи солдатомъ тридцать-два года сряду, я не возстаю противъ долга подчиненія младшаго старшему, но, изучивъ ремесло свое и вникнувъ въ него, по мѣрѣ способностей, дарованныхъ мнѣ природою, я думаю, что есть случаи, въ которыхъ главному начальнику необходимо переступать за черту обыкновенія. Это можно было сдѣлать въ особенности для начальника отряда, указавшаго еще въ 1812 году на пользу партизановъ, коихъ обязанности должны быть чужды вліянію всякаго надъ ними начальства, исключая главнаго.

Въ строгомъ смыслѣ зависимость Гейсмара могла быть еще нѣсколько допущена, такъ какъ корпусъ Розена, главная армія и корпусъ Крейца стояли по одному протяженію и были обращены лицемъ къ общему имъ направленію, имѣя, каждая изъ этихъ трехъ частей, собственно принадлежащій ей авангардъ; однимъ изъ авангардовъ могъ почитаться и отрядъ Гейсмара. Но Дверницкій, находясь около *Замостья*, былъ совершенно отдѣленъ отъ польской арміи, занимавшей Варшаву, слѣдовательно и отрядъ мой, назначенный для наблюденія за нимъ, долженъ былъ быть, подобно ему, отдѣленъ отъ нашей арміи, которая, какъ и главная непріятельская, были расположены за Вислою. Послѣ этого само собою разумѣется, что отряду этому, ни подъ именемъ авангарда, ни подъ какимъ либо другимъ названіемъ или предлогомъ, не слѣдовало принадлежать къ корпусу Крейца. Этотъ корпусъ, подобно корпусу Розена, находясь въ составѣ главной арміи, былъ подчиненъ общей системѣ дѣйствій и составлялъ отдѣльное лѣвое, какъ корпусъ Розена отдѣльное правое крыло главныхъ силъ нашихъ, обращенныхъ лицемъ къ

---

[1]) Генералъ баронъ Гейсмаръ, не показывавшійся своимъ войскамъ часто въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ, обнаружилъ въ польской войнѣ замѣчательную неспособность; блистательнымъ успѣхомъ своимъ въ войнѣ съ турками, въ 1828 году, онъ былъ исключительно обязанъ отличнымъ распоряженіямъ своего начальника штаба, полковника Граббе. —

Вислѣ, т. е. въ сторону, почти противоположную той, къ коей обращенъ былъ мой отрядъ, занимавшій *Красноставъ* и наблюдавшій Дверницкаго, стоявшаго около *Замостья*.

Стоитъ только бросить взглядъ на карту и вспомнить размѣщеніе войскъ нашихъ въ то время, чтобы удостовѣриться, что истинный авангардъ Крейца находился между Вепржемъ и Юзефовымъ подъ командою генерала Пашкова; авангардъ же главной арміи, выступившей тогда изъ *Шеницы,* чрезъ *Желиховъ,* къ *Рики,* охранялъ правый берегъ Вислы, упираясь въ Вепржу; авангардъ Розена, подъ командою Гейсмара, стоялъ предъ *Прагою.* Польза независимости моего отряда и неудобство подчиненности, которою меня [оковали, окажутся въ своемъ мѣстѣ.

Достойно замѣчанія и то, что въ инструкціи, Дибичемъ мнѣ данной, изложены только три предположенія: 1-е предпріятіе Дверницкаго между Вепржемъ и Бугомъ на *Брестъ-Литовскій;* 2-е) движеніе его къ *Люблину* въ тылъ корпуса Крейца, расположеннаго около *Урженлова* и 3-е) движеніе, чрезъ Раховъ на Вислу, для соединенія съ главною польскою арміею; но ни слова не было сказано о возможности вторженія его на Волынь и далѣе, что однако не могло не броситься въ глаза. И въ самомъ дѣлѣ, не достаточно ли ручались въ этомъ вторженіи: 1-е) удобство положенія Замостья, подъ пушками котораго находился корпусъ Дверницкаго, 2-е) обнаженіе отъ войскъ нашихъ Волынской, Подольской и Кіевской губерній? Хотя изъ инструкціи и видно, что въ Устилугѣ стоялъ генералъ-маіоръ Лошкаревъ, но онъ командовалъ только слабымъ отрядомъ, подкрѣпленнымъ сводным корпусомъ генерала Ридигера, весьма еще малочисленнымъ по случаю неприбытія всѣхъ войскъ, въ составъ его назначенныхъ. Онъ былъ слѣдовательно весьма недостаточнымъ для отраженія десятитысячнаго корпуса Дверницкаго, привыкшаго одерживать успѣхи и составленнаго изъ кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи. 3-е) естественная невозможность царства польскаго продолжать борьбу съ Россіею, безъ распространенія мятежа въ западныхъ губерніяхъ, что не иначе можно было привести въ дѣйствіе, какъ посредствомъ войскъ, отдѣленныхъ отъ главной арміи мятежниковъ, и наконецъ 4-е) духъ вражды ко всему русскому, господствовавшій искони во всѣхъ западныхъ губерніяхъ, и усилившійся со времени возстанія царства, успѣховъ нашихъ подъ *Милосной* и Гроховымъ, коими главнокомандующій нашъ не умѣлъ воспользоваться, и также частныхъ по-

раженій, нанесенныхъ Дверницкимъ Гейсмару и Крейцу, пораженій, преувеличенныхъ недоброжелателями Россіи. Если бы Дверницкій, по переправѣ чрезъ Вислу въ Пулавѣ и по изгнаніи Крейца изъ *Люблина*, въ исходѣ февраля, ограничился занятіемъ этого центральнаго пункта южной части театра войны, тогда не было бы возможности предусмотрѣть вторженія его на Волынь. Все, что можно было бы предвидѣть, это набѣги его изъ *Люблина* къ *Сѣдлецу*, или къ Біалѣ, т. е. на путь сообщенія нашей арміи съ Брестомъ или на ея лѣвый флангъ, во время расположенія ея около *Шеницы, Паризова, Литовичь* и *Сточека*, или быстрое отступленіе его обратно за эту рѣку, (находившуюся отъ него на разстояніи лишь одного сильнаго суточнаго перехода) въ случаѣ движенія на него части арміи нашей изъ-за Вепржа. Но когда, по занятіи *Люблина*, по вскрытіи Вислы, при неимѣніи ни моста, ни паромовъ на этой рѣкѣ, Дверницкій, оставивъ Люблинъ, двинулся къ Замостью, — тогда не трудно было, видя, что онъ совершенно отдѣляется отъ главной польской арміи, постичь истинное его направленіе, долженствовавшее непремѣнно простираться гораздо далѣе Замостья; можно было отгадать, что цѣлію его похода Волынская губернія, ибо какой, мало мальски понимающій ремесло свое, начальникъ рѣшится предать въ руки непріятеля кратчайшее и, можно сказать, единственное сообщеніе свое съ своею главною арміею, для того только, чтобы поглядѣть на крѣпость, вовсе въ немъ не нуждавшуюся ни для усиленія своего гарнизона, ни для снабженія себя оружіемъ; напротивъ, прибытіе туда новыхъ силъ должно было уменьшить средства пропитанія, получаемыя ею изъ окрестностей?

Не взирая на то, весьма ясно видно, что нашъ главнокомандующій не только не постигъ возможности этого вторженія, но и первыя два предположенія, болѣе третьяго съ нимъ сходныя по своему наступательному свойству, бросилъ въ данную мнѣ инструкцію такъ — par acquit de conscience, чтобы не совсѣмъ быть грѣшнымъ предъ алкораномъ нѣмецкой методики. Главное вниманіе обращено было на прегражденіе Дверницкому обратнаго отступленія за Вислу.

Вотъ для чего и помѣщенъ былъ одинъ изъ полковъ моихъ въ *Желкевкѣ* и въ *Высокомъ*, съ повелѣніемъ ему дѣлать разъѣзды за *Щербжечинъ* и *Франполь;* вотъ для чего и помѣщенъ былъ корпусъ Крейца не въ *Люблинѣ*, а въ *Урженндовѣ*, ближе

къ пути отступленія Дверницкаго, о чемъ онъ не гадалъ и не думалъ.

Мнѣ слѣдовало бы выѣхать изъ Шеницы немедленно по полученіи инструкціи. Уже товарищи мои, Граббе и графъ Тиманъ, разъѣхались по мѣстамъ, имъ назначеннымъ. Первый, на второй день по пріѣздѣ нашемъ, въ первый пѣхотный корпусъ, гдѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба; послѣдній, на третій день, въ отрядъ Гейсмара, бригаднымъ командиромъ конноегерскихъ полковъ Тираспольскаго и Арзамасскаго. Нѣкоторыя лично до меня касавшіяся обстоятельства задержали меня и я, противъ воли, долженъ былъ остаться въ *Шеницѣ* до 16 числа.

Независимо отъ моего одиночества, главная квартира сама собою мнѣ смертельно надоѣла! Въ теченіи службы моей, я никогда не служилъ при главныхъ квартирахъ, но случалось мнѣ быть присылаему туда, или съ извѣстіями, или за приказаніями отъ князя Петра Ивановича Багратіона, безсмѣннаго начальника авангардовъ нашихъ армій, во время войнъ наполеоновскихъ, у коего я имѣлъ честь и счастіе быть адъютантомъ пять лѣтъ сряду. Въ послѣдствіи, командуя самъ отдѣльными частями, я былъ призываемъ въ главныя квартиры, для доставленія свѣдѣній о непріятелѣ и полученія секретныхъ приказаній для внезапныхъ на него нападеній. Я помню главную квартиру Бенингсена, въ 1806 и 1807 годахъ, въ восточной Пруссіи; я помню главную квартиру графа Каменскаго, въ Турціи; я помню главную квартиру Кутузова, въ великій годъ войны отечественной; — не говорю уже о главныхъ квартирахъ Шварценберга и императора Александра, въ 1813 и 1814 годахъ. Какое многолюдство! Какая роскошь, какія веселости всякаго рода! Это были подвижныя столицы со всѣми ихъ очарованіями! Было гдѣ нашему брату, авангардному жителю, пристать и осушить платье, загрязненное на бивакахъ, обмыть пахнувшіе порохомъ усы въ бокалахъ шампанскаго, натѣшиться разговорами и обмѣномъ остроумія въ любезнѣйшихъ обществахъ, напитаться свѣжими политическими новостями и отдохнуть отъ всечаснаго: *Кто идетъ? Садись!* и отъ безпрестанныхъ распросовъ: *Гдѣ непріятель? Сколько? Пѣхота или конница? Есть ли пушки?* . . . . и проч.

Но въ этой войнѣ, главная квартира напоминала колонію квакеровъ, или обитель трапистовъ. Конечно, я не могъ жаловаться за себя; фельдмаршалъ удостоилъ меня отлично благо-

склоннымъ пріемомъ. Сверхъ того и начальникъ главнаго штаба, по пріѣздѣ своемъ изъ *Люблина*, обошелся со мною, можно сказать, совершенно по дружески, за что я обоимъ имъ душевно благодаренъ; но справедливость не дозволяетъ умолчать, что какъ для меня, такъ и для другихъ ничего не было утомительнѣе этой печальной, педантической, аккуратной въ распредѣленіи времени главной квартиры, гдѣ видимо преобладала крайняя нерѣшительность. Въ ней все наводило истинную тоску и грусть: пустота на улицахъ, нигдѣ пяти человѣкъ вмѣстѣ, кромѣ караула главнокомандующаго, или такъ называемыхъ дѣловыхъ людей! Эти послѣдніе, то отправлявшіеся безмолвно въ канцеляріи, то отсюда къ фельдмаршалу, представляли собою какъ бы процессію церковнаго причта, ходящаго съ запасными дарами къ лежащему на смертномъ одрѣ грѣшнику. Имъ не доставало только продолжительнаго колокольнаго звона и псалмопѣнія: а квартира фельдмаршала, подобно святынѣ, не иначе была доступна для насъ, какъ во время скуднаго и скучнаго его обѣда. Все это было хорошо для стяжанія царства небеснаго, но не для покоренія царства польскаго. Русской арміи необходима блистательная, многолюдная, шумная, веселая, роскошная главная квартира, или скромная, но *побѣдная*,[1]) подобная Суворовской. Если гдѣ нибудь можно извлечь какую нибудь пользу изъ веселыхъ и любезныхъ, но ни къ какому дѣлу неприкладныхъ тунеядцевъ, то это въ русскихъ главныхъ квартирахъ, откуда громъ музыки и разливной хохотъ молодежи всюду распространяется; сколько я примѣтилъ, это всегда повторяется во всѣхъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и полковыхъ штабахъ и рождаетъ то расположеніе духа въ войскахъ, которое есть залогъ успѣха; разумѣется только тогда, когда при веселости, возбуждающей бодрость въ массахъ, мы видимъ въ главной квартирѣ и глубоко обдуманныя предпріятія и быстрое, неизмѣнное исполненіе единожды избраннаго намѣренія.

Независимо отъ унынія, подавлявшаго нашу главную квартиру, нужно признаться, что наружность фельдмаршала много вредила ея важности и блеску.

Безразсудно было бы требовать отъ начальника чертъ Аполлона, кудрей Антиноя, или стана Потемкина, Румянцова и Ермолова. Физическое сложеніе не во власти человѣка, да и къ

---

[1]) Слова самого Суворова.

чему оно? Не гремѣли ли славою и хромые Агезилаи, и горбатые Люксамбурги, и рыжіе Лаудоны? Но можно, должно и во власти Дибича было озаботиться по крайней мѣрѣ о нѣкоторомъ приличіи въ одеждѣ и въ осанкѣ, о нѣкоторой необходимой опрятности. Неужели помѣшали бы его важнымъ занятіямъ нѣсколько пригоршней воды, брошенной на лице грязное, и нѣсколько причесовъ головы сальной и всклокоченной? Онъ, какъ говорили приверженцы его, былъ выше этого мелочнаго дѣла; но имѣлъ ли онъ право такъ презирать всѣ эти мелочи, когда самъ великій Суворовъ тщательно наблюдалъ за чистотою одежды и бѣлья, имъ носимыхъ? Вообразите себѣ человѣка низенькаго, толстенькаго, съ опухлою и воспаленною физіономіею, не бритаго, не умытаго, съ рыжими, нечесаными волосами, падающими почти до плечъ, какъ у маймиста, въ запачканомъ сертукѣ, безъ эполетъ. Все это было приправлено какими то застѣнчивыми и порывистыми ужимками, ухватками и пріемами, означающими выскочку, обязаннаго своимъ повышеніемъ лишь слѣпой фортунѣ; онъ ежеминутно озирался изъ подлобья и наискось, высматривая, не возбуждаетъ ли онъ насмѣшливыхъ улыбокъ или взглядовъ людей, его окружающихъ?

Такимъ я видѣлъ Дибича въ Шениц Странность тѣлодвиженій, безобразіе и неопрятность его простирались до того, что самое ласковое обхожденіе его, самая благосклонность его ко мнѣ, разговоры, сужденія, шутки, часто остроумныя, пріятныя и веселыя, не имѣли силы побѣдить отвращенія къ нему присутствовавшихъ. Я не знаю, что происходило въ душѣ другихъ при видѣ Дибича, но что касается до меня, я не переставалъ напрягать мысли мои, чтобы убѣдить себя въ томъ, что подъ этою неблаговидною оболочкою скрываются превосходные таланты, и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно былъ смущаемъ безотчетнымъ инстинктомъ, говорящимъ мнѣ, что я самъ себя обманываю, что Дибичъ не на своемъ мѣстѣ и что мы съ нимъ ничего славнаго не предпримемъ и не сдѣлаемъ. Сверхъ того жестоко терпѣла во мнѣ и гордость Россіянина, когда приходили къ нему обѣдать, находившіеся при его особѣ, коммисары дружественныхъ съ Россіею дворовъ Австрійскаго и Прусскаго.[1]) Стыдъ высту-

---

[1]) Австрійскій графъ Кабога, и Прусскій полковникъ Каницъ, человѣкъ весьма умный.

палъ огненными вспышками на грустномъ лицѣ моемъ и я невольно переносился мыслями въ прошедшее.

Я вспоминалъ Бенингсена, длиннаго и возвышавшагося надъ полками какъ знамя, холоднаго какъ статуя командора въ Донъ Жуанѣ, но ласковаго безъ короткости, благороднаго въ рѣчахъ и въ положеніяхъ тѣла, вопреки огромнаго своего роста; одареннаго тою степенностію, которая пріобрѣтается чрезъ долговременное начальствованіе, и словомъ, по обращенію съ подчиненными, истиннаго вождя вождей сильной арміи. Я вспоминалъ умнаго, злаго, вулканическаго Каменскаго, вполнѣ понимавшаго великолѣпное подножіе, на которое онъ былъ возведенъ судьбою тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду. Я вспоминалъ нашего Ахилла наполеоновскихъ войнъ, моего Багратіона, его горделивую поступь, его орлиный взоръ, его геройскую осанку, его магическое господствованіе надъ умами людей, превышающихъ его въ учености, и наконецъ его рѣдкій даръ сохранять, въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ ними, преимущество первенствующаго лица, безъ оскорбленія ни чьей гордости, ни чьего самолюбія.

Я вспоминалъ скромнаго, важнаго, величественнаго Барклая, какъ будто привыкшаго съ самыхъ пеленъ начальствовать и повелѣвать, тогда какъ за пять лѣтъ до достиженія имъ званія главнокомандующаго, я самъ видѣлъ его генералъ-маіоромъ, вытягивавшимся предъ Багратіономъ, дававшимъ ему приказанія. Я уже не говорю о Кутузовѣ; пятидесятилѣтняя репутація этого умнаго, тонкаго, просвѣщеннаго и любезнѣйшаго собесѣдника блистательнѣйшихъ европейскихъ дворовъ и обществъ, полномочное посольство при Екатеринѣ и *отечественный 1812 годъ*, достаточныя мѣрила глубокой и вѣрной оцѣнки имъ людей и умѣнія владычествовать надъ ними всѣми родами очарованія.

Я невольно наконецъ вспоминалъ и объ Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ онъ хотя и не носилъ званія главнокомандующаго, но былъ имъ на дѣлѣ; его величавая осанка, классическія черты лица, глаза, исполненные жизни и огня, не могли не плѣнить войскъ и жителей того края. Неуклонная справедливость при большой строгости, рѣдкое безкорыстіе, обширныя свѣденія, особенно по части военнаго искусства, замѣчательный даръ слова и въ особенности ласковое и вѣжливое со всѣми обращеніе стяжали ему удивленіе, любовь и привязанность войска и горцевъ, трепетавшихъ при его имени. Бывшій митрополитъ Грузіи Ѳеоѳилактъ, одаренный замѣчательнымъ умомъ, въ доне-

сеніяхъ своихъ министру духовныхъ дѣлъ называлъ Ермолова мудрымъ правителемъ Грузіи; графъ Каподистрія, въ письмахъ своихъ къ нему, называлъ его всегда une âme antique. Ермоловъ съ ничтожными средствами упрочилъ владычество русскихъ въ этомъ краю, водворилъ порядокъ, привлекъ поселенцевъ, возбудилъ промышленность и торговлю, открылъ новые источники доходовъ, создалъ новыя военныя дороги, воздвигъ укрѣпленія на всѣхъ пунктахъ, открытыхъ его орлинымъ взоромъ, наконецъ построилъ столицу тамъ, гдѣ были: куча саклей и два караванъ-сарая. И все это совершено было съ примѣрнымъ соблюденіемъ казеннаго интереса; рѣдко проходилъ годъ, чтобы онъ не представилъ одинъ или два милліона экономіи; самый гошпиталь и коммисаріатское зданіе въ Тифлисѣ построены были на счетъ, оставшейся послѣ посольства его въ Персію, суммы, которую-бы онъ имѣлъ полную возможность удержать у себя. Но главный его подвигъ состоитъ въ преобразованіи духа командуемыхъ имъ войскъ; подъ его начальствомъ каждый солдатъ становился героемъ, готовымъ идти въ адъ по гласу обожаемаго вождя. Горько было ему быть изгнаннымъ съ поприща своихъ славныхъ подвиговъ; столь безразсудное удаленіе его съ служебнаго поприща, лишивъ Россію отлично умнаго, просвѣщеннаго, энергическаго и безкорыстнаго слуги, есть ничѣмъ неизгладимое пятно на памяти государя, постоянно окружающаго себя лишь льстецами ничтожными, корыстолюбивыми, бездарными и невѣжественными.

Если бы отъ неимѣнія порядочной квартиры въ Шеницѣ, мѣстечкѣ скудномъ, не отвели мнѣ квартиры въ двухъ верстахъ отъ нея, въ деревнѣ Погоржелѣ, гдѣ стоялъ гренадерскій полкъ императора австрійскаго, напоминавшій мнѣ, что я въ арміи, и если-бы не адъютанты главнокомандующаго, милая и любезная молодежь, къ которой приставалъ я каждое утро по пріѣздѣ моемъ въ Шеницу, которая меня закормила, запоила и, такъ сказать, отогрѣла замерзавшую душу мою, я бы не зналъ, куда дѣваться. 16 марта, отобѣдавъ у князя Михаила Горчакова, тогда начальника артиллеріи дѣйствующей арміи, я выѣхалъ къ своему мѣсту. Около вечера я сбился съ дороги и вмѣсто Паризовъ попалъ въ Лаповичи, гдѣ расположенъ былъ штабъ гренадерскаго корпуса; я подъѣхалъ прямо къ квартирѣ корпуснаго командира, князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго, и провелъ у него ночь; а 17 поутру отправился далѣе на Желиховъ, куда въ

тотъ день перешла главная квартира изъ Шеницы. Вся армія, кромѣ 6-го пѣхотнаго корпуса и своднаго корпуса графа Витта, была въ движеніи къ переправѣ. Ростополь была ужасная: густая грязь, по колѣна лошадямъ и по ось повозкамъ, весьма затрудняла движеніе.

На пути отъ Серочина къ Сточеку осмотрѣлъ я поле сраженія, перваго неудачнаго нашего дѣла въ этой войнѣ. Я ѣхалъ именно по дорогѣ чрезъ лѣсъ отъ деревни Колодзя къ Сточеку, по коей выскакалъ переяславскій конно-егерскій полкъ съ храбрымъ и знающимъ свое дѣло генералъ-маіоромъ Пашковымъ (Александромъ Васильевичемъ). Я любовался голыми возвышеніями, закрывавшими войска Дверницкаго, и обширною плоскостію, за ними лежащею, по которой ему было столь легко, свивая и развивая войска свои, направлять главные свои натиски, куда ему заблагоразсудится. Не будучи видимымъ нашими войсками, онъ могъ слѣдить за малѣйшимъ ихъ движеніемъ и наблюдать за ними какъ на ладони. Я удивился и невольно содрогнулся, увидя на какомъ разстояніи находился конно-егерскій короля виртембергскаго полкъ въ то время, когда по повелѣнію Гейсмара, Пашковъ, увѣнчавъ имъ высоты, ударилъ на непріятеля прежде, нежели второй полкъ, долженствовавшій поддержать ударъ его, успѣлъ обогнуть оконечность лѣса! Разстояніе это было столь велико, что непріятель, разстроивъ переяславскій полкъ, успѣлъ обратиться всѣми своими силами на полкъ короля виртембергскаго, который понесъ участь подобную первому. Въ добавокъ къ тому, резервъ этихъ двухъ полковъ, состоявшій изъ конно-егерскихъ полковъ тираспольскаго и арзамасскаго и двѣнадцати орудій, оставленъ былъ въ *Серочинѣ,* за пять верстъ отъ поля битвы! Я пожалъ плечами и поѣхалъ далѣе!

Къ вечеру я прибылъ въ *Желиховъ,* куда только что пришла главная квартира. Пристанище мое было у полковаго командира атаманскаго полка, Кузнецова, который самъ стоялъ у казачьяго полковника Рудухина, находившагося въ свитѣ великаго князя Константина Павловича и тогда числившагося въ гвардейскомъ отрядѣ, который, подъ командою генерала графа Куруты, былъ уже на походѣ къ *Коцку.*

Такъ какъ путь мой лежалъ чрезъ это же мѣстечко, то 18-го по утру мы съ Рудухинымъ выѣхали верхомъ къ *Коцку.* Двѣ брички наши едва тащились и наконецъ такъ отстали, что я съ своею увидѣлся только въ *Люблинѣ.* Вся дорога была за-

валена повозками, на каждомъ шагу выбивающимися изъ грязи, и изнуренными лошадьми гвардейскаго отряда, здѣсь оставленными, или уже издохшими на дорогѣ.

Въ Окржѣ мы сдѣлали привалъ и тамъ я увидѣлъ большую часть этихъ хваленыхъ войскъ, для подражанія коимъ еще недавно стекались въ Варшаву всѣ истые любители фронтовой службы въ россійской арміи. И подлинно, я увидѣлъ истинно подвижную Гатчину: все застегнуто отъ *глотки до пупа!* Всякая пуговица, всякій ремешокъ, всякая пряжечка, всякій солдатъ, вахмистръ, офицеръ и генералъ на мѣстѣ, уставомъ имъ опредѣленномъ! За то какое изнуреніе, какія лохмотья! Какъ все грустно, все скудно людьми и лошадьми, хотя отрядъ ни разу еще не нюхалъ пороха! Педантство начальниковъ въ военное время есть тягчайшій ранецъ, тягчайшій вьюкъ для подчиненныхъ. Войску русскому необходима распашка, веселость и строгій порядокъ, безъ щепетильной взыскательности; тогда только оно здорово и бодро, — а если къ этому еще добрая пища и побѣды, тогда и конь топочетъ и солдатъ хохочетъ, и нѣтъ для него недосягаемаго и неодолимаго.

Мы ночевали въ *Гуловской волѣ* и 19-го рано по утру выѣхали въ *Коцкъ.* Вдругъ на половинѣ дороги намъ послышались пушечные выстрѣлы, коихъ направленіе казалось со стороны Вислы. Сначала я полагалъ, что эти выстрѣлы производились по рабочимъ нашимъ, близъ мостовъ находящимся, и по войскамъ, къ нимъ подходящимъ, но гулъ выстрѣловъ вскорѣ усилился и продолжался до самаго вечера. Ясно оказывалось, что это была не простая канонада, а сильная битва. Въ послѣдствіи мы узнали о нападеніи польской арміи на Гейсмара и на Розена. Довольно замѣчательно, что отъ того мѣста, гдѣ мы были въ то время, до Милосны, гдѣ происходило сраженіе, болѣе ста верстъ по прямой линіи. Правда, что день былъ ясный и легкій вѣтерокъ дулъ со стороны битвы.

Мы провели ночь въ *Коцкѣ.* 20-го, распростясь съ Рудухинымъ, я сѣлъ въ почтовую повозку и пріѣхалъ въ *Люблинъ,* гдѣ явился къ графу Витту. 21-го я пробылъ въ *Люблинѣ* и обѣдалъ у графа. 22-го я ночевалъ въ *Пескахъ,* а 23-го къ обѣду достигъ наконецъ моего отряда въ *Красноставѣ.*

Начальникъ главнаго штаба, графъ Толь простеръ до того благосклонное вниманіе свое ко мнѣ и нетерпѣніе доставить мнѣ средства удовлетворить мое рвеніе къ службѣ, а можетъ быть и

собственное желаніе свое воспользоваться безъ замедленія моими, по мнѣнію его, способностями, что прежде, чѣмъ узналъ о прибытіи моемъ въ главную квартиру, онъ составилъ уже означенный отрядъ и поручилъ его полковнику Анрепу, съ оговоркою: *до моего пріѣзда.* Полковникъ Анрепъ ожидалъ меня съ часу на часъ и слѣдовательно пріѣздъ мой ни мало не удивилъ его. Однако нельзя не отдать справедливости благородному поступку сего отличнаго офицера, при сдачѣ отряда, имъ командуемаго. Сколько я знаю чиновниковъ, истинно достойныхъ и по качествамъ душевнымъ и по военнымъ дарованіямъ, которые исполнили бы сдачу сію по правиламъ, простирающимся до той черты, отъ которой начинается любовь къ общей пользѣ и забвеніе собственнаго неудовольствія; ибо, какъ ни говори, а для молодаго штабъ-офицера сдача таковаго отряда, каковъ былъ мой, когда непріятель подъ глазами, не только прискорбна, но это есть великое несчастіе. Анрепъ[1]) сдалъ отрядъ мнѣ такъ, какъ немногіе. Онъ сообщилъ мнѣ всѣ извѣстныя ему подробности о корпусѣ Дверницкаго, о Замостьской крѣпости, о распоряженіяхъ своихъ, о мнѣніи своемъ относительно надзора за непріятелемъ; онъ изложилъ мнѣ порядокъ службы, имъ заведенный, объѣздилъ со мною аванпосты свои, объяснивъ, по какимъ предположеніямъ и для чего каждый пикетъ на такой то возвышенности, на такомъ то скатѣ. Онъ показалъ при этомъ на картѣ дороги и пункты, до коихъ доходили его разъѣзды и, разсужденіями своими на счетъ общихъ и сего отряда частныхъ обстоятельствъ, онъ меня обрадовалъ находкою въ арміи столь ревностнаго и благороднаго офицера. Полковникъ Анрепъ, отличающійся своею воинственною и можно сказать рыцарскою осанкою, служилъ также въ послѣдствіи съ большимъ усердіемъ.

Говорятъ, что онъ похожъ на покойнаго отца своего, убитаго въ 1807 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта, при Морунгенѣ, во время войны нашей съ Наполеономъ въ восточной Пруссіи. Отецъ его пользовался общимъ уваженіемъ всей россійской арміи: его воинственная наружность, чистота нравственная, твердость душевная, свѣтлый разумъ и замѣчательная служба обворожили всѣхъ. Я его не зналъ, но по пріѣздѣ моемъ въ армію въ 1807 году, первое мертвое тѣло, которое я встрѣтилъ, было тѣло этого отличнаго генерала.

[1]) Іосифъ Романовичъ Анрепъ, въ послѣдствіи генералъ отъ кавалеріи графъ Анрепъ-Эльмптъ, скончался въ 1860 году. *Примѣчаніе издателя.*

Общая диспозиція войскамъ сводпаго корпуса въ люблинскомъ воеводствѣ, на 21-е марта была слѣдующая:

„Отрядъ генералъ-лейтенанта барона Крейца составляется:
„изъ 2-й драгунской дивизіи,
„1-й бригады 2-й конно-егерской дивизіи,
„гренадерской дивизіи (3 полка) 6-го пѣхотнаго корпуса, и
„казачьихъ полковъ:
„Платова,
„Киреева,
„Хоперскаго,
„Грекова и
„Катасанова.

„Съ симъ отрядомъ генералъ-лейтенантъ Крейцъ дѣйствуетъ „отдѣльно и, съ полученіемъ сего, всѣ свои донесенія дѣлаетъ „уже прямо г. главнокомандующему арміею. Генералъ-маіоры „Пашковъ и Муравьевъ и полковникъ Анрепъ (эта бумага пи„сана была за нѣсколько часовъ до моего прибытія въ Люблинъ „и потому сказано Анрепъ, а не Давыдовъ) поступаютъ въ ко„манду генералъ-лейтенанта Крейца.

„Главныя силы отряда генерала Крейца остаются располо„женными около Уржендова.

„Генералъ-маіоръ Пашковъ съ однимъ полкомъ конныхъ „егерей и казачьимъ Грекова полкомъ содержитъ посты по Вислѣ, „отъ Вепржа (или отъ постовъ, выставленныхъ отъ главныхъ „силъ вдоль Вислы и по лѣвому берегу Вепржа) до *Юзефова,* а „отъ Юзефова до *Завихвоста*, по Вислѣ, содержитъ посты казачій „полкъ Хоперскаго.

„Полковнику Анрепу (т. е. Давыдову), оставаясь въ своемъ „нынѣшнемъ расположеніи, усилить посты въ *Горшковѣ* и въ „*Желкевѣ,* для удобнѣйшаго наблюденія за непріятелемъ и сноше„нія съ главными силами генерала Крейца.

„Несвижскій карабинерный полкъ 21-го числа собирается въ „Казимиржѣ, а 22-го слѣдуетъ къ мѣстечку Ополѣ. Одинъ изъ „конно-егерскихъ полковъ съ 4-мя орудіями конной роты No. 28 „переходитъ 22-го числа въ *Вржеловецъ.* Дивизіонъ драгунскаго „герцога Александра Виртембергскаго полка, нынѣ находящійся „въ *Люблинѣ* и *Глускѣ,* слѣдуетъ 22-го числа съ конною бата„рейною ротою No. 27 въ *Недржевицъ-Косцельна* подъ командою „полковника Шилинга, коему, принявъ въ свою команду и луц„кій гренадерскій полкъ, расположенный въ *Недржевицѣ-Дюжу*,

„доноситъ прямо генералу Крейцу, а равно и генералъ-маіору „Муравьеву. Самогитскій гренадерскій полкъ остается въ городѣ „*Люблинѣ* подъ командою генералъ-маіора Муравьева, какъ равно „легкая рота No. 2, 6-го пѣхотнаго корпуса.

„Рота литовскаго сапернаго баталіона остается по прежнему „въ *Казимирэжѣ* въ вѣденіи генералъ маіора Бракера и въ соста-„вѣ отряда генералъ-лейтенанта Крейца.

„Всѣ сіи войска отнынѣ прекращаютъ свои донесенія къ г. „командующему отдѣльнымъ своднымъ корпусомъ (графу Витту) „и должны относиться во всемъ къ генералъ-лейтенанту барону „Крейцу."

Эта бумага — послѣднее завѣщаніе графа Витта въ люблинскомъ воеводствѣ. Немедленно послѣ того, онъ, усиливъ своими войсками корпусъ Крейца, выступилъ съ остальными войсками къ главной арміи, подвигавшейся въ мѣстечко Рыки для переправы за Вислу. Онъ оставилъ корпусъ Крейца между корпусомъ Дверницкаго, стоявшимъ подъ пушками Замостьской крѣпости и корпусомъ Серавскаго, расположеннымъ за Вислою, насупротивъ мѣстечка *Пулавы* и *Казимирэжа*. Въ то время всѣ говорили, что отрядъ Серавскаго состоялъ изъ 7 или 8 тысячъ человѣкъ новонабраннаго и худо вооруженнаго войска.

Отрядъ мой, принадлежавшій къ корпусу Крейца, занималъ Красноставъ финляндскимъ драгунскимъ и казачьими Катасанова и Платова полками. Полкъ Киреева расположенъ былъ въ *Желкевкѣ* и *Высокомъ*. Первыя заботы мои, по вступленіи въ командованіе ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ, были, какъ я сказалъ, немедленно объѣхать аванпосты для осмотра окрестностей *Красностава*, и для знакомства съ войсками, коимъ было объявлено въ приказѣ о поступленіи ихъ подъ мое начальство. Вмѣстѣ съ тѣмъ я отправилъ курьера къ генералу Крейцу съ рапортомъ о моемъ прибытіи и о принятіи отряда въ мое вѣденіе; и наконецъ послалъ партію для открытія сообщенія съ генералъ-маіоромъ Лошкаревымъ, выставивъ казачій постъ въ мѣстечкѣ *Войславицѣ* для этого же предмета. Партіи для наблюденія за Дверницкимъ производили поиски свои по устроенному полковникомъ Анрепомъ порядку; онѣ ходили съ одной стороны отъ *Красностава* до *Ситанца*, съ другой изъ Желкевки почти до Седлиска, а изъ Высокаго до *Щербэжечина* и *Франсполя*.

Я узналъ, что генералъ-маіоръ Лошкаревъ наблюдалъ отрядомъ своимъ теченіе рѣки Буга отъ с. Кладнова, что противъ

Дубенки, до мѣстечка Летовижа, смежнаго съ австрійскою Галиціею.

Въ *Грубешовѣ* стоялъ отъ него казачій Попова полкъ, а въ Устилугѣ два резервныхъ баталіона 26-й пѣхотной дивизіи. Гусарская бригада, состоявшая при этомъ отрядѣ, заключала въ себѣ 1350 сабель, казачій полкъ въ 350 пикъ и два баталіона въ 660 штыковъ.

Отрядъ сей принадлежалъ къ сводному корпусу генерала Ридигера, который самъ съ передовыми войсками своего корпуса прибылъ во Владиміръ Волынскій еще 7 марта. Съ нимъ прибыли туда 2-я и 3-я бригады 11-й пѣхотной дивизіи въ весьма разстроенномъ составѣ и заключавшія въ себѣ не болѣе 1700 штыковъ. Прочія войска, долженствовавшія образовать его корпусъ, были еще далеко и приближались съ различныхъ пунктовъ. И такъ у генерала Ридигера состояло въ командѣ всего 1800 сабель и 2420 штыковъ для защиты волынской, подольской и кіевской губерній противъ десятитысячнаго корпуса, коимъ предводительствовалъ предпріимчивый Дверницкій и противъ многочисленнаго шляхетства означенныхъ губерній, тайно вооруженнаго и ожидавшаго съ нетерпѣніемъ прибытія Дверницкаго для общаго возстанія.

Теперь оставимъ Лошкарева въ *Устилугѣ*, Ридигера во *Владимірѣ*, мой отрядъ въ *Красноставѣ*, Крейца въ *Урженжовѣ*, а непріятельскихъ генераловъ: Дверницкаго у Замостья и Серавскаго за Вислой и перенесемся за Вепржъ, за Бугъ, за Наревъ и посмотримъ на положеніе войскъ нашихъ, тамъ находившихся до 19 марта. Графъ Виттъ, усиливъ корпусъ Крейца частью войскъ своихъ, былъ на походѣ изъ люблинскаго воеводства за Вепржъ, для поступленія въ составъ главной арміи.

Главная армія находилась на походѣ изъ *Шеницы* на *Желиховъ* и *Рыки*, для перехода Вислы между устьемъ Вепржа и мѣстечкомъ Казеницы, на лѣвомъ берегу рѣки лежащимъ.

6-й пѣхотный корпусъ Розена находился на брестскомъ шоссе у *Дембелевки*, имѣя авангардъ свой подъ командой Гейсмара въ *Милоснѣ*, а аванпосты его у самой заставы варшавскаго предмѣстья *Праги*.

2-й пѣхотный корпусъ графа Палена находился на походѣ изъ бѣлорусскаго *Минска*, чрезъ Брестъ-Литовскъ, къ Сѣдлецу на подкрѣпленіе Розена.

Гвардія въ *Ломзѣ*.

Отрядъ Сакена въ *Остроленкѣ*.

Нигдѣ еще не было слышно ни единаго выстрѣла; всюду господствовали тишина и спокойствіе!

Первая вспышка проявилась внѣ круга боевыхъ происшествій. Далѣе, въ тылу праваго крыла дѣйствующей арміи возникаетъ мятежъ въ шавельскомъ и тельшевскомъ уѣздахъ виленской губерніи, и почти въ то же время (14 марта) корпусъ Уминскаго подходитъ къ Остроленкѣ. Пора сказать о цѣли движенія Уминскаго.

Многіе полагали, что причиною этого движенія была надежда, послѣ четырехъ-недѣльнаго бездѣйствія, застать въ расплохъ отрядъ Сакена и гвардію и, воспользовавшись ихъ усыпленіемъ, одержать какой либо успѣхъ на Наревѣ. Другіе думали, и это правдоподобнѣе, что Скржинецкій, выславшій Уминскаго, имѣлъ въ виду мысль подобную той, которая 12 дней послѣ того была приведена въ исполненіе Дверницкимъ, то есть: вторженіе въ наши границы и доставленіе помощи возставшей шляхтѣ виленской губерніи (возстаніе, о коемъ польское правительство было заблаговременно извѣщено), возбуждая при томъ къ подобному же возстанію и прочія литовскія губерніи, еще доселѣ спокойныя. Какъ бы то ни было, но натискъ Уминскаго не удался, и онъ, послѣ нерѣшительнаго покушенія на *Остроленку,* остался въ окрестностяхъ *Пултуска* и *Сироцка.* При всемъ томъ мятежъ, возникшій въ части виленской губерніи, не переставалъ распространяться далѣе и далѣе!

Событія такого рода при началѣ наступательнаго движенія должны были неминуемо имѣть вліяніе на нерѣшительнаго, пылкаго и своенравнаго Дибича. Онъ, какъ и всѣ подобнаго рода люди, подчинялся впечатлѣнію измѣняющихся обстоятельствъ, и уже при открытіи кампаніи твердость духа его поколебалась отъ неисполненія предначертаній своихъ, которыя впрочемъ не были приведены въ исполненіе отъ неумѣнія, или скорѣе нежеланія воспользоваться побѣдою подъ Гроховымъ. Дибичъ дрогнулъ, увидя, что счастіе начинаетъ ему измѣнять; это свойство всякаго баловня фортуны, лишеннаго отъ природы той твердости душевной, той самонадѣянности въ собственныхъ дарованіяхъ, которыя однѣ побѣждаютъ препятствія. Но эти два испытанія были только предисловіемъ болѣе тяжкихъ и гораздо еще болѣе горестныхъ. 19 марта, то есть спустя одни сутки по полученіи тревожныхъ извѣстій о мятежѣ въ Литвѣ и движеніи Уминскаго,

и спустя трое сутокъ послѣ выступленія главной арміи изъ окрестностей *Шеницы*, состоялся общій натискъ главныхъ силъ польской арміи изъ Варшавы на Гейсмара и Розена, по брестскому шоссе, въ трехъ переходахъ отъ Дибича, во время марша его къ переправѣ.

Это событіе было весьма естественно; неужели Скржинецкій потерпѣлъ хотя бы на одинъ часъ времени пребываніе корпуса Розена, разбросаннаго по зимнимъ квартирамъ, въ присутствіи главныхъ силъ, имъ предводимыхъ? Бездѣйствіе его до 19 числа основывалось на опасеніи натиска главныхъ силъ нашихъ въ тылъ его войскамъ во время напора ихъ на Розена; едва узналъ онъ объ отбытіи Дибича за Вепржъ и преданіи Розена собственнымъ силамъ и произволу судьбы, немедленно воспользовался и не могъ не воспользоваться превосходствомъ своимъ надъ войсками, противъ него находившимися. Фельдмаршалъ предвидѣлъ этотъ случай еще предъ выступленіемъ изъ Шеницы, ибо я самъ 16 поутру видѣлъ призваннаго къ главнокомандующему Розена, которому было поставлено на видъ, что главный предметъ его состоитъ въ немедленномъ отступленіи къ *Бресту*, при малѣйшемъ на него нападеніи; онъ долженъ былъ соединиться на пути со 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, идущимъ отъ *Бреста*, который они должны были защищать какъ хранилище складовъ и всего для арміи необходимаго.

И такъ, если натискъ Скржинецкаго на Розена былъ въ порядкѣ вещей, а сверхъ того еще и предвидимъ фельдмаршаломъ, то не надлежало ли ему до начатія своего движенія прибѣгнуть къ слѣдующему простому разсужденію: нападеніе главныхъ непріятельскихъ силъ на Розена можетъ ли ниспровергнуть планъ, основанный на движеніи къ Вислѣ и на переходѣ ея, и угрожаетъ ли оно существованію нашей арміи? Если оно чѣмъ либо угрожало намъ, то надлежало остаться около *Шеницы;* чрезъ то спасти отъ разстройства планъ кампаніи и существованіе арміи, и, вмѣсто движенія къ Вепржу и перехода Вислы, придумать какое либо предпріятіе другаго рода. Если же оно ничѣмъ не угрожало нашей арміи, то слѣдовало, оставивъ Шеницу, перéправиться чрезъ Вислу, и, что бы ни приключилось съ корпусомъ Розена или съ другими отдѣльными частями, надлежало, не изумляясь ничему, не упадая ни отъ чего духомъ, стремиться на перекоръ всѣмъ препятствіямъ къ достиженію цѣли, единожды избранной. Это не есть съ моей стороны разсужденіе, какъ

говорится, *заднимъ умомъ;* это даже не есть собственно разсужденіе военнаго человѣка, но всякаго, который рѣшается на какое либо предпріятіе, военное-ли, гражданское-ли, мануфактурное-ли, торговое-ли, хотя бы частное и лично до него касающееся. И такъ, если главное начальство рѣшилось уже двинуться къ переправѣ, не взирая на увѣренность въ нападеніи непріятеля въ превосходныхъ силахъ на корпусъ Розена, то независимо отъ непоколебимости воли, необходимой для достиженія предмета, имъ единожды избраннаго, ему надлежало прибѣгнуть къ слѣдующимъ предосторожностямъ, требующимъ особеннаго его вниманія. Во первыхъ, до выступленія арміи изъ *Шеницы*, надлежало озаботиться на счетъ продовольствія Розена такъ, чтобы онъ могъ прокормиться провіантомъ, привезеннымъ уже изъ магазиновъ Бреста къ мѣсту, имъ занимаемому. Это дозволило бы ему, имѣя всѣ войска въ сборѣ и сосредоточенными на одномъ пунктѣ, отразить натиски непріятеля; онъ могъ бы не разбрасывать войскъ для пропитанія по зимнимъ квартирамъ, какъ то случилось при нападеніи на него польской арміи, Это къ несчастію должно было неминуемо случиться, ибо на шоссе небыло ни куска, ни обывательскаго, ни запаснаго казеннаго хлѣба; во вторыхъ, соображаясь съ весеннею ростополью и съ положеніемъ дорогъ того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ заранѣе предвидѣннымъ уже отступленіемъ корпуса Розена къ Седлецу (что совершенно открывало тылъ нашей арміи, во время ея движенія изъ *Шеницы* къ углу, образуемому Вепржемъ и Вислою) слѣдовало предварительно отправить впередъ всѣ парки, обозы и тяжелую артиллерію, дабы прикрыть эти тяжести арміею, а не армію прикрывать тяжестями. Мы были свидѣтелями сего чудеснаго распоряженія . . . . . .

Зависимость моя отъ генерала Крейца произвела обстоятельства, которыя можно было предупредить, оставивъ меня независимымъ и подчинивъ лишь графу Толю; при этомъ мнѣ слѣдовало однако извѣщать немедленно обо всемъ происходящемъ, какъ генерала Крейца [1]) такъ и генерала Ридигера,[2]) занимавшаго гра-

---

[1]) Кипріанъ Антоновичъ Крейцъ, въ послѣдствіи графъ и генералъ отъ кавалеріи, скончался въ 1850 году.

[2]) Θедоръ Васильевичъ Ридигеръ, въ послѣдствіи графъ, генералъ отъ кавалеріи, главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, скончался въ 1856 году.

Примѣчанія издателя.

ницу нашу по Бугу, а головными колоннами самый Владиміръ. Прибывъ въ Красноставъ, я немедленно придвинулъ разъѣзды свои до Замостьской крѣпости для ближайшаго наблюденія за Дверницкимъ, котораго я не долженъ былъ допускать къ Вислѣ, а потому я занималъ дистанцію въ 60 верстъ отъ Красностава до Высокаго. Этотъ отличный и предпріимчивый генералъ въ теченіи настоящей кампаніи разбилъ барона Гейсмара, взявъ у него 8 пушекъ, Крейца, у котораго взялъ 5 пушекъ и генерала Кавера, у котораго взялъ 3 пушки; но за неимѣніемъ у меня пушекъ, онъ не могъ ими обогатиться. Въ тотъ же день по собственному побужденію послалъ я отъ себя разъѣзды для открытія сношеній съ Ридигеромъ. Чрезъ два дня получилъ я отъ Крейца диспозицію на 25-е число, въ которой сказано было: „отрядъ г. м. Давыдова располагается въ „Пяски.“ Исполняя это повелѣніе, я немедленно извѣстилъ о томъ Ридигера, который, отъ 27 марта за No. 524, увѣдомилъ Крейца, что такъ какъ по всѣмъ слухамъ Дверницкій думаетъ идти на Волынь (чему онъ по слабости силъ не можетъ противиться, но будетъ вынужденъ отступить за рѣку Стырь для присоединенія къ войскамъ, къ нему подходящимъ), то онъ убѣдительно проситъ оставить меня въ Красноставѣ, прибавивъ: „даже я полагаю, что нахожденіе отряда Давыдова въ Красноставѣ весьма „много содѣйствовало тому, что Дверницкій до сего времени „оставался въ Замостьѣ.„ Но Крейцъ не только не возвратилъ меня въ Красноставъ, но 29 марта прислалъ мнѣ новую диспозицію, въ коей было сказано: „г. м. Давыдову дѣлать поиски на „мѣстечко Туробань до рѣки Гутта и далѣе; если же Дверницкій „прошелъ уже на Медлиборжище и Закликовъ, то генералъ-ма„іоръ Давыдовъ быстро долженъ двигаться по слѣдамъ его.“ Крейцъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ на обумъ, ибо, отдаливъ меня отъ Красностава, онъ лишался средствъ получать вѣрныя свѣденія о движеніяхъ Дверницкаго, который, по его мнѣнію, долженъ былъ обратиться къ Вислѣ на соединеніе съ Сераковскимъ, о переправѣ коего на правый берегъ Вислы ходили уже слухи. На основаніи даннаго мнѣ предписанія я уже 1 апрѣля былъ на маршѣ изъ Туробани на Щербжечинъ, открывая моими партіями Франсполь и Бельгерой. Дверницкій же, на другой день выступленія моего изъ Красностава, сосредоточилъ свои войска у Замостья и, перейдя быстро Бугъ въ Крыловѣ, вступилъ въ наши границы, на Волынь. Если бы я не былъ подчиненъ

Крейцу, то ни въ какомъ случаѣ не двинулся бы въ Пяски, и оттуда къ Щербжечину; понимая, что главная моя обязанность состояла въ томъ, чтобы наблюдать за Дверницкимъ, я хотѣлъ даже 26-го двинуться къ Ситанцу, деревнѣ, отстоящей отъ Замостья въ 10 верстахъ. Вскорѣ Крейцъ узналъ о истинномъ направленіи Дверницкаго, объ отступленіи Ридигера, о возстаніи Волыни, и о томъ, что Подолія и окрестности Кіева также въ сильномъ волненіи. Крейцъ, обвиняя меня въ томъ, что я проглядѣлъ Дверницкаго, за которымъ обязанъ былъ наблюдать, предписалъ мнѣ идти по его слѣдамъ. Слѣдуя мимо самаго Замостья, гарнизонъ коего не только не дѣлалъ вылазокъ, но даже не показывался, я, 4 апрѣля, находясь на сообщеніи Дверницкаго съ этою крѣпостью, захватилъ нѣсколько курьеровъ и небольшіе отряды его. Переправясь за Бугъ, я былъ пораженъ слѣдующимъ зрѣлищемъ: на мѣстѣ, гдѣ непріятель еще недавно располагался лагеремъ, водружены были довольно высокіе шесты, на вершинѣ коихъ были привязаны мѣшки. По осмотрѣ мѣшковъ оказалось, что они вмѣщали въ себѣ возмутительныя прокламаціи. Поляки, не понимая высокой русской души Ермолова, котораго они почитали глубоко-оскорбленнымъ и пылающимъ местью къ своей родинѣ, *напечатали отъ его имени возмутительную прокламацію къ Русскимъ!*[1]) Эти прокламаціи, пересланныя въ главную квартиру, были поспѣшно доставлены въ Петербургъ. Ермоловъ, извѣщенный объ этомъ происшествіи, былъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что самыя нелѣпыя клеветы были столь легко и охотно удостоены вниманія въ Петербургѣ и, не имѣя возможности дѣйствовать оружіемъ, онъ разилъ по крайней мѣрѣ своихъ враговъ насмѣшками. Онъ писалъ къ брату моему Евдокиму: „Этого мало, вы вѣрно услышите объ одержанныхъ „мною побѣдахъ, въ которыхъ жестокая судьба такъ долго от„казываетъ фельдмаршалу Дибичу.“ Перейдя Бугъ въ Крыловѣ по мосту, по которому слѣдовалъ Дверницкій, я предалъ его огню и взялъ 6 апрѣля приступомъ городъ Владиміръ. Бой живо кипѣлъ! Старъ и младъ, шляхта и духовенство, военные и мѣщане, все стрѣляло изъ оконъ, изъ-за заборовъ и оградъ и, подобно Лазамъ или Лезгинамъ, не просило пощады. Бой продолжался

---

[1]) Поляками были напечатаны двѣ прокламаціи: въ одной мнимая главная квартира Ермолова была назначена въ Самарѣ, а въ другой, отпечатанной весьма скоро послѣ первой, въ Одессѣ.

непрерывно въ продолженіи 4-хъ часовъ; съ моей стороны были спѣшены 3-й дивизіонъ Финляндскаго драгунскаго полка, подъ командою полковника Кологривова, и большая часть полка Катасанова; всѣ же прочія войска были на конѣ. Побѣда увѣнчала мою рѣшительность; фельдмаршалъ и графъ Толь, будучи весьма довольны мною, вошли обо мнѣ съ представленіемъ о награжденіи орденомъ св. Георгія 3 класса, чего я однако никогда не удостоился получить. Движеніе мое на Владиміръ не было плодомъ необдуманнаго предпріятія, но послѣдствіемъ обмана жителей Крылова, которые меня увѣрили что Дверницкій во Владимірѣ, гдѣ я однако поставилъ все верхъ дномъ и отбилъ навсегда охоту бунтовать. Я не могъ поспѣть 7 апрѣля, то есть въ день сраженія Ридигера съ Дверницкимъ, къ Боромелю, но если бы я явился туда хотя на другой день, то былъ бы не лишнимъ. Впрочемъ и Владиміръ былъ пунктомъ весьма важнымъ, какъ средоточіе одного изъ главныхъ мятежническихъ ополченій, въ Волынской губерніи. Въ газетѣ варшавской было сказано: „генералъ Толь, узнавъ о выступленіи генерала Дверницкаго на „Волынь, отрядилъ изъ своего корпуса часть войскъ для дѣйствія противу него. Когда этотъ отрядъ, подъ начальствомъ „генерала Давыдова, проходилъ близъ Замостья, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ счастливую вылазку. Письма изъ Замостья отъ „20 числа утвердительно удостовѣряютъ, что корпусъ генерала „Давыдова разбитъ волынскимъ ополченіемъ во время переправы „его черезъ Бугъ.“ Невольно вспомнишь Наполеона, который узнавъ, что Австрійцы, имъ совершенно разбитые, утверждаютъ противное, сказалъ: „Laissez les faire, les rêves sont toujours la „consolation des malheureux.“ Узнавъ во Владимірѣ о пораженіи Дверницкаго Ридигеромъ подъ Боромелемъ, я обратился поспѣшно на путь сообщенія его съ Замостьемъ, пролегавшій вдоль границы австрійской Галиціи. Разсчетъ мой былъ вѣренъ, но Ридигеръ, искуснымъ направленіемъ своей кавалеріи, оттѣснилъ Дверницкаго отъ этого пути и принудилъ его обратиться къ Берестечку и Почаеву. Подойдя къ Дружнополю, мои разъѣзды встрѣтились съ разъѣздами Ридигера, посланными для развѣдыванія о Сераковскомъ, который, по слухамъ, спѣшилъ на соединеніе съ Дверницкимъ. Узнавъ отъ нихъ объ истинномъ направленіи Дверницкаго, я обратился чрезъ Владиміръ къ Ковелю, гдѣ сильное скопище мятежниковъ производило страшныя неистовства. Одно приближеніе мое къ Ковелю заставило мятежниковъ поспѣшно бѣжать и искать спа-

сенія въ лѣсистыхъ болотахъ. На основаніи предписаній Крейца, я, перейдя границу въ Устилугѣ, расположился въ Блонкахъ для наблюденія за Замостьемъ.

Въ самый день взятія Владиміра Крейцъ разбилъ Сераковскаго подъ Казимиржемъ. Польскія газеты того времени осуждали Сераковскаго за переходъ его чрезъ Вислу, тѣмъ болѣе, что у него изъ 7000 человѣкъ едва 1000 человѣкъ были снабжены ружьями. Между тѣмъ корпусъ Дверницкаго, тѣснимый Ридигеромъ, бросился на австрійскую границу; Ридигеръ остановился и протестовалъ; Австрійцы поспѣшили обезоружить Дверницкаго.

Узнавъ о неудачахъ Сераковскаго и Дверницкаго, Скржинецкій, находившійся у Седлеца, отрядилъ изъ главныхъ своихъ силъ семи-тысячный отрядъ при 10 орудіяхъ, подъ командою начальника главнаго штаба Хржановскаго, коему велѣно было спѣшить на выручку Дверницкаго. Подошедъ, никѣмъ незамѣченный, къ Коцку, Хржановскій былъ однако открытъ здѣсь партіею корпуса Крейца, который, отрядивъ противу него отрядъ генерала Фези, самъ двинулся къ Любартову; Фези былъ разбитъ, но Крейцъ, соединясь съ нимъ, настигъ въ Любартовѣ отрядъ Хржановскаго, который, остановившись на лѣвомъ берегу Вепржа, гдѣ не было ни мостовъ, ни бродовъ, безпечно варилъ кашу. Крейцъ, пришедшій изъ Люблина, атаковалъ Любартовъ, занятый аррієргардомъ непріятеля, и этимъ далъ ему время опомниться, построиться и отступить съ малой потерей на Ленчну, гдѣ самъ Крейцъ остановился, пустивъ въ погоню за Хржановскимъ легкій отрядъ графа Алексѣя Петровича Толстаго. Такимъ образомъ ускользнулъ отъ насъ Хржановскій, котораго можно было превосходно покупать въ рѣкѣ Вепржѣ. Можно еще было поправить эту ошибку слѣдующимъ образомъ: Крейцу слѣдовало изъ Ленчны, усиленнымъ маршемъ, слѣдовать чрезъ Бискунице въ Красноставъ и, перейдя здѣсь Вепржъ по прекрасному мосту, пресѣчь дорогу въ Замостье Хржановскому, который, двигаясь на *Шедлище* и *Раіовецъ,* описывалъ дугу, тогда какъ Крейцъ могъ идти хордой. Дорога, по коей шелъ Хржановскій пролегала болотами, лѣсами и плотинами, а Крейцу предстояло слѣдовать по дорогѣ гладкой и открытой. Муравьевъ[1]) совѣтовалъ предпринять это движеніе, но его

---

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи бывшій главнокомандующій кавказскимъ корпусомъ.

Прим. изд.

не послушали. Съ своей стороны Хржановскій тотчасъ понялъ опасность, которой подвергался, и, узнавъ о пораженіи Дверницкаго, съ неимовѣрной быстротой направился на Красноставъ; перейдя здѣсь рѣку, онъ сжегъ мостъ. Между тѣмъ Крейцъ воротился въ Люблинъ и занялся составленіемъ реляціи, превосходящей всякое вѣроятіе. О сраженіи подъ Любартовымъ, отстоявшемъ отъ меня во ста верстахъ, я ничего не зналъ; и въ то время я находился въ Блонкахъ, верстахъ въ 10-ти отъ дороги, по коей долженъ былъ слѣдовать Хржановскій. Если бы корпусный командиръ заблагоразсудилъ предупредить меня о дальнѣйшемъ движеніи Хржановскаго, я могъ бы легко преградить ему дорогу около *Руколона, Краслыгина, Сургова, Заставы*, гдѣ, изломавъ мосты и плотины, я бы его надолго задержалъ. Но обо мнѣ забыли, и я былъ извѣщенъ о дѣлѣ подъ Любартовымъ и о направленіи непріятеля лишь за часъ предъ разсвѣтомъ 29 апрѣля. Я тотчасъ устремился къ Избицѣ, но непріятель, двигавшійся всю ночь, прошелъ уже это мѣстечко и направлялся быстро къ Старому Замостью. Я здѣсь соединился съ графомъ Толстымъ, командовавшимъ авангардомъ нашего корпуса. Здѣсь сошлись четыре генерала: графъ Толстой, Анрепъ, Шиллингъ и я; такъ какъ я былъ старшій, то графъ Толстой подъѣхалъ ко мнѣ съ рапортомъ, но я сказалъ ему: „ваше дѣло слишкомъ хорошо „начато, чтобы я похитилъ у васъ и начальство и успѣхъ: про„должайте, я же стану помогать вамъ.“ Если бы Замостье находилось не въ 12-ти, а въ 30-ти верстахъ, то вѣроятно весь непріятельскій корпусъ, крайне утомленный, побросалъ бы оружіе. Но Замостье было близко, и онъ остановился, хотя съ большою потерею. Всѣ мы разошлись, а мнѣ вновь приказано было наблюдать за Замостьемъ. Тѣмъ кончился нахальный, можно сказать, походъ Хржановскаго отъ Седлеца къ Замостью посреди нашей арміи. И здѣсь хотѣли обвинить меня и графа Толстаго въ томъ, что Хржановскому удалось спастись. Къ этому нужно прибавить, что за сутки до полученія мною извѣстія о появленіи Хржановскаго въ Коцкѣ, Крейцъ безъ всякой надобности отобралъ у меня Финляндскій драгунскій полкъ, который потому не могъ быть, ни со мною подъ Старымъ Замостьемъ, ни съ Крейцомъ въ Любартовѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ отобралъ у меня еще два полка казачьихъ и оставилъ меня съ однимъ полкомъ Киреева, въ коемъ было не болѣе трехъ сотъ человѣкъ.

Я не жалуюсь на Крейца,[1]) человѣка добраго но малодушнаго, какъ въ отношеніи своихъ враговъ, такъ и въ отношеніи своихъ пріятелей. Онъ былъ всегда со мною хорошъ, и въ послѣдствіи остался таковымъ же, но у него былъ начальникъ штаба, баронъ Деллингсгаузенъ, зародышъ Макка будущихъ россійскихъ войнъ, имѣвшій на него неограниченное вліяніе. Деллингсгаузенъ сталъ дѣлать неудовольствія Муравьеву, Пашкову, Анрепу, графу Толстому и мнѣ; Крейцъ же все молчалъ, какъ мокрая курица и извинялъ его въ письмахъ своихъ ко мнѣ; короче, Крейцъ былъ у него какъ б . . . . на содержаніи. Все, мною здѣсь сказанное, основано на письменныхъ оффиціальныхъ документахъ; самъ великій Деллингсгаузенъ не имѣетъ документовъ достаточно сильныхъ, чтобы опровергнуть тѣ, которые у меня за подписью Крейца и за его собственною подписью.

Не могу понять почему, послѣ остроленской побѣды, которую можно назвать первымъ кризисомъ въ нашу пользу, вдругъ оказалось столь необходимымъ присутствіе въ главной арміи корпуса Крейца, коему приказано было, не ожидая смѣны своей Ридигеромъ, оставить люблинское воеводство и спѣшить на соединеніе съ арміей? Ридигеръ же, который долженъ былъ смѣнить его, едва перешелъ еще границу въ Устилугѣ и не прежде могъ двинуться къ Люблину, какъ по прибытіи Кайсарова, который долженъ былъ заступить его мѣсто и имѣть предметомъ охраненіе Волыни. Между тѣмъ около Замостья находился корпусъ Хржановскаго, въ 80-ти верстахъ за Вислою корпусъ Дзѣконскаго, коего передовые посты доходили до Курова и до Белжады; войсками его корпуса были сильно заняты *Казимирэжъ, Пулава* и *Голомбъ,* гдѣ были мостъ и предмостное укрѣпленіе. Подобное повелѣніе Крейцу могло быть объявлено ему до остроленскаго дѣла, когда готовы были всѣмъ жертвовать для усиленія нашего главнаго корпуса, ожидавшаго встрѣчи съ главными непріятельскими силами. Казалось, благопріятный исходъ дѣла долженъ былъ неминуемо измѣнить всѣ обстоятельства, по край-

[1]) При извѣстіи о приближеніи непріятеля, носъ генерала Крейца, не лишеннаго ума и большихъ свѣденій, вытягивался, можно сказать, на десять пораженій; онъ взялъ приступомъ Люблинъ, защищаемый сволочью и весьма слабо вооруженный; здѣсь отличился при взятіи мельницы баронъ Деллингсгаузенъ, который, будучи флигель-адъютантомъ, заслужилъ слѣдующій лестный отзывъ государя: „il est aussi brave que menteur.“ Послѣ взятія Люблина Крейцъ назвалъ его въ своемъ донесеніи второю Сарагоссою.

ней мѣрѣ относительно поспѣшнаго выступленія Крейца изъ Люблина до смѣны его Ридигеромъ, который съ своей стороны не щадилъ ни убѣжденій, ни просьбъ, чтобы склонить Крейца не оставлять береговъ Вислы и Вепржа до своего появленія въ окрестностяхъ Люблина. Если Дибичъ уже рѣшился не оставлять корпуса Ридигера, состоявшаго изъ 9000 человѣкъ при 48 орудіяхъ, для защиты Волыни и удержанія этого края отъ неминуемаго возстанія, то слѣдовало бы ему по крайней мѣрѣ присоединить его къ главнымъ силамъ своимъ, а не давать ему направленія частью на Люблинъ, частью на *Сточекъ* и даже за Вислу, для разсѣянія вновь формировавшихся непріятельскихъ войскъ; эти войска, которыя не могли быть сильными, должны были сами по себѣ разсѣяться при одномъ извѣстіи о пораженіи главной польской арміи, и для этой важной цѣли намъ слѣдовало напрягать всѣ умственныя и вещественныя усилія наши. Крейцъ выступилъ 19 мая изъ люблинскаго воеводства, на защиту котораго имъ была оставлена лишь 2-я конно-егерская дивизія, состоявшая изъ 1600 человѣкъ, не имѣвшихъ ружей, съ изнуренными лошадьми, хоперскій казачій полкъ, Киреева полкъ въ 300 человѣкъ, всего 2100 коней. Имъ надлежало наблюдать за непріятелемъ на протяженіи отъ *Красностава* до *Завихвоста,* отсюда до *Бобровниковъ,* и отсюда до *Коцка*; кромѣ того надо было занять центральный пунктъ Люблинъ достаточнымъ числомъ войскъ. Изъ города были вывезены Крейцомъ на подводахъ весь хлѣбъ и овесъ; больныхъ же, которыхъ слѣдовало перевезти въ числѣ 1200 человѣкъ, оставили въ госпиталяхъ города, гдѣ кромѣ того брошено было на произволъ судьбы много пороху, зарядовъ и оружія! Даже 48-му егерскому полку, выступившему въ Россію для укомплектованія себя людьми, которому ничего бы не стоило оставаться въ Люблинѣ хотя нѣсколько лишнихъ сутокъ, приказано было Крейцомъ, не взирая на всѣ просьбы Пашкова, остававшагося начальникомъ въ воеводствѣ и въ городѣ, поспѣшнѣе выступать: Жители не помнили себя отъ радости и явно говорили, что на дняхъ въ городъ вступитъ польскій корпусъ, который неминуемо возьметъ въ плѣнъ всѣхъ русскихъ. Это было весьма правдоподобно.

Въ это время, то есть 20 мая, Ридигеръ, подъ начальство котораго я поступилъ уже 8 дней, далъ мнѣ изъ Комарова слѣдующее повелѣніе: „оставить Киреева полкъ для наблюденія за „Замостьемъ, спѣшить самому въ Люблинъ и принять подъ свое

„главное начальство всѣ войска воеводства.“ Я прибылъ 24-го въ Люблинъ, гдѣ узналъ о побѣдѣ подъ Остроленкою и о прибытіи нашей главной арміи къ Пултуску. Поляки, почитая меня жестокосердымъ, трепетали при имени моемъ. Я, подобно знаменитому нашему Алексѣю Петровичу Ермолову, съ намѣреніемъ разсѣявалъ эти слухи, чтобы не быть вынужденнымъ часто карать непокорныхъ. Я находился нѣкоторое время въ крайней опасности, отъ которой избавился лишь видимымъ милосердіемъ божіимъ. Какъ было не воспользоваться Дзѣконскому отдаленіемъ моимъ отъ главной арміи, находившейся за Наревомъ, отдаленіемъ отъ Ридигера и наконецъ выступленіемъ Крейца, котораго онъ могъ значительно удержать и не допустить до Пултуска? Кромѣ того, пользуясь малочисленностью моего отряда, онъ могъ безъ большихъ усилій захватить 1200 больныхъ, много пороху, зарядовъ и нѣсколько сотъ ружей, въ коихъ мы сильно нуждались; но и кромѣ того для него было всего важнѣе овладѣніе Люблиномъ, гдѣ онъ могъ легко соединиться съ Хржановскимъ, который съ своей стороны не замедлилъ бы прибыть туда, слѣдуя чрезъ Красноставъ и Пяски. Сосредоточеніе силъ непріятельскихъ могло быть для насъ тѣмъ болѣе гибельнымъ, что въ то же время Скржинецкій готовился со всею арміею выступить изъ подъ Праги къ Люблину. Движеніе это, предпринятое имъ лишь недѣлю спустя, не имѣло успѣха только потому, что Ридигеръ находился въ то время уже въ Люблинѣ. Зная мою слабость, онъ прислалъ ко мнѣ отрядъ генерала Плохова и вскорѣ самъ сюда явился. Зная меня и Плохова со времени войны въ Финляндіи, Ридигеръ питалъ къ намъ большую дружбу и постоянно оказывалъ большое довѣріе. Мнѣ было поручено начальство надъ 20 эскадронами кавалеріи и казачьимъ полкомъ при нѣсколькихъ орудіяхъ. Извѣстясь о движеніи Скржинецкаго, Ридигеръ быстрымъ движеніемъ за Вепржъ успѣлъ поразить часть его арміи подъ Лисобиками или Будзискомъ. Въ этомъ сраженіи, гдѣ Ридигеръ съ 6-ю тысячами человѣкъ одержалъ блистательную побѣду надъ 20,000 польскихъ войскъ, я, командуя авангардомъ, состоявшимъ изъ конно-егерской дивизіи Пашкова и 2-хъ егерскихъ полковъ 19-го и 20-го при 6-ти орудіяхъ, выдерживалъ въ продолженіи 3-хъ часовъ напоръ непріятеля, значительно превосходившаго меня числомъ. (Здѣсь сражалась противу меня польская гвардія.) Появленіе Ридигера, лично атаковавшаго непріятеля за лѣсомъ, рѣшило судьбу сра-

женія. Благодаря Бога, я опрокинулъ непріятеля и соединился съ Ридигеромъ, который, слыша сильный съ моей стороны огонь, весьма опасался за меня. Послѣ сраженія онъ меня при всемъ корпусѣ благодарилъ. Въ этомъ дѣлѣ Плоховымъ взяты были много офицеровъ и рядовыхъ, обозъ съ артиллерійскими зарядами и ящикъ съ казной, гдѣ найдено было до 5000 рублей. Возвратясь въ Люблинъ и узнавъ о выступленіи изъ Замостья Хржановскаго, Ридигеръ прогналъ его за Вислу. Онъ поручилъ мнѣ преслѣдованіе непріятеля съ 29-ю эскадронами, при которыхъ находились генералы: Квитницкій, Ольшевскій, Плоховъ, графъ Тиманъ; онъ самъ возвратился въ Люблинъ. Непріятель бѣжалъ такъ быстро, что я не могъ его догнать. Этимъ вполнѣ блестящимъ и мало извѣстнымъ подвигомъ Ридигеру удалось отстоять Люблинское воеводство: это — единственная классическая операція въ продолженіи всей войны, которая достойна изученія, и Жомини не можетъ не быть въ восторгѣ, узнавъ какую дѣятельность и энергію выказалъ здѣсь Ридигеръ. Въ Люблинѣ Ридигеръ праздновалъ свои успѣхи; за обѣдомъ, за которымъ было до 60 человѣкъ (я былъ въ отсутствіи), онъ между прочимъ сказалъ: „когда я въ Лисобикахъ услыхалъ ужас-„ный огонь со стороны авангарда, трехчаснымъ жестокимъ боемъ „успѣвшаго удержать стремленіе главныхъ непріятельскихъ силъ, „я, признаюсь, подумалъ, что если Давыдова собьютъ, мнѣ будетъ „плохо, но Давыдовъ блистательно опрокинулъ непріятеля.“ Я во время преслѣдованія сдѣлалъ двѣ ошибки, за которыя, знаю, онъ весьма сердился. Когда я прибылъ изъ авангарда и признался въ нихъ съ первыхъ словъ, Ридигеръ, вмѣсто того, чтобы по крайней мѣрѣ сдѣлать мнѣ за то замѣчаніе, сталъ себя обвинять и увѣрять меня, что если я не сдѣлалъ того, что слѣдовало, то этому причиною онъ самъ, съ чѣмъ я однако никакъ согласиться не могъ. Я никогда ни съ однимъ начальникомъ не былъ столь близокъ, какъ съ Ридигеромъ, который былъ обыкновенно не только мягокъ, но весьма серьезенъ и строгъ; но я кромѣ незаслуженнаго вниманія, ничего отъ него не видалъ. Зная его съ ротмистерскаго чина, потомъ полковникомъ и генералъ-маіоромъ, я никогда не могъ думать, чтобы онъ былъ одаренъ столь замѣчательными военными способностями и столь самостоятельнымъ характеромъ. Онъ мнѣ позволилъ и даже просилъ сообщать ему письменно и словесно все, что мнѣ придетъ въ голову. Я часто позволялъ себѣ давать ему совѣты, за ко-

торые онъ не зналъ какъ меня достаточно благодарить. Я весьма радуюсь и горжусь тѣмъ, что въ этомъ подвигѣ былъ ему главнымъ помощникомъ, въ особенности въ Лисобикахъ, гдѣ принялъ на свой щитъ главный ударъ непріятеля, о чемъ онъ безпрестанно говорилъ и за что баловалъ меня самымъ дружескимъ обращеніемъ. У насъ съ нимъ не было секретовъ; едва получалъ онъ какое либо извѣстіе или важную бумагу, тотчасъ посылалъ за мною, сообщалъ мнѣ все и мы съ нимъ по нѣскольку часовъ сидѣли вмѣстѣ. По представленію моему, принятому съ благодарностью Ридигеромъ, сдѣлана была по люблинскому воеводству публикація; мною написанныя правила для аванпостной службы отданы были по его желанію въ приказѣ. Видя его военныя дарованія, рѣшительность и деликатное со мною обращеніе, я глубоко уважаю его какъ одного изъ отличнѣйшихъ, благороднѣйшихъ и добродушнѣйшихъ генераловъ нашихъ.

Если бы корпуса Дзѣконскаго изъ-за Вислы, Хржановскаго изъ Замостья и главная непріятельская армія, оставивъ достаточные гарнизоны въ Люблинѣ и Прагѣ и наблюдательные отряды противъ Ридигера и Розена, сосредоточились у брестскаго шоссе лицемъ къ Пултуску и Остроленкѣ, и развернули свои колонны отъ Брокъ къ Ружиполю и Остроленкѣ въ тылу нашей арміи, мы неминуемо понесли бы жесточайшее пораженіе.

Въ Іюнѣ графъ Паскевичъ-Эриванскій [1]) вступилъ въ командованіе арміею. Я не могъ питать уваженія къ этому человѣку, потому что гнусные его доносы на Ермолова мнѣ были слишкомъ извѣстны. Онъ принадлежалъ къ числу безграмотныхъ; Грибоѣдовъ сочинялъ ему приказы и даже частныя письма. Онъ, не довольствуясь уже отправленными въ Петербургъ доносами, приказалъ написать отъ имени Аббасъ-Мирзы письмо, въ коемъ Ермоловъ былъ обвиненъ въ вѣроломномъ нарушеніи

---

[1]) Еще до смерти своей графъ Дибичъ жаловался на графа Толя государю, который въ отвѣтъ писалъ ему: „дай ему подъ гузно и отправь его вонъ.“ Это письмо, полученное послѣ кончины фельдмаршала, было распечатано и прочтено самимъ графомъ Толемъ. Великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ однажды графу Дибичу: „смотри, герой забалканскій, не будь плѣнникъ завислянскій.“ Графъ Алексѣй Θедоровичъ Орловъ сказалъ Алексѣю Петровичу Ермолову: „Прибывъ въ армію, я въ графѣ Дибичѣ не нашелъ уже того фельдмаршала, съ которымъ я былъ въ сношеніяхъ въ эпоху андріанопольскаго мира; въ Европѣ дураки утверждали, что я его отравилъ; онъ самъ себя ромомъ отравлялъ.“

мира.[1]) По его приказанію была вырѣзана армяниномъ печать, весьма походившая на печать, которую Аббасъ-Мирза обыкновенно прикладывалъ къ своимъ грамотамъ и письмамъ; это подложное письмо, снабженное этою печатью, было отправлено въ Петербургъ съ адъютантомъ главнокомандующаго графомъ Опперманомъ. Этотъ фактъ извѣстенъ всѣмъ лицамъ, состоявшимъ въ то время при Паскевичѣ. Не взирая на все это, я, какъ русскій, желалъ ему отъ души быть генералиссимусомъ, даже принцемъ крови, лишь бы война могла быть имъ окончена скоро и молодецки.

Я опять съ 25 Іюля въ Красноставѣ и вновь наблюдалъ за Замостьемъ, откуда нельзя было ожидать никакаго нападенія съ тѣхъ поръ, какъ Хржановскій удалился въ Варшаву. Въ Люблинѣ жители повѣсили носы, говоря, что вскорѣ наступитъ миръ; хотя этого и нельзя было предвидѣть такъ скоро, но слухи эти ясно доказывали, что поляки почитали свое дѣло окончательно проиграннымъ. У поляковъ еще до этого времени началась ужасная анархія; начальникъ существовалъ лишь для командованія войсками въ военное время; внѣ поля сраженія войска не признавали властей, и отбирали у жителей послѣднее, говоря, что это для отчизны.

Война эта мнѣ казалась даже невыносимою, ибо я часто со слезами на глазахъ находился вынужденнымъ отрывать родителей отъ дѣтей и отсылать ихъ. Но къ утѣшенію моему Крейцъ и въ особенности Ридигеръ весьма строго наблюдали за тѣмъ, чтобы солдаты наши не дозволяли себѣ грабить жителей.

---

[1]) Злонамѣренность этого доноса, который подлостью своею превосходитъ всѣ предыдущіе, очевидна, ибо всѣмъ извѣстно, что Аббасъ-Мирза, вѣроломно нарушивъ миръ, вторгся неожиданно въ наши предѣлы. Графъ Паскевичъ отправилъ для этой цѣли негодяя Карганова (извѣстнаго подъ именемъ Ваньки-Каина) съ чиновникомъ на границу для принятія этого вымышленнаго письма. Для того чтобы еще болѣе убѣдить всѣхъ, что Аббасъ-Мирза дѣйствительно переслалъ какое то письмо на имя главнокомандующаго, какимъ-то всадникамъ изъ мѣстныхъ жителей приказано было выѣхать къ нимъ на встрѣчу. Это было передано Ермолову генераломъ Василіемъ Иловайскимъ, а послѣ подтверждено многими изъ подчиненныхъ фельдмаршала. Лучшимъ опроверженіемъ того, что Ермоловъ не нарушалъ мира, написавъ будто бы рядъ оскорбительныхъ писемъ Аббасъ-Мирзѣ, служитъ то, что въ теченіи десяти-лѣтняго, славнаго управленія Грузіей, всѣ письма, писанныя имъ къ Аббасъ-Мирзѣ и другимъ сосѣднимъ пашамъ, были писаны его собственною рукою и ни одно изъ нихъ не было предъявлено нашему правительству.

19-го Іюля я, командуя отрядомъ на Вислѣ, дѣлалъ фальшивую переправу, стрѣлялъ изъ орудій и ружей въ Пулавѣ и это одно изъ послѣднихъ дѣйствій моихъ въ теченіи кампаніи. Корпусу нашему велѣно было переходить Вислу и въ диспозиціи было сказано: „весь корпусъ переходитъ Вислу по мосту въ „Юзефовѣ 25 Іюля, а отрядъ генералъ-маіора Давыдова въ Пулавѣ съ 24 на 25-е.“ Тамъ моста не было, но я успѣлъ построить и поставить двѣ барки, которыя могли вмѣстить 50 человѣкъ пѣхоты, и два плота, на коихъ можно было поставить человѣкъ 10 съ лошадьми. Отрядъ мой состоялъ изъ 100 человѣкъ стрѣлковъ, 1-го казачьяго полка и 7-ми эскадроновъ конныхъ егерей. Весь противуположный берегъ былъ взрытъ длиннымъ валомъ, за коимъ сидѣли непріятельскіе стрѣлки, которые стрѣляли по всякому подходившему съ нашей стороны. И такъ мнѣ надлежало съ сотней стрѣлковъ держаться противу превосходнаго числомъ непріятеля болѣе сутокъ, ибо ранѣе, и то съ большимъ трудомъ, нельзя было перевезти моей конницы, потому что рѣка широка и быстра, плоты же были сдѣланы на-скоро, гребцы нашлись съ трудомъ, къ тому же все это должно было совершаться подъ выстрѣлами непріятеля. Всѣ мы видѣли явную гибель, къ которой стремились, но я, 30-ти-лѣтній солдатъ, хотя и сознавалъ вполнѣ свое опасное положеніе, долженъ былъ безпрекословно исполнить повелѣніе. Цѣлый день трудились мы надъ исправленіемъ плотовъ и паромовъ, подвергаясь во все время непріятельскимъ выстрѣламъ. При наступленіи ночи я сталъ готовиться къ переправѣ; такъ какъ офицеры и стрѣлки обнаруживали большую робость, я рѣшился сѣсть на первую барку и ѣхать съ ними, можно сказать, на убой.

Когда уже совершенно стемнѣло, я началъ садиться въ первую барку съ 50-ю стрѣлками; по всему противуположному берегу затрещали выстрѣлы, градъ пуль сталъ осыпать насъ и въ самое короткое время ряды солдатъ убитыхъ и раненыхъ пали вокругъ меня. Едва только хотѣли мы отчалить, какъ послышались съ нашей стороны крики: „ваше превосходительство, *ку-„рьеръ.*“ Я выскочилъ изъ барки и при огнѣ фонарей прочелъ: „отмѣнить переправу и идти къ мосту на *Юзефовъ.*“ Еще секунда, мы бы отчалили, полетѣли бы по быстрой Вислѣ и уже никакой курьеръ не могъ бы насъ спасти. Огонь непріятельскій былъ такъ силенъ, что въ Пулавѣ раненъ былъ мой человѣкъ. Тутъ человѣческаго ничего не было: одинъ Богъ былъ винов-

никомъ нашего спасенія; я отъ полноты душевной принесъ ему самую жаркую молитву за столь чудное спасеніе! Полковникъ польскій, командовавшій на противоположномъ берегу, будучи въ послѣдствіи взятъ въ плѣнъ, говорилъ мнѣ что онъ, зная о нашей переправѣ, ожидалъ насъ съ нетерпѣніемъ, чтобы всѣхъ насъ истребить.

Въ двадцатыхъ числахъ августа я командовалъ отрядомъ въ предмостномъ укрѣпленіи на Вислѣ, близъ Казимиржа. Варшава была еще въ рукахъ непріятельскихъ. Вдругъ непріятель въ довольно большихъ силахъ, приблизившись къ намъ, выслалъ на приступъ двѣ колонны; такъ какъ я зналъ, что это были толпы мужиковъ, предводимыхъ Ружицкимъ, я открылъ по нимъ сильный огонь, отъ котораго они разсѣялись. Ридигеръ, бывшій постоянно моимъ ангеломъ — хранителемъ, бодрствовалъ по своему обыкновенію; онъ явился, и преслѣдовалъ на разстояніи 30 верстъ непріятеля, который при этомъ лишился 1000 человѣкъ убитыми и плѣнными — 15 офицеровъ и 500 рядовыхъ. Чрезъ два дня я узналъ, что 10,000-ый корпусъ генерала Рамарино, преслѣдуемый Розеномъ, направляется на меня; такъ какъ у насъ было всего 1200 человѣкъ, я потому поспѣшилъ извѣстить о томъ Ридигера, находящагося въ 50 верстахъ. До полученія моей бумаги, онъ мнѣ предписалъ съ однимъ баталіономъ и четырьмя орудіями спѣшить въ Радомъ на подкрѣпленіе принца Адама Виртембергскаго.[1]) Я послалъ къ нему другаго курьера, при чемъ писалъ, что полагаю свое присутствіе въ укрѣпленіи болѣе необходимымъ. Получивъ повторительное приказаніе выступить, я на разсвѣтѣ 1 сентября двинулся, но на половинѣ дороги меня настигъ новый курьеръ съ приказаніемъ ночевать и возвратиться назадъ. Утромъ получилъ я слѣдующее донесеніе отъ генерала Слатвинскаго, остававшагося въ укрѣпленіи: „Видя предъ собой непріятеля въ весьма большихъ силахъ, я нашелся вынужденнымъ оставить укрѣпленіе праваго берега и, „перейдя рѣку, сжегъ мостъ.“ Онъ поступилъ весьма благоразумно и основательно; непріятель, за неимѣніемъ моста, двинулся къ австрійской границѣ, гдѣ, преслѣдуемый русскими, положилъ оружіе. Такъ какъ Слатвинскій не успѣлъ кой-чего перевезти на тотъ берегъ, онъ подвергся сильнымъ нареканіямъ.

---

[1]) Я объ немъ однажды сказалъ: „quoique ce soit un prince du sang, et „par dessus cela un Adam, mais ce n'est pas le premier des hommes.“

Я бы испыталъ тоже самое, но къ счастію Богъ меня отъ того спасъ.

Къ намъ стало возвращаться много офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, которые были свидѣтелями ужасныхъ неистовствъ варшавской черни. Нѣкто ксендзъ Пулавскій ходилъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ, со слезами умоляя народъ истребить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ и евреевъ. Нѣсколько десятковъ евреевъ было повѣшено на фонарныхъ столбахъ. Генералъ Янковскій за неудачу свою подъ Лисобиками (или Будзискомъ), генералъ Буковскій и каммергеръ Феншъ были изрублены и повѣшены. Графиня Гауке была также изрублена и повѣшена. Полковница Баханова, изуродованная сабельными ударами, была повѣшена въ глазахъ своей дочери, тщетно умолявшей о пощадѣ и получившей ударъ штыкомъ въ бокъ. Плѣнный офицеръ нашъ Кетлеръ былъ повѣшенъ въ слѣдствіе просьбы какой то женщины, которая просила народъ, въ случаѣ несогласія на то, повѣсить ее. Офицеры наши, возвратившіеся изъ плѣна, разсказывали, что чернь варшавская и войска всенародно объявили, что если меня возмутъ въ плѣнъ, то тотчасъ повѣсятъ. При нихъ объявлено было нѣсколько разъ, что Ридигеръ и я взяты и что насъ везутъ въ Варшаву, гдѣ намъ потому заготовлялись почетныя квартиры и на другой день мы должны были быть повѣшенными; „слышите ли, говорили полякп, „что партизанъ Давыдко (это было мое прозвище) идетъ на „насъ, жжетъ и рубитъ все безъ пощады; смотрите, будьте „пока осторожны, но мы его скоро возьмемъ и повѣсимъ.“ На аванпостахъ спрашивали часто о принцѣ Адамѣ Виртембергскомъ, коего ненавидѣли за то, что его мать была княжна Чарторыжская и онъ самъ прежде служилъ въ польскихъ войскахъ, о Ридигерѣ, который своими славными побѣдами навелъ на нихъ страхъ, и обо мнѣ недостойномъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ нашей типографіи, на-дняхъ, поступятъ въ печать подлинныя Записки Алексѣя Петровича Ермолова о войнѣ 1812 года, передъ смертію имъ переданныя одному изъ самыхъ довѣренныхъ его лицъ, и этимъ лицомъ намъ присланныя.

Имѣемъ честь объявить с. п. б. правительству, что никто изъ членовъ семейства Ермоловыхъ не участвовалъ въ доставленіи намъ этой рукописи.

Князь Петръ Долгоруковъ.

1 Іюня 1863.

7, Parsons-Green,
Fulham, London.

ОГЛАВЛЕНІЕ.